Александр Зацепин

Юрий Рогозин

«...Миг между прошлым и будущим»

«Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Земля Санникова», «12 стульев»...

Жизнь, фильмы и песни в автобиографической книге прославленного композитора

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Композитор Александр Сергеевич Зацепин, автор музыки к популярнейшим кинофильмам и песням, человек необыкновенно разносторонний, интересный и очень позитивный. Его увлекательные, с юмором рассказанные истории о жизни, звездах кино и эстрады, отечественных и зарубежных режиссерах и актерах – от Леонида Гайдая, Юрия Никулина и Аллы Пугачевой до Клаудии Кардинале и Шона Коннери – никого не оставят равнодушным. Это истории о создании известных песен, о работе над музыкой к всенародно любимым фильмам, о непростых отношениях людей на сцене и за ее кулисами.

- Александр Зацепин
  -
  - «…Нежно целую. Моцуоки»
  - «Дело не в погоде!»
  - Грациано и Кэш
  - В загс – с бывшей монахиней
  - У гоголя в гостях
  - Разведенный и безработный
  - Чарующий кофейный аромат
  - Аккордеонист и ночные бабочки
  - А «Жигули» подарил немцам
  - И снова здравствуй, Гайдай!
  - А «Облико морале» подкачало!.
  - «Любви все возрасты покорны…»
  - Париж, Париж!.
  - Закаменский «Жиган»
  - Высокий блондин в красных ботинках
  - Родителей – к директору!
  - Выступает акробат Зацепин!
  - Мир не без добрых людей…
  - Эх, математика, математика!.
  - Сбежать на войну не сумел…
  - Начальник кинобудки
  - На третьей полке у трубы
  - В шапке с четырьмя ушами
  - А мог бы стать иллюзионистом!.
  - И сгущенка для полного счастья
  - А я что, рыжий?.
  - Бизнесмен из меня неважнецкий
  - «Харлей», «Победа» и аккордеон

- Продавали – веселились, посчитали – прослезились…
- Чем отличается рояль от дивана?
- Старик хоттабыч нас заметил…
- Ползущие фонограммы
- В Москву, в Москву!
- Вечный квартирный вопрос
- Случайное знакомство в городе ангелов
- «Нервных просьба не беспокоиться!»
- А споет ли эту песню народ?.
- Эксцентрика, как и восток, – дело тонкое
- И на посошок!.
- Леня Дербенев, друг, поэт и йог
- Посидели, поокали и… записали песню
- Обиды приходят и уходят
- Франко Кристальди денег не жалел
- Клаудия кардинале и ширь русской души
- Никита Михалков как обед для медведя
- Итальянцы обошли на повороте
- Обожаю выходные!
- «Миг» – в подземном переходе
- 40 Тысяч кассет и первая премия
- Гаишники проявляют лояльность. Иногда
- Хинди, музыка и лень
- Трудно быть по пояс деревянным…
- Гениям легче. А нам… работать!
- Ах, этот неувядаемый бах!.
- «Есть только миг!..»
- Итоги подводить рано, и все-таки…
  -
  - Сюиты, симфонии и прочее
  - Музыка к спектаклям
  - Музыка к кинофильмам
  - Песни
  - Мюзиклы
- Вместо послесловия

Александр Зацепин
«…Миг между прошлым и будущим»

В оформлении книги использованы фотографии из личного архива автора, а также Ю. Рогозина и Рудольфа Кучерова / РИА Новости

© Зацепин А… 2017
© Рогозин Ю., 2017
© Оформление. ООО «Издательство «Э», 2017

«…Нежно целую. Моцуоки»

Даже в лучшие его годы пресса очень мало писала о нем. Его лицо крайне редко появлялось в газетах, он не ходил на киношно-эстрадные тусовки, не ездил на гастроли, не выступал по телевидению: жалко было тратить время зря. Вместо всего этого он с удовольствием сочинял музыку, и к тому же он примерный семьянин.

Один из лучших шахматистов мира Анатолий Карпов как-то заметил: «Шахматы – моя жизнь, но жизнь – это не только шахматы!» Перефразируя чемпиона, о Зацепине, наверно, можно сказать так: музыка – его жизнь, а жизнь – это только музыка!.. И ничего не поделаешь.

Именно поэтому он многое успевает. Написал свыше четырехсот песен, музыку к доброй сотне кинофильмов, двум балетам, спектаклям, мюзиклам.

Удивительно, но с таким огромным творческим багажом и известностью Зацепин никогда не был обласкан властями. «Заслуженного деятеля искусств» ему присвоили только в конце 90-х. А когда в 2001 году Союз композиторов выдвинул его на «народного артиста», чиновники сказали: «Еще не прошло положенных между званиями пяти лет!» Однако через какое-то время все же дали.

Хотя за званиями и наградами он никогда не гнался. Народ его и так любит.

Зацепин – композитор уникальный. Есть композиторы, пишущие только симфоническую музыку. Есть – пишущие только для кино. Или только для эстрады. Зацепин же умеет все.

За последние тридцать пять лет, что мы с ним дружим, он совсем не изменился. Так же энергичен, полон сил и вдохновенья. Так же делает каждый день зарядку. Так же много работает. Так же весел и готов к розыгрышу, с шуткой не расстается ни на секунду. Поздравляю его с Новым годом, говорю:

– Пусть желание работать не покидает вас никогда!

А он:

– Ты понимаешь, это у меня уже имеется! Наверно, давно какая-то инфекция попала, и никакой антибиотик ее не берет!..

– Ну, а будет желание работать, значит, будет и хороший тонус!

– Тон-то у меня есть, – без паузы отвечает маэстро, – а вот уса нет!.. Я их сбриваю!..

Интересуюсь здоровьем.

– Да вот аллергия какая-то напала на глаза. Правый еще

ничего, а левый не очень.

– Может, вы левым кому-то глазки строили?..

– Да нет. Глазки я двумя строю!..

Дома в Москве, декабрь 2016 года

…Я познакомился с Александром Сергеевичем в начале восьмидесятого года прошлого века. Так получилось, что друг нашей семьи Вадим Авенирович Миловидов, заместитель министра строительства, как-то обмолвился, что рос вместе с Зацепиным. Для меня, тогда молодого новосибирского журналиста и старшекурсника железнодороржного института (из которого когда-то отчислили Александра Сергеевича), этот факт был большой удачей. Для областной газеты я готовил интервью со всеми заезжими звездами кино и эстрады, а тут, оказалось, есть неформальный выход на самого Зацепина, который в те годы находился в зените славы! Можно написать очерк о нем. Кроме того, в душе таилась надежда предложить композитору собственные стихи…

И вот он, старый добрый дом на Арбате. Звоню в заветную дверь. Слышу заливистый лай собаки. Открывает очень приятная, скромная и обаятельная женщина – Светлана Сергеевна, жена композитора. Следом появляется сам маэстро. Вельветовый пиджак (тогда вельвет был моден и дефицитен), темные волосы, короткая стрижка, веселые серо-зеленые глаза, крепкое рукопожатие. Рядом – повизгивающий черный пудель Тимка.

Огромная гостиная. Рояль. Несколько диванов и кресел,

стены обиты тканью поверх звукоизоляционного материала.

Сажусь в какое-то невероятно мягкое кресло, которое меня тут же поглощает. Достаю диктофон, и после короткого рассказа о Новосибирске мы начинаем работать.

Вскоре появляется Светлана Сергеевна, приносит чай и пирожные.

В этой гостиной-студии собирались музыканты и певцы, репетировали и записывали новые произведения Александра Сергеевича. В смежной маленькой комнатке – магнитофоны, микшеры, пульты. Часть этой сложной аппаратуры композитор сделал собственноручно.

После второй рабочей встречи насмеливаюсь предложить стихи. Но выясняется, что он не пишет музыку на стихи, на готовую мелодию поэт сочиняет слова. Однако в силу деликатности стихи он все же берет, обещает посмотреть.

Посылаю готовый очерк Зацепину. Приходит приятный ответ: «Если честно, не ожидал, что получится так здорово!»

Передвигая из номера в номер, очерк два года мурыжили в толстом литературном журнале «Сибирские огни». Мое терпение лопнуло, я отправил его в Москву, в самый популярный тогда молодежный журнал «Смена». И там его напечатали! А на календаре уже был май восемьдесят третьего.

Звоню Зацепину, чтобы занести журнал.

– А папа уехал во Францию, – говорит его дочь Лена.

– Когда вернется? – спрашиваю.

– А он насовсем… Он, конечно, будет приезжать, но когда, не знаю…

И тут мне звонят из «Смены»:

– Караул! Что же ты не сказал, что Зацепин уехал из страны?..

– Так я и сам ничего не знал, – отвечаю.

– Нас вызывают на ковер в ЦК комсомола: как мы можем писать о человеке, который уехал из СССР?!

– Давите на то, что он сохранил гражданство и будет приезжать, – советую я.

И это было чистой правдой.

К тому времени я уже переехал в Москву. Почти с такими же приключениями, как когда-то Зацепин. После публикации очерка мне предложили работу в «Смене», о чем я мог только мечтать, и тут вдруг – такой скандал!..

Но то ли в ЦК комсомола все очень любили музыку Зацепина, то ли просто звезды встали, как надо, – проблема тихо рассосалась сама собой, и в престижный журнал меня все-таки взяли…

Так знакомство с любимым композитором вначале

проложило, а потом чуть не закрыло мне дорогу в большую журналистику.

Моей мечте – написать песни с Зацепиным – суждено было сбыться двадцать лет спустя. Его постоянный соавтор и друг, прекраснейший поэт Леонид Дербенев к тому времени покинул наш бренный мир. И однажды, весной 2001 года, Александр Сергеевич сказал мне:

– А может, ты попробуешь написать стихи к моим новым мелодиям?

Опыт у меня уже был, с десяток песен на мои стихи исполняли «Самоцветы», Николай Мозговой и Борис Лобанов.

Готовых мелодий у Зацепина оказался вагон и большая тележка. К тому же количество их постоянно прибавлялось.

Самое трудное в написании стихов на готовую мелодию – найти тему, сюжет. Но эта проблема решаемая. Особенно когда в твоем распоряжении прекрасные мелодии, рождающие массу ассоциаций.

В итоге на юбилейных вечерах Зацепина в январе 2002 года в киноконцертном зале «Россия» наряду с его золотыми шлягерами прозвучали и одиннадцать наших новых песен. Их пели Анне Вески, Виктор Салтыков, Ксения Георгиади, Анастасия, Дмитрий Ряхин, Теймураз Боджгуа, Владимир Ступин, Ирина Бережная, группы «Балаган лимимтед», «Шиншиллы», ансамбль «Бабье лето».

В нашем совместном творческом багаже более двух десятков песен.

Зацепин – человек необыкновенно веселый. Такое ощущение, что если он в данный момент не сидит у рояля, то занят тем, что выдумывает, как бы кого-нибудь разыграть. Вот, например, какую телеграмму получил от него из Крыма в семидесятых годах прошлого века его друг, замечательный композитор Александр Фляpковский:

«Вашу дачу отремонтировали почти всю. Девятая комната подгнила. Всех ваших свиней держим в сарае. Скотомет не в порядке. Пришлось кабана зарезать. Сообщите, выслать ли вам его голову. Варвара Петровна держит ее в холоде. Нежно целую. Моцуоки».

Телеграмму долго не принимали на почте: в адресе получателя значился Союз композиторов…

Но была еще и другая телепрограмма…

«Вы просили свести вам похабную татуировку на груди. Сообщите, какой давности она. Высылаем вам настенный аппарат для снятия вашей пошлой татуировки на 220 вольт. Правила

пользования прилагаются. С приветом П. Аедоницкий».

Известный композитор Павел Аедоницкий, другой приятель Зацепина, естественно, тут был ни при чем. Когда же Фляркoвский демонстрировал настойчивым желающим, что никакой нагрудной татуировки у него нет, ему недоверчиво говорили:

– А-а, ты ее уже свел!..

Лифт останавливается на его этаже, я выхожу – открывается дверь, и непонятно откуда в меня летит бумажный самолетик! Перевожу взгляд, вижу в дверях квартиры улыбающегося Александра Сергеевича…

Лезу во внутренний карман куртки и неожиданно натыкаюсь на незнакомый предмет. Батюшки-светы, пробка от шампанского! Готовый компромат! Мучительно соображаю: откуда она там взялась?.. Постепенно доходит: ага, проделки неутомимого маэстро!..

Сидим у меня дома за семейным столом, завтракаем. Моя жена Жанна приготовила сырники. Жуем. Вдруг Александр Сергеевич молча, с каменным лицом поднимается со стула.

– Что случилось, маэстро?..

– Сырники настолько вкусные, – спокойно поясняет Зацепин, – что память о них нужно отметить вставанием!..

– Юра, давай встретимся сегодня в шестнадцать девяносто? – предлагает по телефону композитор.

Быстро считаю в уме, какое должно получиться время, и невозмутимо переспрашиваю:

– Короче, в половине шестого?

– А-а!.. Понял!.. А то некоторые сразу никак не могут сообразить…

Вот такой он, композитор Зацепин. А теперь – слово ему самому.

«Дело не в погоде!»

В мою музыкальную кухню нередко протискивались не всегда компетентные люди. В советские времена в работу вмешивались и Союз композиторов, и Союз писателей, и комсомол, и партия… Смотрели – какая музыка, аранжировка, какие стихи, как поют, кто поет. Допустим, приношу я на радио новую песню, записанную Пугачевой (когда начинал работать с ней, она еще не была известной), а там говорят:

– Хорошо… Но нельзя ли перепеть припев? Почему она именно так поет? Можно это сделать как-то помягче?..

– Нельзя, – отвечаю, – мягче! Здесь надо именно так спеть. Вот смотрите…

И начинаю объяснять. Иногда удавалось убедить, иногда – нет. Тогда приходилось что-то перепевать. Не та, видите ли, манера, не так спел… Редакторы боялись своих вышестоящих начальников. Вдруг те им скажут:

– Как это вы пропустили?.. А подать сюда Тяпкина-Ляпкина!..

Твист, к примеру, очень ругали. Танец такой был. Говорили:

– Это же преклонение перед Западом! Не допустим!

У дома, где жил Леонид Гайдай, 2013 год

Нельзя было оркестр называть джаз-оркестром. Он должен быть только эстрадным! В сборниках не печатали какие-то песни, ноты. Так, не издавали ноты танго Остапа Бендера из фильма «Двенадцать стульев». Наверно, у песни был сильный капиталистический привкус…

Выпускал я пластинку «Дело не в погоде». Художественный совет ее одобрил – и музыку, и текст. Потом литературный материал куда-то посылают, и он возвращается с ремаркой: «Дело

не в погоде, а в чем же тогда?.. Название заменить!» Бдительные очи хирургов от искусства узрели в названии скрытый тайный смысл. А может, и реальную угрозу существующему строю. Мало ли чего там эти композиторы и поэты насочиняют! Вечно у них в голове бардак – женщины, вино и революции!.. Ладно бы, только женщины и вино…

А тираж-то пластинки уже готов! Деньги затрачены, все отпечатано, песня с таким названием записана. И что прикажете делать? «Закрывать» пластинку и не выпускать?

Крамольное название сменили. Не поскупились изготовить новые конверты. Вымученная пластинка все-таки вышла. И песня «Дело не в погоде» осталась…

Или вот. Снимается фильм «31 июня». Съемки идут на «Мосфильме» по заказу Центрального телевидения. И тут, словно парнокопытные из табакерки, вдруг появляются два человека. Смотрят еще не совсем готовый, но уже почти собраный фильм и делают более тридцати принципиальных замечаний! Например, по части балета:

– Убрать все места, где есть намек на голое тело!

Но что значит «голое тело»? Понятие весьма растяжимое. Голое до колена или до локтя? Это же балет! Балерины вообще почему-то взяли за правило танцевать с голыми до неприличия ногами.

По музыке было такое замечание: «Аранжировка – типичные зады капитализма. Всех солистов надо заменить». Коротко, но как емко!

Кто-то из нашей группы спросил:

– Может, вообще вместо Йоалы и Долиной поставить Лещенко и Толкунову?

– А что, – ответили, – можно и так.

В зале раздался смех. Но это был смех сквозь слезы.

Естественно, никто из нас не имел ничего против Лещенко и Толкуновой, замечательных солистов, но фильм был другого жанра и требовались совершенно другие исполнители!

Режиссера «31 июня» Леонида Квинихидзе после таких замечаний чуть кондратий не хватил. Хоть закрывай картину! Ведь приказано все вырезать, песни убрать, солистов поменять. «Гипс снимают, клиент уезжает!..» Хорошо, что директор «Мосфильма» Сизов был человеком творческим, писал книги и к искусству относился с нежностью. Он посмотрел материал и сказал Леониду Квинихидзе:

– Ничего не меняй, продолжайте так! Сделайте мне две копии.

Одну копию он отправил на телевидение (потому что

снимали картину по заказу Центрального телевидения). А вторую хитрый Сизов пустил по государственным дачам.

> По музыке было такое замечание: «Аранжировка – типичные зады капитализма. Всех солистов надо заменить». Коротко, но как емко!

На телевидении тянули с ответом до последнего момента. Прислушивались: а что там, наверху, говорят по поводу фильма?.. А там как раз отнеслись очень положительно. Мы с Квинихидзе ходили на ЦТ к главным начальникам. Одна теленачальница все меня допытывала:

– Александр Сергеевич, ну, почему у вас Яак Йоала в начале фильма поет одним голосом, а когда он по сюжету уже в двадцать первом веке, то другим? Голос у него меняется, становится каким-то хриплым…

– Так это уже другой человек! – объясняю. – Другой век, другая манера.

А в ответ слышу:

– Нет, так не пойдет!.. Пусть перепоет!

– Нельзя!..

– Тогда мы эту песню вырежем!

И две песни из картины вырезали. Слава богу, хоть фильм остался. Потом его пустили в эфир в новогодний вечер. Но не в одиннадцать часов, а в восемь, когда все либо едут в гости, либо готовят праздничный стол и до телевизора еще не добрались…

А потом фильм положили на «полку» лет на восемь. Потому что исполнитель главной роли Саша Годунов из Большого театра после гастролей остался за границей. А это приравнивали к предательству.

Вот «Кавказская пленница» как-то проскочила! Там ничего страшного не было. У Гайдая, правда, вырезали совершенно замечательный кусок, где Этуш играл в кителе «под Сталина». Меня, как композитора, напрямую это не касалось, только косвенно. Но все равно было обидно за Леню, вырезали много смешных реплик.

В фильме «Иван Васильевич меняет профессию» к музыке тоже не придирались. Вырезали опять только гайдаевские режиссерские находки.

Удивляюсь, как в «Бриллиантовой руке» проморгали песню «Остров невезения»!.. Эта песня была такая яркая по тексту – про «людей-дикарей», поэтому, наверное, и в голову никому не пришло, что кто-то решился бы так открыто «наезжать» на Советский Союз.

Однако у цензоров было столько придирок к режиссеру, что

«Бриллиантовая рука» оказалась под угрозой закрытия. Но Гайдай не был бы Гайдаем, если бы не сделал ход конем. В конце фильма после надписи «Конец» он поставил документальный кадр… атомного взрыва! Цензоры схватились за голову: мало того, что в фильме – «криминальные песни», так еще и атомный взрыв!.. Надо убрать две песни, антисоветчину в диалогах!

> На моей творческой кухне закипал бульон недовольства. Он бурлил, бурлил да и вылился однажды через край…

Но режиссер упорно отказывался.

И тут одному Леониду небеса послали в помощь другого Леонида. Глава государства Леонид Ильич Брежнев попросил на воскресенье дать ему какую-нибудь новую комедию. Он был большим поклонником киноискусства, любил устраивать в выходной день маленькие домашние премьеры. Ему прислали «Бриллиантовую руку». Он хохотал на всю дачу, попросил прокрутить фильм еще раз, опять хохотал, а в понедельник позвонил в главк, поблагодарил и сказал: «Выпускайте скорее на экран, замечательная комедия!»

Пожелание генерального секретаря – закон. Через несколько дней киношное руководство предложило Гайдаю:

– Пусть все останется как есть, только убери этот проклятый взрыв!..

– Ладно, так и быть, – сказал Гайдай, – взрыв уберу…

И спасенный фильм вышел на экраны! Не придумай Леня этот отвлекающий момент в виде взрыва, еще неизвестно, чем бы закончились игры с цензорами…

По-моему, до сих пор в нашей стране никому не удалось сделать столь яркую и любимую народом эксцентрическую комедию.

Да, Гайдай был не только великим режиссером, но и великим комбинатором!

Вот так вокруг нас постоянно летали длинные ножницы и скальпели, норовившие что-нибудь любовно оттяпать. И это не проходило бесследно. На моей творческой кухне закипал бульон недовольства. Он бурлил, бурлил да и вылился однажды через край…

Грациано и Кэш

В середине семидесятых годов на две недели я ездил с группой в США от Союза кинематографии. Это была моя вторая поездка в Америку. Со многими достопримечательностями я уже был знаком, в частности, на самый верх статуи Свободы слазить успел.

В группе был и композитор Микаэл Таривердиев. Были еще режиссеры, операторы, актеры, но из музыкантов – мы вдвоем. Перед отъездом в Доме кино нам обстоятельно внушали, что можно делать в кишащей опасностями не очень дружественной Америке, а чего нельзя. Меня же интересовали проблемы иного характера. Потихоньку я выведывал у Таривердиева самое главное.

– Ты куришь? – спрашиваю. – Храпишь?

Он отвечает весело:

– И курю, и храплю!

– Тогда я с тобой в одном номере жить не буду! – говорю.

Рядом сидел какой-то мужчина.

– А я вот, – говорит, – не курю и не храплю!

– Очень хорошо, – обрадовался я, – будем вместе жить!

Он оказался руководителем группы. А тогда все руководители групп являлись сотрудниками КГБ. Но мой сосед оказался человеком хорошим.

В США у меня был приятель Джон Грациано, с которым я познакомился в предыдущую поездку и который приезжал потом ко мне в Москву. Он преподаватель русского и итальянского языков. По происхождению итальянец.

У своего руководителя группы я попросил разрешения сходить с Грациано в ресторан. А наша делегация должна была в это время присутствовать на каком-то приеме. Руководитель группы сказал мне:

– Возьмите своего Джона с собой, минут пятнадцать побудьте на приеме, а потом можете идти.

Мы так и сделали.

И на этом приеме Джон разговорился с какой-то негритянской семейной парой интеллигентного вида. Негр оказался… кинопродюсером и захотел послушать что-нибудь из моей музыки. Вот так придешь в какое-нибудь заведение и обязательно наткнешься на продюсера! И фамилия у него оказалась подходящая – Кэш. Что означает: наличные деньги.

Он пригласил меня на студию в Голливуде. Этих студий там – пруд пруди.

Я взял песню «Небо мое» в исполнении Валерия Ободзинского и «Бубен шамана», которую пела Алла Пугачева. Там очень интересно записан ритм, замечательно играет саксофон, гитара, вообще очень хорошие музыканты. «Небо мое» он послушал. Вижу, ему стало скучно. Я поставил вторую песню. Он включил звук на всю громкость, потом кому-то позвонил. Пришла очаровательная молодая негритянка – музыкальный редактор. Они посовещались, и мой приятель говорит мне:

– Ты знаешь, им очень понравилось, и музыка, и аранжировка, и музыканты! Они хотят заключить с тобой контракт. Для этого тебе надо прийти в понедельник.

А была пятница. В воскресенье же нам предстояло лететь к родным берегам. Кэш позвонил кому-то, а потом предложил нам встретиться в субботу и попросил, чтобы я взял с собой двух свидетелей.

И вот мы пришли заключать договор (он у меня хранится до сих пор. Я сделал копию, а то мне не верят). Подписали пять разных экземпляров – артистический контракт, права композитора и еще что-то, я в этом ничего не понимал и сейчас особо не понимаю. Со стороны продюсера – два свидетеля, с моей – два. Потом продюсер дает мне один доллар – это такая символическая плата, у них так полагается, и спрашивает:

– На какой срок хотите иметь контракт – на три года или на восемь лет?

Я мучительно соображаю: на сколько лучше? Как бы не прогадать!.. И мы решаем: на три с половиной! Если все пойдет как надо, можно продлить.

Джон Грациано мне потом говорит:

– Такого контракта люди здесь всю жизнь ждут. Это счастливый случай! Ты обязательно должен остаться в Америке!..

Но как я могу остаться? В Союзе у меня жена, ребенок…

Добрый мистер Наличные Деньги согласился, чтобы я работал в Москве со своими музыкантами и все записывал в своей студии. У меня тогда была хорошая большая студия дома. Мы договорились, что мне будут присылать видеокассеты с фильмами, для которых надо сочинить музыку. Мне дали два ролика специальной пленки. Решили, что американцы будут приезжать слушать эскизы и после записи увозить с собой готовые фонограммы. Песни, которые я привез в США, продюсер уже включил в свой очередной альбом.

По контракту мы должны были выпускать два фильма и две пластинки в год. Работа интересная, да и гонорары – с нашими не сравнишь.

Итак, мы подписали контракт, который в Америке ждут всю

жизнь. Мысль плюнуть на все и остаться в США в тот момент не возникала. Я получил хорошую работу, могу записывать со своими музыканатами, чего еще желать? Ну, если пригласят на запись фильма, с удовольствием съезжу (если пустят), а оставаться не собирался.

Возвращаюсь в Советский Союз, иду в ВААП (Агентство по защите авторских прав) и рассказываю про контракт. А меня уже предупредили, что я нарушил правила. Надо было сообщить в ВААП, и представитель агентства подписал бы за меня. Сам я, оказывается, не имею права.

Рассказываю в ВААПе об условиях, которые мне предложили, и спрашиваю: могу ли я так работать? Мне отвечают:

– Это не наша компетенция. Надо идти в Министерство иностранных дел к советнику по культуре.

Добрался я до советника, поведал свою историю.

– Теоретически можно, – отвечает он. – Но практически знаете как это будет? Американцы пошлют вам кассету. Предположим, она должна прийти завтра. Придет же… через два месяца! Потом они захотят приехать к вам с режиссером. А им визу не будут давать! Вы захотите поехать – вас туда не пустят…

> – Такого контракта люди здесь всю жизнь ждут. Это счастливый случай! Ты обязательно должен остаться в Америке!..
>
> Но как я могу остаться? В Союзе у меня жена, ребенок…

Все это добрый советник говорил мне тихим голосом, отойдя со мной в уголок кабинета. Честный человек, он не стал обманывать наивного композитора, свалившегося с луны и не читавшего важных партийных документов.

Потом к нам приехала моя приятельница из Америки, привезла пленку. Я объяснил ей, что рад бы индюк не идти, да за крыло волокут…

Позднее мне рассказывали, что тот продюсер очень сожалел. И в суд на меня из гуманных соображений подавать не стал. Хотя по злым буржуазным законам я обязан был заплатить приличную неустойку за нарушение контракта.

Я пришел домой из МИДа, а в голове крутилось: как же мне вырваться ТУДА?.. Такая ведь интересная работа!

В загс – с бывшей монахиней

В то время уже кое-кто уезжал из Союза. Некоторые ехали сначала в Израиль. Оттуда не без сложностей можно было куда угодно. Но у меня рука не поднималась сделать что-то фиктивное. Оформить, к примеру, за взятку бумаги о том, что я еврей, или жениться на еврейке… Придумать, конечно, можно было. Но я же не хотел уезжать насовсем! Только поработать! Мне было пятьдесят лет, полон сил и идей.

И тут в шляпе с тросточкой снова появился изящный джентльмен по имени Случай.

Напротив нашего дома в Большом Ржевском переулке жила знакомая моей жены. Они вместе работали в музыкальной школе, ходили друг к другу в гости. У нее был муж француз, переводчик и преподаватель русского языка в Париже. В свое время он шесть лет преподавал французский в Одесском университете. Меня с ним познакомили. Ален оказался очень симпатичным парнем. К тому времени я уже был один, моя любимая жена Светлана, с которой мы счастливо прожили почти тридцать лет, умерла. Я рассказал Алену о своих мытарствах. Он говорит:

– У меня во Франции – сестра Женевьева, она не замужем. Давай познакомлю тебя с ней?

Он показал мне ее фотографию. Женщина мне понравилась. Француженка… В этом есть какая-то экзотика.

Потом она приехала сюда, я ей тоже почему-то понравился. Русский… Наверно, в этом тоже есть свой аромат. Для француженки.

Возникла взаимная симпатия.

Женевьева была очень мила. Она художница, к тому же пела в хоре, знала и любила музыку. У нас было что-то общее.

Прошло какое-то время, и я решил: где наша не пропадала, женюсь! Шел 1980 год. Мы расписались.

Вот так неожиданно получилось, что я женился на чуждой советскому человеку иностранке. Конечно, у нас на это смотрели косо. Но что делать? Спасибо, что хоть не американка!.. У нас с Америкой холодная война!

Я думал: не получится – расстанемся. Дочь у меня уже большая. Она особого значения тому, что я женюсь, не придала.

Говорили мы с Женевьевой по-английски. Я французский не знал, она английский – не очень, но постоянно что-то подучивала. Выучила и несколько слов по-русски.

Ей было сорок два года. Детей не имела. Замужем не была. У нее очень интересная судьба. Когда-то отец не разрешил ей выйти

замуж за ее возлюбленного, и она ушла в монастырь. И прожила там пятнадцать лет. Потом вернулась в мир, жила в Тулузе. А потом произошла наша историческая встреча.

Итак, мы зарегистрировались и поехали в Иваново, в Дом творчества на двадцать дней. В Рузе, под Москвой, жить вместе нам не разрешили: жена-иностранка очень опасна для державы. А в Иваново – можно, все-таки далеко от столицы. У нас там был медовый месяц. Она нарисовала мой портрет. Я предложил ей жить в Советском Союзе, но она отказалась. Ее пугала атмосфера, создаваемая властями. Я наивно предложил жить полгода во Франции, полгода – здесь, полагая, что нам так позволят добрые советские начальники. Но не тут-то было!

Когда Женевьева приехала в Москву в первый раз, будучи моей женой, и я встречал ее в аэропорту, мне сказали:

– Она поедет в автобусе с иностранцами, а не в вашей машине!

Объясняю:

– Я же муж!..

– Да хоть папа римский! Нет, и все!

И я в машине ехал за автобусом. В качестве почетного эскорта. Подъехали мы к гостинице «Космос». В Москве как раз проходила Олимпиада-80. Кругом было много родной милиции. Мы заходим в гостиницу, и вдруг в тамбуре, между дверями возникают трое в штатском со строгими лицами. И требуют у Женевьевы документы. На Западе в гостиницах из закутков никто внезапно не выныривает и не спрашивает паспортов. Женевьему затрясло от страха, как в тропической лихорадке.

Наша тройка очень внимательно изучила документы Женевьевы, а мой паспорт даже не попросила. Хотя мы разговаривали с ней только по-английски.

Но это была только прелюдия. Мне не разрешили жить в гостинице вместе с женой, а ей – у меня дома!

Союз композиторов разрешил нам пожить вместе в Иванове, хотя в парткоме СК смотрели косо. Но это уже было позже. А в первый приезд Женевьева пожила неделю, помучилась (в гостиницу меня пускали с трудом, в одиннадцать вечера требовалось очистить помещение от гостей) и уехала во Францию. А я подал документы в центральный ОВИР, там у меня был хороший знакомый. Я сказал, что хочу поехать к жене во Францию на три месяца. Проходит два-три месяца, рассмотрели мои документы. И мой знакомый говорит:

– А тебе отказали! Почему? Считают: не целесообразно. Теперь только через год можешь обращаться.

Год надо ждать! Двести лет надо ждать, чтобы к жене попасть! Что ж, видимо, придется долго жить. Вот я долго и

живу…

Спрашиваю:

– Что же мне делать?

Он отвечает:

– Если опять напишешь «на три месяца», тебе опять откажут. Еще год будешь ждать. Так будешь пять лет ждать, тогда, может, и разрешат. Напиши лучше – «на постоянное место жительства». Отпустят!..

– Но я не хочу на постоянное!..

– Ты ничего не теряешь. У тебя здесь дочь, у нее квартира. Напишешь письмо, она потом пропишет тебя на своей площади. В любой момент можешь вернуться.

Это – теоретически. Забегая вперед, скажу, что практически меня обратно не пускали полтора года!

Но тогда мне ничего не оставалось, как соглашаться на предложенный вариант. Но и на него ушло целых два года! В 1980 году я подал документы, и только в 1982-м мне дозволили сматывать удочки.

У гоголя в гостях

Я собрал кое-какие вещи, ноты. Рояль, книги, картины, конечно же, взять с собой не разрешили. Что мог, все уложил в машину. Мне великодушно выписали документ о том, что мои «Жигули» пятой модели могут не возвращаться на родину. Я поехал через Ленинград – в Хельсинки, там у меня жил знакомый продюсер Юсси Кохонен. Мы работали с ним в советско-финской картине Гайдая «За спичками». Он говорил мне, что у него в Хельсинки есть режиссер, который хотел бы со мной работать. И ему в тот момент требовалась музыка танго. И я для этого написал пять разных танго. Юсси послушал и сказал:

– То, что надо! Приедешь – будешь работать.

И я поехал.

На таможне меня встретил интеллигентного вида офицер-пограничник и сообщил, что машину я должен непременно вернуть отчизне, щедро поившей меня березовым соком.

– У меня ж разрешение на постоянное место жительства, – слабо сопротивлялся я, – и машина не ворованная!..

Страж театрально разводил руками и делал книксен: мол, рад бы, да ничего не могу. Пришлось клятвенно пообещать, что обязательно верну железного коня в родное стойло.

Париж, 1983 год

Приехал я в Хельсинки с радужными надеждами, подышал буржуазно-демократическим воздухом, пожил у своего приятеля несколько дней. И тут выяснилось, что, к сожалению, обещанного фильма не будет: финансы поют романсы. Нет денег – нет фильма. Утром деньги – вечером фильм.

Но добрый приятель Юсси пообещал мне помочь. У него есть друг, режиссер Войтех Ясный, тот, в свою очередь, – друг знаменитого Милоша Формана («Полет над гнездом кукушки»),

они оба из Чехословакии. Ясный сейчас в Германии снимает фильм «Самоубийца» по Эрдману. И у него нет композитора!..

После звонка моего приятеля Войтех Ясный сразу согласился со мной работать, чему я был крайне удивлен и обрадован: на Западе очень тяжело получить работу. Потом я узнал, что его композитор заболел, попал в психиатрическую больницу. Ну, может, не все же композиторы туда попадают…

Я приехал во Францию и связался по телефону с Ясным. Он сказал, что будет на следующей неделе в Париже. Какая удача! Он привез сценарий, показал один из своих фильмов. Картина была отличной! И мы начали работать. Я бы с ним так и дальше работал, но, к сожалению…

Кстати, работая над музыкой к этой картине, я месяц жил в семье… Гоголя. Так звали очень симпатичного художника картины немца Гоголя Бехренда. Его родители так любили Николая Васильевича Гоголя, что сына назвали в его честь.

Сделаю небольшое отступление. Среди некоторых композиторов бытует мнение, что кино – это что-то вроде халтуры. Чего-нибудь напишешь, музыка фоном пойдет – и ладно. Получи две с половиной тысячи рублей (ставка тех лет), да еще потом и потиражные идут, если фильм хороший. Но любая работа может быть халтурной, если к ней соответственно относиться. Я же, во-первых, люблю работать в кино. Во-вторых, привык любое дело делать так, чтобы потом не было стыдно. Допустим, приношу Гайдаю какой-нибудь музыкальный номер, ему нравится. Проходит неделя, и я этот номер переделываю. Он становится интереснее. Прихожу к Гайдаю и говорю, что номер переделал.

– Но он же хороший был! – слышу от него.

– А стал еще лучше! – отвечаю.

И Гайдай знал, что я никогда не халтурю. Так же и с Ясным. Я написал два финала к фильму – один для интеллектуалов, для режиссеров, другой – для широкой публики. Он слушал-слушал, никак не мог решить, какой выбрать. Дал послушать жене. Потом, наконец, принял решение. Он тоже понял, что я отношусь к работе серьезно.

В его картине мне пришлось написать шесть текстов к песням. Ясный хотел взять стихи из песен Высоцкого, чтобы я написал на них музыку. Мне этого не хотелось. Я, конечно, мог. На Западе никто не знает эти песни Высоцкого. Но душа не лежала. Потом, к счастью, и нужда отпала. Стихи взяли из какого-то американского сборника, за авторские права заломили большие деньги, и Ясный отказался. С Россией же они почему-то не связывались. Хотя, думаю, вопрос решили бы элементарно.

Мне пришлось самому писать стихи. Раньше не пробовал? За границей все сможешь!.. Конечно, я в состоянии что-то срифмовать, но это же не стихи. Тем не менее, пока Шекспир отдыхал, шесть песен я сочинил. Режиссеру понравилось. В фильме их исполняла финская цыганка Анели Сари. Русского языка она не знала, а надо было петь по-русски. Пожалуйста! Написал ей текст латинскими буквами…

В итоге я вроде бы успокоился. Ясный сказал, что хочет работать со мной и дальше. А он делает один-два фильма в год. Чем плохо? Гонорар за музыку складывается так. В контракте предусматривается, например, – кто будет дирижировать оркестром. Я спрашиваю:

– А какой оркестр?

Думаю: если большой симфонический, зачем мне браться? При том еще, что я знал немецкий очень плохо, а дело происходило в Германии.

Режиссер отвечает:

– Оркестр – человек семь.

Это мне вполне по силам. Бодро говорю:

– Я дирижер!

Он:

– Пишем: еще две тысячи марок. Так, кто пианист?

– Я!

– Еще тысяча марок!

Непосредственно за музыку – четыре тысячи. За стихи к песням – две.

– Кто записывает музыку?

А у меня была портативная четырехканальная студия, синтезатор, вся необходимая техника. Поэтому, естественно, говорю:

– Я!

– Тогда еще три тысячи!

Кстати, в этом фильме снималась Марина Влади. Мы с ней познакомились, часто общались.

Конечно, это была уже не та юная колдунья, какой ее помнят наши зрители в фильме по Куприну. Она поправилась, была не очень опрятно одета, без косметики. Может, конечно, потому, что шли съемки и ее постоянно гримировали.

В то время она была вдовой. Высоцкого уже не было в живых. Марина хорошо говорила по-русски, без акцента, рассказывала много интересного о своей жизни, о Володе, о том, как было иногда трудно, а во время его запоев – просто ужасно…

Я виделся с ней и несколько лет спустя в Париже. Она вышла замуж за хирурга-миллионера и полностью преобразилась.

Выглядела прекрасно! Хорошо одета, отличная прическа. Снова стала изящной и интересной… Часто выступала по телевидению.

После того как фильм Ясного прошел в Германии и Франции, мне заплатили еще около пятидесяти тысяч франков. То есть всего я заработал около двенадцати тысяч долларов. На эти деньги купил колоссальную аппаратуру для моей студии! Все шло замечательно. Единственное, о чем тогда не думал, – как буду ездить в Советский Союз.

> Мне пришлось самому писать стихи. Раньше не пробовал? За границей все сможешь!.. Конечно, я в состоянии что-то срифмовать, но это же не стихи. Тем не менее, пока Шекспир отдыхал, шесть песен я сочинил.

Через год я съездил на неделю в Москву просто по туристической путевке. Иначе нельзя…

…Когда я приехал во Францию, Женевьева уже сняла в Париже квартиру в хорошем районе. Правда, на пятом этаже, без лифта. Но нам ли, бывшим обладателям хрущевок, страшны такие невзгоды?!. Квартира была небольшая, одна комната – метров восемь, вторая – четырнадцать, и маленькая кухонька. Мы жили там неплохо. Отец Женевьевы раньше был органистом, а потом завел себе бюро и занимался продажей и сдачей квартир. Он-то и нашел нам жилье.

Женевьева все время искала работу. Художников в Париже – тьма-тьмущая, как и музыкантов. И найти работу очень сложно. К тому же у нее непростой характер. Допустим, нарисовала она картину и продала. Ну, так сделай таких еще три! Нет, она так не хотела. В итоге зарабатывала немного. Но у меня были кое-какие деньги, и поэтому мы жили нормально.

Во Франции, естественно, тоже есть организация типа нашего КГБ. И меня проверяли. Было очень интересно. Пришло письмо: меня пригласили зайти. Прихожу. Сидит симпатичный человек, по-русски говорит прекрасно.

– Знаю, – говорит, – что вы композитор.

Задавал мне какие-то вопросы. Все нормально прошло. Через какое-то время звонит и предлагает встретиться еще.

– Пожалуйста! – говорю. – Готов подъехать.

А он:

– Да нет, я сам к вам зайду.

Я купил пирожные, чтобы его угостить, цианистый калий класть туда не стал, сварил кофе. Он вошел, попросил разрешения посмотреть квартиру. Первым делом, вижу, отметил, что у меня синтезатор стоит. Проходит. Обратил внимание на ноты. Но можно же сделать вид, что я пишу ноты. Говорю, мол,

сейчас сочиняю то-то и то-то, немножко сыграл на инструменте. За кофе он стал задавать мне очень тонкие вопросы, на которых, по его мнению, можно подловить – настоящий я композитор или фиктивный.

Спрашивает:

– А знаете ли вы такого певца, как Рогатников?

– Рогатников? – говорю. – Такого певца нет! Есть Богатиков!

Тут он, похоже, окончательно поверил, что его не обманывают. Мой визави полагал, что только настоящий композитор может знать такого певца…

На этом испытания завершились. Разведчик съел пирожное и, довольный, ушел. Больше пирожных для него покупать мне не пришлось.

Разведенный и безработный

Шел третий год моей жизни в Париже. У меня осложнились отношения с женой. Когда-то до меня у нее был в Тулузе любовник. Как полагается, женатый, с двумя детьми. И вот однажды, когда я был в Москве, он пробрался в Париж, чтобы встретиться с Женевьевой. Вероломно сводил ее в ресторан, угостил французским вином, которое располагает к романтическим отношениям, и сказал, что любит, как Ромео. Более того, уйдет от жены со всеми вытекающими. Она этому поверила, и когда я приехал, чистосердечно мне все рассказала.

– Я, – говорит, – с тобой уже не могу жить, потому что была с ним… Он пообещал вскоре забрать меня к себе!

– И ты ему веришь? – спрашиваю. – Почему же до твоего замужества он всего этого не сделал? А все по-командировочному – приехал, раз, раз – и уехал!..

Она – ни в какую:

– Верю – и все!

Я говорю:

– Ладно, давай забудем это, все будет нормально.

– Нет, – отвечает, – я так не могу.

Пятнадцать монастырских лет не прошли даром. А еще до того, как его обман открылся, она начала бракоразводный процесс. Я говорю:

– У меня сейчас нет денег. Давай поеду в Россию и там оформлю документы о разводе?

Она отказалась, сказала, что все оформит сама. Главное, чтобы я не препятствовал.

– Ну, раз уж ты решила, – говорю, – и у тебя такая старая любовь… Если раньше это было невозможно, а теперь он созрел, – что делать!..

И она подала на развод. А потом как-то приходит, вся заплаканная. Выяснилось, что он не может оставить семью. Но любить ее – любит по-прежнему…

И мы развелись. Собственно, она развелась со мной. Но продолжали пока жить вместе.

Через какое-то время она попросила меня, чтобы я куда-нибудь переехал. Потому что ей тяжело: она и хотела бы ко мне вернуться, но раз изменила, то не имеет права…

Подыскали мне квартирку, и я перебрался туда. Удовольствие это было для меня дорогое, так как я сидел без работы. Ведь Ясный уехал к Милошу Форману в Нью-Йорк преподавать в Колумбийском университете. Он собирался и там снимать

фильмы. Сказал мне, что будем работать там. Но до сих пор не получил фильма.

Получить фильм – это удача, случай. Сейчас он просто преподает. В свое время они даже хотели найти преподавательское место и для меня, чтобы я читал лекции на тему «Музыка в кино». Не получилось: финансовые проблемы. Киношное отделение Милоша Формана держится исключительно на спонсорских деньгах. Осенью декан, выпучив глаза, начинает бегать по организациям, собирать спонсорские взносы. Потом они год живут. На будущий год – все сначала…

…Квартира оказалась дороговатой для меня, и я снял комнату на самом верху, под крышей дома гостиничного типа. Умывальник – в комнате, а душ и туалет – в коридоре. Не очень здорово, но втрое дешевле!

Я два раза ездил в Америку, искал того продюсера Кэша, с кем мне не довелось поработать. Искал и думал: ну, не найду, так в конце концов смогу и во Франции работать! На неделю буду ездить в Россию, записывать со своими музыкантами. И все будет хорошо. Короче, размечтался.

Но продюсер бесследно исчез. Я пытался разузнать через друзей. Глухо. Куда он делся? На какую студию перешел? Мне говорили: надо было оставаться, когда предлагали работу!.. Да, «есть только миг», за него и надо было держаться!..

Чарующий кофейный аромат

Ситуация сложилась аховая: денег мало, заказов нет. Впору почитать Чернышевского – «Что делать?». И тут я почти случайно встретил режиссера Андрея Кончаловского.

Он тоже искал себе работу во Франции. Жил несколько лет в Париже и ничего не мог найти. Это очень сложно. Никакие режиссеры не нужны. Он всем показывал свою великолепную «Сибириаду», эпохальную картину, прекрасно владел французским и английским. Но ничего не мог сделать.

Раньше мы с ним знакомы не были, только знали друг друга по именам. Есть такой Кончаловский, есть такой Зацепин. Я не говорил Андрею, что ищу работу. Рассказал, что у меня была работа с Войтехом Ясным, но он уехал. И я теперь не знаю, что делать. Наверное, буду возвращаться в Россию. Он сказал:

– Не торопись, еще будет возможность. Будет у меня работа, я тебя приглашу. И студия у тебя будет, и все будет!

Окропил мои изрядно подувядшие надежды радужными брызгами живой водички.

А вскоре Андрей позвонил и сказал, что будет снимать рекламу кофе. И предложил написать музыку. Я с удовольствием согласился и написал несколько тем. И еще показал ему песню «Небо мое» с Ободзинским. Она ему понравилась.

– Давай, – говорит, – сделай эту тему!

А музыки требовалось всего двадцать девять секунд. Я написал, походил к нему на съемки.

Мост Александра III, 1984 год

Там героиня ролика выныривала из бассейна, ей подносили чашку дымящегося кофе, в которую до этого ассистент усердно задувал сигаретный дым. Выходило очень эффектно. Правда, запах был ужасный, но дама улыбалась: какой кофе!..

Музыка получается анонимной, отдаешь ее – и все, тебя вроде не существует, но ты получаешь три тысячи долларов. Хотя настоящему французу заплатили бы пять. За двадцать девять секунд.

Я записал несколько тем на кассету и отдал музыкальному редактору, с которым общался. Мало ли, может, позовут… Хотя Кончаловский сказал, чтобы я даже не пытался: туда не попадешь никогда. Хорошая у тебя музыка или плохая – путь закрыт!

Так и получилось. Меня никто потом не позвал.

Я был очень благодарен Андрею. У меня появились хоть какие-то деньги на жизнь. Я пошел в советское консульство и подал заявление на возвращение в Россию. Это было 3 мая, кажется, 1984 года.

Спрашиваю:

– Когда можно ждать ответа?

Мне какой-то Сергей Иванович отвечает:

– Через два месяца.

Прихожу через два месяца. Сергея Ивановича уже нет, сидит какой-то Иван Сергеевич.

Говорю:

– Иван Сергеевич, я тут оставлял письмо Сергею Ивановичу. Прошло два месяца…

А он мне очень ласково:

– Ну что вы, два месяца!.. Такого не бывает. А какое, кстати, письмо?

Открывает ящик стола, а там мое заявленьице! Как лежало, так смирехонько и полеживает. Никто его никуда и не отсылал.

– Что вы, Александр Сергеевич! – повторяет добрейший Иван Сергеевич. – Два месяца – это нереально. Полгодика, год – другое дело!

> Музыка получается анонимной, отдаешь ее – и все, тебя вроде не существует, но ты получаешь три тысячи долларов. Хотя настоящему французу заплатили бы пять. За двадцать девять секунд.

Сразу вспомнился Гоголь. Сколько времени пролетело с тех пор, а все так же мило и приятно.

Мои французские друзья очень удивлялись тому, что меня не пускают на Родину, к себе домой. Нет логики? А может, у меня полно тайных сведений? Может, я шпион? Приеду и все передам кому надо. А так, глядишь, годик пройдет, моя секретная информация устареет… Есть логика, есть!

Прошло полтора года. Раздалась команда: «Запускайте Берлагу!..»

А я ведь рассчитывал, что уеду через пару месяцев, как обещали, поэтому от каких-то предложений по работе уже успел отказаться. Смиренно ждал. Потом смотрю: а мне уже и есть нечего!.. Сижу в своей комнате, кругом Париж, а у меня – полное отсутствие денежных знаков и продуктов питания…

Аккордеонист и ночные бабочки

Знакомых практически нет, помочь некому. Французский язык я уже немного знал. Мне сказали, что в одном месте есть бар, где можно очень прилично зарабатывать. Надо просто играть на аккордеоне.

Ну, на аккордеоне я раньше умел играть хорошо. Купил на последние деньги маленький аккордеончик и отправился в этот бар.

Туда надо было приходить к одиннадцати вечера и играть до пяти-шести утра. В мои тогдашние пятьдесят восемь лет это было не очень полезно для оставшегося здоровья. К тому же я не привык работать по ночам, а днем спать не могу.

Бар этот особо ничем не отличался от других. Туда приходили очень дорогие «ночные бабочки», с виду и не распознаешь их профессию. Они брали по две-три тысячи франков. Уходили с богатыми клиентами в отель, потом возвращались. Все выглядело скромно и интеллигентно.

Париж, «Мулен Руж», 1983 год

А играть можно было что угодно. Просто фон. Часто заказывали русские песни – «Дорогой длинною», «Катюшу». В основном французские, американские песни, какие на слуху в Европе. Вальсы русские играл. Там очень популярен вальс «Амурские волны».

Однажды в бар заглянул… композитор Никита Богословский! Правда, тогда, будучи занят игрой, я его не заметил. Зато он меня, как потом выяснилось, с партийным ленинским прищуром

разглядел хорошо. Это было уже его второе роковое появление в моей жизни. Но об этом – позже.

Платили в этом баре мне так. Наливали за игру шкалик водки. На самом деле – воду. Настоящую же водку продавали, и эти деньги отдавали мне. Каждая порция водки стоила восемьдесят франков. Я получал по сто, а то и двести долларов за ночь игры. И выпивал несколько шкаликов воды из-под крана, не пьянея. Иногда, правда, выходила всего двадцатка. Вроде бы неплохие заработки. Но музицировать требовалось шесть ночей в неделю!..

Я приходил домой в шесть-семь утра и ложился спать. Просыпался в двенадцать часов дня и уснуть больше не мог. В итоге спал, как Ильич, по четыре-пять часов в сутки и стал уставать. Я уже не мог подниматься по лестнице в свой скворечник. Пройду четыре ступеньки – ноги наливаются свинцом. Сил совершенно не стало. Пошел к врачу. Тот сказал:

– Надо сделать анализы, но и так видно, что у вас анемия Бирмера, резкое малокровие.

Короче, не хватает каких-то красных кровяных шариков, которые переносят кислород. Слабость от того, что мышцам недостает питания.

Доктор сказал, что надо немедленно ложиться в больницу. А все происходило перед Новым годом, числа 29 декабря. Я пришел в больницу, рассказал про рекомендации врача. Медперсонал зашушукался. Я понял: из-за того, что у меня нет страховки. Как им меня, бедолагу, взять? И отпустить не имеют права. Возьму где-нибудь, завалюсь да отдам концы, а они будут отвечать.

Капиталистический гуманизм победил. Меня оставили в больнице и сделали анализы. Картина получилась ужасная. Влили мне триста пятьдесят кубиков французской крови и назначили уколы витаминов B_{12}. Через часа три я вышел из больницы с рекомендацией колоть витамины всю оставшуюся жизнь. Раз в месяц – по уколу… Несколько лет я сам себе колол, но потом перестал. И вроде бы все нормализовалось.

Из больницы ушел расстроенным: в том ночном баре уже работать не мог. Режим неподходящий. К тому же там все прокурено, а я некурящий. Продержался месяц всего.

После больницы пришли деньги за фильм. Я с облегчением вздохнул. И… купил аппаратуру. Еще до этого, когда были деньги, я потихоньку прикупил колонки, дорогой пульт и сейчас приобрел все остальное для студии.

Платили в этом баре мне так. Наливали за игру шкалик водки. На самом деле – воду. Настоящую же

водку продавали, и эти деньги отдавали мне. Каждая порция водки стоила восемьдесят франков. Я получал по сто, а то и двести долларов за ночь игры.

В это время я жил у моего друга Алена, брата моей бывшей жены Женевьевы, который мне очень помогал. По работе он переехал в другое место, и квартира пустовала. Поэтому я уже не платил за жилье. Хороший дом в приличном районе, а вот ванны почему-то не было. Я сам там соорудил душевую кабину. Грамотно провел трубы, спаял, сварил все, что надо. Ален остался очень доволен. Он до сих пор там моется и меня вспоминает теплыми французскими словами. А я его – русскими.

Продукты покупал в магазине. Что-то сам готовил. Ходить в рестораны позволить себе не мог. Хотя в ресторанах типа «Макдоналдса» бывал. Еще – в китайских, там вкусно и дешево. В Москве же, кстати, – все наоборот, в китайских почему-то дорого.

Меня потом в России спрашивали: Париж, ночной бар, а романы?.. Увы, было не до романов! Жил в постоянном ожидании разрешения на выезд, в стрессовом состоянии. Познакомили, правда, меня с одной дамой, актрисой. Даже была перспектива жениться. Но зачем? Что, работа от этого появится? Или жить на деньги этой дамы? Нет, решил уехать, надо собираться!

А «Жигули» подарил немцам

После выхода из больницы у меня появился ученик, играл на рояле. Но это были копейки. Если у нас в музыкальной школе занимаются два раза в неделю по нескольку уроков, то во Франции могут – раз в неделю по полчаса. Это несерьезно, мертвому припарки. Так пришлось перебиваться до следующего ноября…

А до этого у меня был очень забавный случай. Я же два раза ездил в Америку к моему режиссеру Войтеху Ясному. Он заверил, что скоро будем работать. Со своим земляком Франком Даниэлем, доцентом того же Колумбийского университета, он сделал сценарий по Александру Солженицыну «Карл Маркс в Москве». Такая фантастическая комедия о том, как Маркс приехал в Россию и увидел, что он натворил. Я тогда сказал Войтеху: чехи оккупировали Колумбийский университет…

Я подумал, что после участия в такой картине меня уже точно не пустят в Советский Союз…

И вот однажды, когда я сидел у Ясного, к нему пришел энергичный, небольшого роста еврей. Он назывался просто консультантом. Знал все студии, всех режиссеров, кому что надо. Ясный сказал:

– Вот есть восемь миллионов долларов. Думаю, на фильм этого должно хватить.

Консультант пожевал губами и вздохнул.

– Снять-то фильм можно, – сказал он. – Но после этого больше уже никогда снимать не придется. Потому что с таким бюджетом хороших актеров не взять и ничего приличного не выйдет. Конечно, может, вы продадите фильм и еще восемь миллионов заработаете. А может, и нет. Тем не менее второго фильма вам уже никто не даст!..

Я, Малик – мой менеджер и друг, мой коллега композитор Гена Гладков. Минск 2012 г.

Ясный показывал один из своих фильмов, который он снял в Чехословакии. Замечательный! Но первый вопрос, который задают в Америке: «А что вы сделали в прошлом году?» Ясный сделал какой-то фильм с маленьким бюджетом. Он не имел средств для воплощения своих идей. Но это никого не волнует. Раз не было денег, значит, вы никому не нужны!

И на этом все кончилось.

Композитору-иностранцу в Америке все же полегче, чем режиссеру. Мне достаточно послушать национальную музыку, чтобы написать в нужном стиле. Режиссер же, снимая в Америке, должен быть или американцем, или, по крайней мере, молодым. Он должен все знать до деталей. Потому что актеры могут быть из разных стран. Тот не так сел, тот не так держит что-то. Режиссер должен поправить и объяснить, как это делают в Америке. Скажем, в интерьере американского дома вот такого быть не может, а должно быть так. Ясный же – иностранец. Хотя и хорошо знает английский. Но ему уже за шестьдесят. И получается: во-первых, иностранец, во-вторых, за шестьдесят, в-третьих, в прошлом году ничего не снял. А то, что снял десять-пятнадцать лет назад, – уже не показатель.

Вот так. Ясный до сих пор фильма не получил.

Там я познакомился еще с одним режиссером, нашим эмигрантом. Он помогал делать дипломные фильмы режиссерам-выпускникам.

– Не знаю, – сказал он, – сколько мы сможем заплатить

композитору. Нам дают всего сто тысяч. Играть будут наши актеры. Мы каждый год делаем по такому фильму. Его потом продают, расходы возвращаются, что-то даже зарабатываем. Так что тебе мы, возможно, заплатим три-пять тысяч. Хочешь?

Я говорю:

– Да, очень хочу!

Мне дали сценарий, средний, на мой взгляд, бытовая мелодрама. Режиссер-дипломник дал мне кассету музыки – в каком ключе он хотел бы, чтобы я сделал. Я вернулся в Париж и там написал несколько тем. Требовалось еще две песни. Я сочинил. И все это очень понравилось американскому режиссеру. Я сказал, что нуждаюсь в материале, потому что надо дальше сочинять музыку. Мне прислали одну сценку без текста. Говорю:

– Этого мало!

Мне отвечают:

– Срочно переписываем и высылаем кассету!

Месяц с нетерпением жду кассету… Звоню режиссеру. И слышу:

– Мы уже взяли другого композитора.

– Как так?!

– Ты же молчишь, – отвечает. – Решили, что передумал. Кассету-то мы послали в тот же день.

А через два дня получаю злополучную кассету. Она каким-то образом вместо самолета попала на пароход и спокойненько целый месяц плыла по океану…

Просто наваждение!.. Как будто Америку от меня заговорили! То негра Кэша не нашел, то у Ясного дела – швах, то кассета не летит, а плывет… Хорошо, хоть не утонула.

А тут еще и семейная жизнь не сложилась. Денег нет. Надо возвращаться в Россию!

А там за это время Гайдай сделал фильм без меня. Музыку написал Максим Дунаевский. Когда я приезжал по туристической путевке в Советский Союз, мы встречались с Гайдаем, и он дал мне прочитать сценарий. Я был готов написать музыку к фильму, но работать мне пришлось бы во Франции. Мы решили посоветоваться с директором «Мосфильма» Сизовым. Тот сказал, что он «за», но один ничего решить не может. Надо посоветоваться. Ему ответили: «Нецелесообразно!»

Когда после больницы я получил деньги за фильм и купил аппаратуру, то поехал в Германию и очень недорого приобрел «Мерседес». А во Франции за каких-то шестьсот франков нашел прицеп, такой, с какими ездят отдыхать. На нем было написано «Блины». Кто-то торговал в нем блинами. Я его сам перекрасил в белый цвет.

Наконец, в ноябре из России пришло разрешение…

Купленный «Мерседес» оставался в Германии. Оттуда я собирался поехать в Россию. Приехал в Гамбург на «Жигулях» с прицепом, возникла проблема – куда девать «Жигули»? Приятель посоветовал продать машину арабам – владельцам гаража. Те не захотели. Даже бесплатно на запчасти. А машина числится на мне, ее надо как-то оформлять. Поехали на автомобильное кладбище, но с французскими номерами и там брать не стали. Тогда мы подъехали туда ночью и, сняв номера, оставили мои несчастные «Жигули», которые никому оказались не нужны даже даром… Не довелось мне их вернуть на таможню.

А «Мерседес» у меня был белый. Так что возвращался я в Союз на «белом коне». С прицепом.

И снова здравствуй, Гайдай!

Аппаратуры было огромное количество. Весь прицеп забит. Выезжая из страны, при пересечении границы, нужно отметить, что я эти вещи увожу. Мне ставят печать, отрывают три листочка, и один листочек куда-то отсылают. Второй надо привезти в магазин, где делал покупки. Моя приятельница Маргарита Лурье по этому листочку получила для меня деньги (возвращают пошлину 20 %). С восьмидесяти тысяч около двадцати тысяч возвращают. На них я потом еще накупил аппаратуры. Маргарита мне очень помогала во Франции. К сожалению, ее уже нет.

Мы с ней познакомились случайно. Она показала мне кассету со своими песнями. Потом написала тексты на французском к двадцати моим песням. Решили сделать концерт. Она арендовала небольшой зал, организовала афиши, билеты, мы записали концерт на кассеты, чтобы потом продать. Купили мне блестящий пиджак. Провели два концерта. Но доход был мизерный. Никто не знает ни «Кавказской пленницы», ни Зацепина…

…Было несколько случаев, когда я проезжал таможню при полном отсутствии таможенников. Вот демократия!.. Один раз была забастовка. Таможенниками и не пахло. Когда мы стали выезжать, французов еле-еле нашли. А бельгийский таможенник противный попался. Он говорит:

– Я вас не пущу! Может, вы тут продадите свою аппаратуру. Давайте за нее залог. А когда перевезете через нашу страну, вам его вернут.

Но зачем такая канитель? Мы плюнули и поехали на другую таможню. Там пропустили.

Проехали Германию. Там я бросил «Жигули», прицепил вагончик к «Мерседесу» и с транзитными номерами поехал через Польшу. Приезжаю в Польшу к вечеру, лопается колесо у вагончика. Уже темно, куда деваться? Подошел какой-то пан. Спрашивает:

– Нет какого-нибудь товара?

– Нет, – говорю.

– Ну, может, хоть какой-то есть? Для детей или парфюм?

– Да нет у меня! – отвечаю. – Вот с колесом проблема.

Он, торговая бестия, говорит:

– С колесом мы сейчас что-нибудь сделаем, а ты пока поищи какой-нибудь товар.

Я ему что-то дал, подъехали к гаражу, это рядом, и я купил колесо от старой «Победы». Я его поставил и поехал. Уже поздно, десять часов вечера. Проехал два квартала, вижу: площадочка,

трейлеры стоят. Поставил я туда свой прицепчик. Глядь, а колесико, что они мне дали, лопнуло! Снял я его, вернулся. Там уже никого, но ворота открыты, никто ржавые старые списанные машины не охраняет. Делать нечего, открутил я колесо от «Победы» и переставил себе. Утром проехал польскую границу, все нормально. Впереди – наша, советская…

– Вот, – говорю, – я композитор, возвращаюсь домой.

Имя мое им оказалось знакомо.

– Сейчас, – говорят, – Александр Сергеевич, посмотрим, чего вы там везете!..

И занимались со мной часа три.

– Вы, – говорят, – подавайте нам ваши ящики, а мы каждый будем смотреть.

Наткнулись на книгу Высоцкого.

– Это нельзя!

Ну, хорошо, нельзя так нельзя. Мне бы самому проехать. Книжка-то – ладно. Тут один таможенник куда-то ушел, второй остался. Я один ящик незаметно ногой в сторонку передвинул, туда, где они уже смотрели. У меня там ничего особенного не было, так, барахлишко. А процесс осмотра продолжается. Я еще один ящичек передвинул. Ну, чтоб скорее… В итоге они книжку и еще какую-то ерунду конфисковали. Их литература волнует, вдруг я что-то антисоветское везу в социалистический заповедник!

Наконец, закончили. Зять Борис, приехавший меня встречать, продрог, как цуцик, ожидая меня около ворот. Мы сели в машину и поехали. Проехали километров восемьдесят – снова колесо лопнуло! Другое уже. Я зятя оставил в вагончике мерзнуть, а сам поехал искать колесо.

В какой-то городишко заехал, нашел хозяйственный магазин, спрашиваю:

– Где мне взять колесо «на шестнадцать»?

Тут какой-то человек говорит:

– О, это от старой «Победы», я тебе дам! Давай ко мне поедем, я тут живу недалеко, пятьдесят километров.

Какое-то колесо – от сенокосилки или комбайна – мы все-таки купили. Оно подошло. Вернулись к вагончику с зятем, прицепили и поехали к новому знакомому. Там он нас покормил горячей картошечкой. Но колеса нужного все-таки не нашли. Пришлось ехать без запаски.

Ну, а потом нормально добрались до Москвы.

На Студии Горького я делал фильм «Она с метлой, он в черной шляпе». Стихи писал Илья Резник, потому что с Дербеневым мы до этого поссорились. А потом помирились и

снова стали дружить и работать, как раньше. Продолжили работать с Гайдаем. Но очередной фильм «Не может быть» по Зощенко оказался средним, и песни у меня что-то не пошли.

А «Облико морале» подкачало!.

Когда я работал в ночном баре, туда забрел Никита Богословский. В те времена во Францию он приезжал частенько. Наверно, был очень благонадежным, и его пускали без проблем и провожатых.

Ну, зашел в ночное питейное заведение, где обитают дамы полусвета, увидел коллегу по творческому цеху, соотечественника в бедственном положении, – так подойди же, пожми ему мозолистую от клавиш руку, обними, троекратно расцелуйся, на худой конец! Нет, не подошел!.. А наоборот, тут же вышел, как только меня узрел. Чтоб я его не увидел.

Зато, когда вернулся в Белокаменную, по полной программе доложил в Союзе композиторов, что Зацепин позорит советских композиторов, играет, понимаешь, в таком баре, куда заходить противно и где вообще играть нельзя!

Вот только почему ж его, к примеру, не спросили, по каким таким надобностям он-то туда заглянул? В таком непотребном месте и рюмочку-то выпить – грех!

Однако что можно Юпитеру, того нельзя всяким беспартийным несознательным элементам. И меня благополучно исключили из московского Союза композиторов. Заочно. Как человека, дискредитирующего советский «облико морале».

Когда я вернулся, прихожу в московскую организацию Союза композиторов, где состоял на учете, и спрашиваю:

– На каком основании меня исключили? Я же в заявлении до отъезда писал, что уезжаю временно, вернусь и буду работать!.. И присылал вам письмо, что жду разрешения на возвращение.

А мне шепотом:

– Тут Богословский рассказал про тебя такое!.. Все перепугались до смерти…

Тогда я пошел к Казенину, председателю российского Союза. Казенин, добрая душа, мне говорит:

– Что ты волнуешься? Из нашего-то, российского, никто тебя не исключал, а решение московского отделения мы не пропустим, и все!

Так они и сделали. Правда, вызвали меня на какое-то собрание, начали укорять. Вы, дескать, нехорошо поступили, что так опрометчиво уехали из Советского Союза!..

Я говорю:

– А что вы меня укоряете? Я женился, а жена не захотела в Союзе жить. Потом мы расстались… Что я, злостный эмигрант, что ли? Никакого преступления не совершил. Если и там написал

какую-то музыку, разве это плохо? Узнают хоть, что русские люди умеют что-то делать!

По большому счету я на них сильно не обижаюсь: они – коммунисты, сама система требовала побичевать меня как следует и помакать в грязь. Им по штату полагалось этим заниматься.

С другом Павлом Шебалиным, Калифорния, 1998 год

Итак, в Союз композиторов блудного сына вернули. Союз кинематографистов, видно, не был очень уж бдительным и поэтому меня не исключал. Косых взглядов на себе я не ловил. Все было нормально. Только перестал здороваться с Богословским …

А вот в Коммунистической партии я никогда не состоял. На меня всегда смотрели с подозрением:

– Почему в партию не вступаете?

– Не созрел еще окончательно, – говорил, – но работать над собой продолжаю!

> Однако что можно Юпитеру, того нельзя всяким беспартийным несознательным элементам. И меня благополучно исключили из московского Союза композиторов. Заочно. Как человека, дискредитирующего советский «облико морале».

Однажды меня даже в КГБ вызывали. Интеллигентный человек такой, приятный.

– Вот у вас, – говорит, – есть такой знакомый в Америке – Павел Шебалин?

– Есть, – чистосердечно признаюсь. – Общаемся с ним иногда. Трудновато, правда, на таком расстоянии. Океан все же… Но с Новым годом его письмом всегда поздравляю. И он – меня. Как-то приезжал в Россию, я его возил на экскурсию, показывал красоты державы.

А мне:

– У нас есть сведения, что он… агент!

– Ну, а я-то тут при чем? – спрашиваю.

– Нет, ничего, Александр Сергеевич. Просто мы хотели поставить вас в известность.

С Павлом Шебалиным у меня был анекдотический случай. Он – брат Дмитрия Шебалина, очень известного музыканта из струнного квартета Бородина, объехавшего весь мир. Отец Павла с семьей когда-то уехал в Китай, потом Павел переехал в США.

Так вот, приезжает как-то американский Шебалин сюда, тогда еще в Советский Союз, и я собираюсь повезти его в Суздаль. Иду в ОВИР, к начальнику, которого немного знал.

– Хочу, – говорю поехать в среду в Суздаль, показать старинный русский город своему приятелю Шебалину.

– В среду? – спрашивает начальник ОВИРа. – Не совсем тот день…

– Да он уезжает потом! – объясняю. – В другой день не получается.

Овирщик куда-то позвонил.

– Ну, хорошо, – говорит, – когда поедете?

– Утром, часов в девять.

– Ладно. – И поставил визу в паспорт.

Проезжаем километров восемьдесят, видим, маячит на дороге милиционер, пристально высматривая машины. Наконец, он обнаружил наш номер, обрадовался и останавливает нас.

> А вот в Коммунистической партии я никогда не состоял. На меня всегда смотрели с подозрением:
>
> – Почему в партию не вступаете?
>
> – Не созрел еще окончательно, – говорил, – но работать над собой продолжаю!

Спрашиваю:

– Что-то случилось?

И Шебалин на русском языке тоже спрашивает (он прекрасно говорит на русском).

– Да нет, – отвечает милиционер. – Все в порядке. А где же у вас иностранец?

Павел говорит:

– Я иностранец! Американец.

– Да ладно!.. – улыбается милиционер. – Вы-то русский… А иностранца в багажник, что ли, заложили?.. Ну-ка, откройте!

Открыли мы багажник, там нет никого. Шебалин протянул ему американский паспорт, и тот успокоился. А мы поехали дальше. Так и не уяснив: зачем была устроена эта проверка?..

Постепенно жизнь входила в привычное русло. Стали появляться заказы. Сделали два фильма с Гайдаем, с Женей Хорошевцевым мюзикл «Русское Рождество в Париже» совместно с французами. Мне было очень приятно делать эту работу. Наши артисты ездили в Париж. Арию Бабы-яги прекрасно спела Людмила Гурченко. Несколько номеров исполнила Таня Анциферова, которую я очень люблю (мы с ней знакомы еще с фильма «31 июня», где она блестяще спела ряд песен). Я все это записывал дома, в своей студии.

Так что работа у меня была.

В нашей семье по традиции все учились в музыкальной школе. Но вот мой внук Саша ленился, отлынивал от рояля, хотя парень способный и играл неплохо. И тогда на помощь мы пригласили Светлану Григорьевну Морозовскую позаниматься с ним дома. Она очень хорошая пианистка, Гнесинский институт окончила и там успешно работала.

Тут уж внуку деваться некуда: педагог приходит, надо играть!.. И вот как-то я посмотрел на нее раз, другой… Женщина она симпатичная, обаятельная, прекрасно играет на рояле. И она на меня посмотрела… И так посмотрели мы, посмотрели и через какое-то время решили пожениться!..

Такая, видно, у меня судьба. Первая жена была Светлана (Ревмиру не считаю), и эта, последняя, оказалась тоже Светланой…

А тут как раз надо было ехать во Францию, где заканчивалась работа над «Русским Рождеством в Париже». И я туда поехал.

Со Светланой, Сант-Мишель, Франция, 1994 год

До этого у меня уже были кое-какие деньги. Попался богатый заказчик из Англии. Он приезжал ко мне в Москву, и я помогал ему писать, как он это называл, «симфонии». По происхождению русский, он выпивал много водки, потом играл что-то на рояле, а я делал ему из этого «симфонии». Приглашал четырех скрипачей, виолончель, альт, флейту, дирижера Сергея Скрипку и записывал в своей студии. Получал за эту работу хорошие деньги. Но не здесь, а во Франции, потому что в Союзе еще нельзя было получать валюту. И у меня там постепенно кое-что накопилось. Я поехал туда и купил домик в ста километрах от Парижа. Хороший такой домик, приятный, в два этажа, с камином. Тридцать соток земли, фруктовые и экзотические деревья… И решили мы с женой поехать туда жить.

Мне, конечно, не разрешили ни рояль взять с собой, ни картины. Хотя это моя собственность. Рояль у меня хороший – «Стенвей», у Светланы тоже хороший – «Бекштейн». Ну, нельзя – так нельзя! Сейчас все на электронике – компьютеры, синтезаторы, поэтому рояль – уже не главное.

Это был девяносто второй год. С тех пор мы бывали то здесь, то там.

Был момент, когда денег у нас там не хватало. Тогда, в 1992 году, РАО практически не платило мне авторский гонорар, и не только мне. Но у Светланы появились там два ученика, я делал какие-то аранжировки, это выручало. Надо было выплачивать по кредиту, взятому для покупки дома (своих средств не хватило) на

пять лет. Три с половиной процента годовых – это чуть больше инфляции, поэтому я практически ничего не терял. В России такого получить невозможно.

Со Светланой мы жили замечательно. На нашем участке она посадила массу чудесных роз, которые благоухают почти круглый год. Когда уезжала в Москву, а я оставался на даче под Парижем, она обычно наготовит мне уйму разной вкусной еды – и пирожки, и голубцы, и коврижки, и галеты короля Людовика четырнадцатого… Я неделю ел, не переставая. Кстати, у короля, судя по Светланиным блюдам, был хороший вкус.

Почему все-таки я опять оказался во Франции? Спектакль в Париже опять давал мне шанс! Думал, может, зацеплюсь и буду дальше работать с ними. Но они, к сожалению, потом обанкротились…

Светлана, конечно, совершенно не знала французского, зато потом стала понимать лучше меня. Мы вместе ходили на курсы, чтоб ей было веселее, да и мне не мешала лишняя практика. Ведь жить в стране и не знать языка – невозможно.

Отношения с соседями здесь строятся несколько иначе, нежели в России. Когда я жил у Алена в маленькой комнатушке, то с соседями всегда здоровался, когда мы встречались в лифте. Каждый так и норовит открыть перед твоим носом дверь и нагло пропустить тебя вперед. В России, конечно, нет таких дурных привычек. Да еще и извиняются, если случайно выйдут первыми. Мол, пардон, что я вам помешал!

Ну и больше никаких отношений. Тут не принято стучаться к соседу с просьбой дать кусочек хлеба, ссылаясь на то, что сам не успел купить. Или просить десять франков до завтра.

С консьержем, естественно, здоровались. Мы с ним подружились. Очень приятный человек! Когда на месяц уезжал, я его просил посмотреть за почтой.

С внуком Сашей, 1989 год

А на даче в деревне у нас соседи – крестьяне, милые люди, просто замечательные! Вот мы сейчас уехали, а ключи от дома им оставили. Они могут к нам во двор прийти через калитку, специально сделанную между нашими дворами, проверить, все ли в порядке. Может, к примеру, ставень открылся от ветра или цветы надо полить. Они не очень образованные, простые, но с ними довольно-таки интересно общаться. Когда я уехал по делам в Москву и Света первый раз осталась там одна, не зная языка, она с ними прекрасно общалась.

У них есть взрослая дочь. Зять стрижет газоны и… рисует картины маслом. Помог мне гараж построить. Пьет по-французски. Ему нальешь рюмочку, он ее десять минут пьет. Спрашиваю:

– Еще?

– Нет, нет, – говорит. – Я же сейчас работать буду!..

За обедом может выпить один-два бокала бордо.

В деревне у нас там всего пять домов. Кругом лес, полнейшая тишина, птички поют. Когда из Парижа приезжаешь и выходишь из машины – словно вакуум давит…

Еще один сосед – португалец, плиточник, тоже очень приятный, интеллигентного вида. Если что-то нужно по хозяйству, всегда поможет.

Сын другого соседа, который к нам иногда приходил, бесплатно стриг нам изгородь из кустарника. Просто, говорит, у

вас там лишнее немножко выросло…

Поэтому каждый раз я ехал туда с удовольствием. Там нет злых людей, которые смотрят на тебя через забор ненавидящим, завистливым взглядом и готовы сжечь твою дачу.

Еще километрах в пяти жила Маргарита Лурье, которая мне всегда помогала. Она русская, уже около тридцати лет во Франции. Тоже купила там дачку. Рядом – семья Миши Холтоера. Его дед, швед, служил при Петре Первом в русской армии, потом они осели в России, где и родился этот Миша. Образовалась целая русская колония…

Париж, Париж!.

И хотя так сложилось, что в последнее время я живу вместе с дочерью и ее семьей «на окраине» Франции, пару десятков лет я прожил в Париже и люблю этот город. Интересно, какой парадокс, – когда я живу в Париже, только там и хочется жить, а когда нахожусь в Москве, тоже хочется только там жить, и никакой заграницы! Там у меня осталась небольшая квартира, а дачу я продал. В Париже я бываю два-три раза в год (на скоростном поезде от Женевы – три часа).

По платной автостраде до дачи можно было доехать быстро. Сейчас, правда, очень большие ограничения ввели. Сто тридцать километров – быстрее нельзя. И следят! Некоторые гоняют – и сто восемьдесят, и двести. До запрета, было время, я тоже ездил сто восемьдесят…

Можно и по бесплатной автостраде доехать. Это дольше на десять-пятнадцать минут, но зато дорога более поэтичная. Проезжаешь маленькие красивые городки, все в зелени, в цветах. Я вспоминаю подмосковную Рузу, где у нас Дом творчества композиторов, городок такого же плана, так там все в грязи по колено. Небо и земля! Тут все чисто, красиво, в розах, асфальт везде, не надо вытаскивать машину из трясины.

В Париже вообще можно полгода ездить и машину не мыть. Дождь идет – она сама моется. В Москве же, если дождь прошел, машина пачкается.

Чем мне нравится Франция?

Нравятся люди! Я не встречал там человека, который сказал бы мне грубое слово, обидел меня. Тебя никто не толкнет ни на улице, ни в метро. Может быть, нет такого хлебосольства, как на Руси. Но у нас свои традиции, у них – свои.

Допустим, кому-то на улице стало плохо, кто-то упал – тут же толпа соберется, все будут помогать, звонить, «Скорую» вызовут. Не пройдут мимо. Мол, подумаешь, упал, сам встанет, пусть те, кому полагается, помогают…

Когда я еще работал в ночном баре и не было денег, однажды увидел, что кто-то выкинул хорошую стиральную машину. Это типично: оставляют на улице, инструкция внутри, провод приклеен скотчем. О, думаю, увезу на дачу!.. И вот хочу погрузить ее в багажник, а она какая-то дико тяжелая. Шел какой-то мужчина, увидел мои муки и говорит:

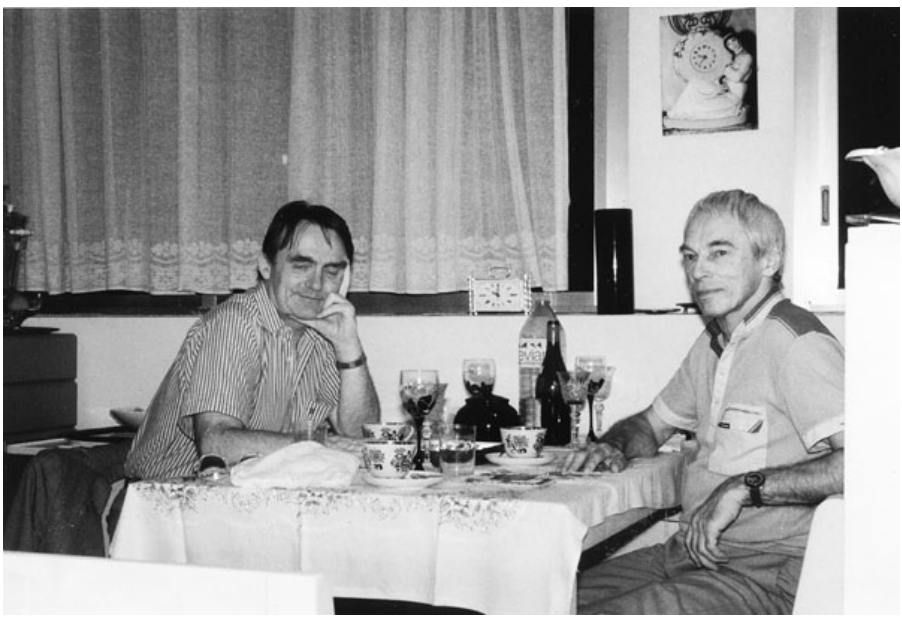
– Давайте я вам помогу!

– Да не надо, не надо!.. – стал отказываться я.

Но он тут же стал помогать.

Это приятная черта у французов – готовность помогать другим.

Очень развита добровольная помощь – бесплатная помощь (на общественных началах). Когда моя жена лежала в специальной больнице, из которой выходят только в другой мир, ее посещали четыре раза в неделю поочередно мужчина и женщина. Они беседовали с ней по два часа, вывозили на прогулку. Когда выбросило на берег моря нефть, огромное количество взрослых и детей очищали пляжи.



Мой друг Ален Прешак

Конечно, и у них есть недостатки. К примеру, они немножечко мусорят… Идет человек и что-то бросает на землю… В основном это делают приезжие – арабы, алжирцы. Пишут и рисуют на стенах… Ну, в Америке – так вообще ужасная грязь!.. Конечно, во Франции потом этот мусор подметут, все будет чисто, но…

Денежные отношения у них более четкие, чем у нас. Если в ресторане обедают три-четыре человека, то каждый за себя платит. Хотя, конечно, и у нас бывают пунктуальные люди. Вот Гайдай был таким. Допустим, взял у меня рубль на такси, так при первой же встрече (даже через 10 дней!) говорил:

– Саша, я тебе должен рубль, держи! Спасибо.

Я уже забыл про этот рубль, ему просто так дал, а он обязательно вспомнит и вернет! Это не мелочность, а культура.

Мне нравится, что во Франции все дома приведены в

порядок. В любое время года чисто. То есть мне импонирует, что культурный уровень быта выше, чем у нас. И соответственно – отношения между людьми.

Правда, сейчас Москву и другие города (я недавно был в Новосибирске, Красноярске) не узнать – чисто, красиво, все отремонтировано, здания покрашены. Замечательно.

Я вот, например, люблю собранность и аккуратность. Если договариваюсь прийти в три часа, то в три и приду. Могу, конечно, опоздать на пять-десять минут. Обязательно позвоню, если в пробке застрял. А в России!.. Как-то мы с поэтом ждали Машу Распутину. Она должна была приехать в шесть часов вечера. Восемь, девять, одиннадцать часов – ее нет! Никто не звонит… Наконец – звонок! Как ни в чем не бывало, она сообщает, что только-только освободилась, сейчас пообедает и приедет… Так ведь уже ночь на дворе!.. Мы же не в покер играть собирались – песню слушать. А после двенадцати это как-то вроде не очень удобно…

Во Франции жизнь комфортнее. Климат другой. Практически круглый год зеленые деревья, розы цветут. К нашему дому, например, заходишь с улицы – во дворе большая клумба с розами. Регулярно приходит муниципальный садовник, подрезает кусты, травку стрижет. Красота!.. Ни машин, ни уродов-ракушек во дворах нет: запрещено. Машину сразу же увезут и заставят штраф платить сто долларов.

Разумеется, никто там под окнами машины не ремонтирует, не заводит. Все они стоят на бесплатных или платных стоянках. Или в гаражах. Наземных или подземных.

В Париже больше сорока подземных паркингов по четыре-пять этажей. На табло указано, сколько свободных мест и на каких этажах. Искать не надо, въехал, поставил машину, сел в лифт. Всё просто.

Конечно, дороги в Париже заставлены машинами. Но не дворы и газоны, как у нас. Как-то подхожу к своей машине и вижу: под дворником висит объявление. Читаю: сдается гараж, позвоните по такому-то телефону… Пошел, посмотрел. Оказалось, муниципальный подземный гараж. Все чистенько, аккуратненько, буквально сто шагов от меня. Я все время искал место, куда поставить машину, а тут власти сами позаботились обо мне! И все – недорого. Пятьдесят восемь долларов в месяц.

Когда я рассказываю об этом в России, мне говорят: дорого! Мой знакомый Игорь работает охранником в крупной организации, сидит у телеэкранов, хотя имеет высшее образование и знает французский прекрасно. Зарплата у него минимальная – 1300 евро, меньше платить по закону не имеют

право (еще и медицина, транспорт – бесплатные). Считаем! Запарковать машину на улице – два евро, в паркинге – два пятьдесят. Если перевести в рубли – зарплата 1300 евро – это примерно 78000 рублей, гараж – 3500 рублей, парковка на улице – 120. При минимальной зарплате всё это вполне доступно.

Как-то приезжал к нам в Париж мой приятель Павел Шебалин. Шел дождичек, и мы попали в небольшую аварию. Тут же подбежал какой-то негр с мобильным телефоном, спрашивает: может, вам позвонить надо? И другие предлагали помощь. Шебалин еще удивился: как у вас тут все вежливы!.. У каждого в салоне всегда есть схема, где рисуют машины в момент аварии. Мы нарисовали, расписались, обменялись копиями и разъехались. Полиция не нужна. У всех есть страховка, поэтому никаких проблем.

Страховая компания вместо ремонта предложила выкупить у меня эту машину, причем очень выгодно. Я так и сделал и купил другую, не новую, но из первых рук, в прекрасном состоянии. Счетчик при продаже там не принято скручивать, как это бывает в России. За это можно даже в тюрьму угодить.

Кстати, во Франции у меня не было ни одного прокола колеса! Гвозди на дорогах там почему-то не валяются.

Конечно, сейчас, когда в Европу нахлынуло море беженцев из Африки, многое изменилось. Но не буду о грустном, об этом и так много показывают по телевизору.

Закаменский «Жиган»

А родился я в тысяча девятьсот двадцать шестом году. Отец – хирург-гинеколог, кандидат наук. Мама – учительница русского и литературы. Отец был человеком аккуратным, пунктуальным, очень много работал. Может, мне и передалось его трудолюбие. Он заведовал отделением в городской больнице, консультировал в поликлинике. Раньше у него была практика дома (тогда это разрешали).

Какое-то время мы спали с отцом в одной комнате. По утрам он вставал в семь часов, на полчаса раньше меня. И хотя я спал без задних ног и не реагировал на посторонние звуки, отец не включал свет, чтобы меня не будить. Быстренько одевался. Здесь у него висел галстук, здесь – рубашка. У него все было очень точно, все в порядке. Потом и у меня примерно так же получалось, но не сразу. Поначалу я был неряшливым, одежду и вещи разбрасывал по дому. Мама все за меня собирала и развешивала. Отец возмущался:

– Зачем ты за него это делаешь? Он должен сам!

А у меня просто не хватало времени!.. Бабушка маме говорила:

– Ну, у тебя и сын!.. Носится как угорелый! У него шило в одном месте!..

После школы мне надо было скорей раздеться, скорей поесть и заняться, наконец, каким-нибудь любимым делом. Я и уроки делал быстро.

Мама преподавала в школе. Позднее, когда отец стал известным в городе врачом и мы уже жили в достатке, – занималась домом и моим воспитанием.

В доме, где мы жили, было четыре комнаты и кухня. Во дворе – клумба с цветами, сарай-дровяник, огород.

Какое-то время с нами жили бабушка и дедушка, родители мамы. Дедушка был фармацевтом в аптеке, но в то время уже не работал. Отец потерял своих родителей еще в детстве, когда учился в Томском медицинском институте.

Отец у мамы – поляк. Его родителей из Польши когда-то этапом сослали в Сибирь, и они шли туда, в Томск, три года. И дед мой Болислав Михайлович Оксентович родился в дороге. В Томске, когда он вырос, женился на русской, и мама моя – наполовину полька. А я, выходит, поляк – на четверть. Потом отец работал в инфекционной больнице. Так получилось, что он занес инфекцию из больницы, и два моих старших братика (меня еще не было) погибли…

Папа, мама и я

Когда я пошел в школу, меня хотели отдать учиться немецкому языку и музыке, но мама настояла, чтобы чему-то одному. «Он такой слабенький, маленький, сразу такую нагрузку не выдержит!» Поэтому решили учить меня только музыке.

Никто и не думал, что я буду музыкантом, а тем более композитором. Отец любил музыку, у него был патефон, много пластинок – Шаляпин, Собинов, оперы, Мусоргский, Глинка… По

воскресеньям, когда у него иногда было время, он усаживал меня послушать какую-нибудь серьезную музыку.

В классе третьем-четвертом я уже пытался что-то сочинять. У меня было два приятеля – Вадим Миловидов и Борис Заболоцкий. Вадик учился в той же музыкальной школе, что и я. Мы с ним общались, что-то на пианино играли, весело, с юмором. Я даже «жиганскую» песню сочинил. «Жил Моркова-хулиган, по всей Каменке жиган. Он мотуху отравил, деду уши отрубил. Слушай, Моркова, зачем так сурово?..» Короче, чепуха какая-то. Но все равно ее играли…

Меня тянуло к инструменту. Поиграть, посочинять что-нибудь. Родители на это внимания еще не обращали.

Параллельно с этим я увлекался спортом. Сибиряк – значит, лыжник! У нас на улице Чехова была большая, довольно крутая гора в Каменку (Каменка – это речка). Вот туда мы все и ходили на лыжах прыгать с трамплина. На коньках я хорошо катался, на велосипеде.

> Когда я пошел в школу, меня хотели отдать учиться немецкому языку и музыке, но мама настояла, чтобы чему-то одному. «Он такой слабенький, маленький, сразу такую нагрузку не выдержит!» Поэтому решили учить меня только музыке.

Высокий блондин в красных ботинках

Однажды летом, когда мы были в деревне, отец учил меня плавать. Обь – река огромная, мне тогда казалась просто необъятной, да и течение немаленькое… И вот отец мне показывает, как надо руками и ногами красиво разводить, все вроде просто, а у меня почему-то не получается… Разве что с ломом наперегонки.

Тогда отец с приятелем сели в лодку, взяли меня и поплыли. Вроде как покататься. Когда берег был уже достаточно далеко, отец неожиданно скинул меня в воду. Лодочка вмиг отплыла, я, естественно, дико заорал, забарахтался, но на дно не ушел, на поверхности все же держался. Водички, конечно, отпил из Оби немало, страху натерпелся. Барахтался, барахтался, а отец смеется и говорит:

– Ну, давай, давай к лодке подплывай! Чего ты на одном месте застрял!..

Мне пять лет

Я заколошматил руками еще сильней и поплыл. Не как дельфин, конечно, но уже и не как топор.

После этого урока обучение пошло легче: я уже не боялся воды…

Когда подрос, у меня появился немецкий, трофейный велосипед. Он был без свободного хода, то есть педали все время крутились, как в цирковом. Поэтому я мог на нем и на заднем колесе спокойно ездить.

На Красном проспекте, главной магистрали Новосибирска, мы цеплялись за машины. Внизу улицы они шли медленно, в гору. Мы цеплялись за борт и ехали. Потом я усовершенствовал эту технику. Привязал веревку к раме, на конце ее соорудил крючок. Его и цеплял к грузовикам. Как-то раз зацепился и ехал себе комфортно, посвистывал. Вдруг цепь слетела, и педали заклинило. Благо грузовик ехал медленно. Я соскочил с велосипеда и попытался догнать грузовик, чтобы отцепить крючок. Бегу во все лопатки, но догнать не могу! Потому как бежать с велосипедом в руках, хоть и трофейным, не очень удобно. Пришлось дернуть за веревку. Крючок оторвался и уехал вместе с грузовиком…

В сорок первом году, когда мне было пятнадцать лет, с приятелем Костей Федосеевым мы любили промчаться на велосипедах мимо высокого милиционера-регулировщика. Он был в желто-оранжевых, почти красных форменных ботинках американского производства. Машины тогда в городе тоже были американские – «Студебеккеры», «Виллисы».

Милиционер стоял на посту в конце площади Ленина. И вот появляемся мы на железных конях!.. Он нас видит. Уже приготовился свистеть. Идет на нашу сторону, останавливается. А мы бесстрашно целимся прямо в него, у нас такая тактика была… Он – в полной растерянности. Сшибут, чего доброго, сумасшедшие!.. А мы лихо объезжаем его с двух сторон… Вот это класс!..

Сочи, 1933 год

А из школы домой я почти всегда ездил на подножке у какой-нибудь машины или автобуса. Подножки тогда были удобные, не то что сейчас. Уцепишься как следует и едешь с ветерком. Если же попадался под руку грузовик, то цеплялся за борт, залезал в кузов, а потом, когда надо, спрыгивал. Ногой отталкивался назад, чтобы скорость гасить. В соответствии с законами физики.

А из школы домой я почти всегда ездил на подножке у какой-нибудь машины или автобуса. Подножки тогда были удобные, не то что сейчас. Уцепишься как следует и едешь с ветерком. Если же попадался под руку грузовик, то цеплялся за борт, залезал в кузов, а потом, когда надо, спрыгивал.

Как-то мы с приятелем сели на прицеп грузовика, который вез длинный, свисающий рельс. И вдруг при переключении скорости крюк от прицепа выпал, и прицеп отцепился. Водитель ничего не заметил, едет себе по дороге, а мы на прицепе едем самостоятельно. Тут прицеп начинает заворачивать направо, а там лошади везут бочки с пивом. Я с ужасом думаю: ну, сейчас рельсом попадем прямо в лошадей и проткнем их насквозь!.. Мне стало так страшно!.. И ничего сделать не можем. Ни порулить, ни спрыгнуть… Прицеп повернул-таки и лишь выбил бочку из-под возчика. Возчик упал, к счастью, не сильно. Мы вышли из оцепенения, соскочили – и наутек. Шофер почему-то побежал за нами, как будто мы виноваты, что прицеп отцепился. Но попробуй нас догони! Через забор – в парк и – поминай как звали! Вот такое мелкое хулиганство…

Родителей – к директору!

В школе я учился хорошо, троек не было. На уроки тратил времени очень мало. Приходил из школы, меня кормили. Суп я терпеть не мог. У нас дома росли комнатные пальмы, и когда я был поменьше, выливал суп в горшок с пальмой. Мне говорили:

– О, как хорошо Сашенька суп ест!..

А потом бабушка нашла в пальме морковки, картошечки, лучок…

– Понятно, – сказала она, – куда суп идет!

После обеда я час-полтора делал уроки и несся в акробатическую секцию. Потом еще и дома тренировался. Я делал сальто переднее, заднее, стойку на руках, на одной руке. Влезал на ворота и мог стоять наверху на одной руке.

На спор – мне было четырнадцать лет – спустился по веревке с крыши пятиэтажного дома. На нем было какое-то украшение, вот к нему я веревку и привязал. Потом, правда, засомневался: спускаться или нет? Снизу-то кажется просто, а когда ты наверху и веревка у тебя за какие-то сомнительные кирпичи привязана, – ощущения меняются. Но ведь поспорили же!.. Отступать позно.

Когда спустился, веревки хватило только до балкона второго этажа. Она растягивалась, как резина… Но спрыгнуть со второго этажа для меня было делом нетрудным.

Потом мы сделали парашют. Пока дома никого не было, взяли у мамы простыню, за концы привязали веревки и залезли на сарай. Он был довольно высокий, метров пять. Стали ждать ветра. Держали «парашют», держали… Наконец, он как-то надулся, и я прыгнул. Вдруг один угол уже в полете отвязался, и я рухнул в соседский огород.

Ну, в огород-то, на грядку, – мягко, поэтому я приземлился хорошо.

Около дома рос большой тополь, метров восемь. Я привязал к нему стальную проволоку и под наклоном пустил ее через весь двор к соседскому сараю. На проволоку надел трубку, чтобы как в цирке кататься. И вот я влез на тополь, ухватился за трубку и поехал. От трения трубка раскалилась. До середины я еще ехал и терпел. А потом не выдержал и отпустил. И опять рухнул в огород!..

Мне было этого мало. На эту проволоку я приделал трапецию и сигал на нее с крыши. Один раз от трапеции оторвалась веревка со всеми вытекающими последствиями…

Я вкопал во дворе два столба и сверху к ним приделал тяжеленный лом. Получился турник. Я на нем крутился до тех

пор, пока однажды в воскресенье он не сломался. Я упал на спину, а лом – мне на голень. Я, конечно, заорал благим матом. Отец оказался дома, потащил к травматологу. Мне сделали рентген и сказали:

– Трещина в кости. Две недели – постельный режим!

А на улице лето!.. Ребята зовуть побегать… Около меня, лежачего, мы играли в какие-то игры. Это ужасно, конечно, – лежа!..

Прошли две бесконечные недели, и бабушка говорит:

– О, мой внучек-то поправился, сразу стал круглый!..

В школе по поведению у меня всегда были двойки и тройки. Я любил всех веселить. Что-то все время придумывал. Мог под партами пролезть. Учительница вызывает меня к доске, а я – раз и под партами – и уже на последнем ряду сижу!..

Меня сажали поближе, чтобы постоянно был перед строгим учительским глазом.

Учителя по географии мы прозвали Гиббоном. Потому что он был весь лысый. Однажды по моей просьбе ребята завернули меня в карту, и я в ней тихо стоял в углу. Гиббон говорит:

– Разверните карту!

Карта сама пошла. Все:

– Ха-ха-ха!..

Всем очень нравилось наблюдать за происходящим. А мне, понятное дело, – заслуженное замечание в дневник. Родителей вызывали.

Однажды в перемену я залез в классе на шкаф и попрыгал на нем. Крыша у него проломилась, и я провалился вовнутрь. А шкаф был заперт на замок. Я просидел в нем весь урок, время от времени высовывая голову из шкафа. Все:

– Ха-ха-ха!

А учитель ничего понять не может…

Сочи, с родителями, 1933 год

В музыкальной школе я тоже учился неплохо. У нас был замечательный педагог Константин Николаевич Нечаев. За мое баловсво он ставил мне в дневнике букву «Ш». Значит: шалил…

Еще я очень любил химию. У меня всегда были пятерки. Особенно нравилось ставить опыты. Дома были пробирки, колбы, трубочки. Цветы, например, перекрашивал из белого цвета в голубой, желтый, зеленый. Мама пришла как-то, а цветы у нас совершенно неожиданных расцветок! Это я какой-то газ получал и макал в него цветы. И они приобретали разные оттенки.

Однажды мы с приятелем решили химическим путем получить порох. Уголь для пороха толкли в ступке. Потом бабушка там толкла сахар и не могла понять, почему он становится черным.

Сделали бомбочку, положили ее в дедовский ночной горшок и взорвали. Горшок – на куски. Дед нашел только ручку от него. Говорит:

– Куда же горшок подевался?..

Потом еще бомбочки разные изобретали. Где-то раздобыли пистолетный патрон, положили в него капсуль, насыпали пороху, вставили туда гвоздь и сжали плоскогубцами. А сзади прицепили бумажный хвост на проволочке. Если кинуть эту «ракету», она летит гвоздем вперед. Вечером мы кидали в закрытые ставни домов. Звуковой эффект колоссальный: ба-бах!..

Как-то раз за этим безобидным занятием меня прихватил милиционер и привел к отцу. Он думал, что мы стреляем из пистолета. Отец вышел, поговорил с милиционером, и тот ушел.

Ну, а мне, разумеется, попало.

Делал я и «настоящие» ракеты, которые летали жутко высоко, метров на триста. Однажды принес ракету с бикфордовым шнуром в класс. Засунул ее куда-то между батареями и перед началом урока поджег шнур. Начался урок. О предстоящем фейерверке знали только ближайшие друзья. И вот мы сидим в предвкушении… Вдруг ракета громко зашипела и полетела через весь класс.

Ребята:

– О-о!..

Полный восторг! Все радовались. Кроме, конечно, учителя. Ну, и моих родителей…

Еще у меня был такой спор. В начале Красного проспекта есть железнодорожный мост. Мы поспорили, что я на этом мосту лягу между рельсами, и паровоз пройдет прямо надо мной. Немножко страшновато было, но что делать!.. Улегся я на спину и, когда паровоз проходил надо мной, видел его топку. Если бы в тот момент он сбросил на меня угли, мне бы несдобровать. Я же не мог выскочить, пока весь состав не пройдет…

Угли он на меня, к счастью, не сбросил. А ребята были очень довольны, что я совершил подвиг. Короче, натуральный герой! И живет рядом, в соседнем доме. Еще бы! Они же сальто не могут, а я могу! Они прыгают – башкой об землю, а я – на ноги, как кошка! И девчонки ко мне относились хорошо.

Конечно, когда поменьше был, девчонок дразнил немного, кого-то за косы дергал. Они меня дразнили Зацепой-губошлепом. Одной девочке на уроке незаметно бритвой косу отпилил. Наверно, так симпатию демонстрировал. Ох, и досталось мне за это! Ну, и поделом.

Воспоминания о школе у меня самые светлые. Когда я свою французскую жену спрашивал про ее школу, она говорила:

– Это какой-то ужас! Учителя, учеба – просто жутко вспомнить!

А для меня – радость!

И к учителям моим у меня самое теплое отношение. Классным руководителем у нас была учительница русского языка Клавдия Зиновьевна. За ее дочерью Аделей, красивой девочкой, ухаживали все мальчишки. «Гиббон» по географии… Пусть он простит меня… Воробьев – директор школы… Жалко, что я не приезжал на встречи выпускников!.. Теперь, к сожалению, уж нет и многих моих сверстников…

От отца мне попадало. Но как-то все прощали. Если б я двоечником был или хулиганил по-настоящему – тогда другое дело. А тут все понимали, что просто я такой непоседа.

Конечно, не все время я лазил по крышам и стоял на голове. Меня привлекала и техника. Дома я сделал кинопроектор, за что получил приз на олимпиаде.

Учась в двух школах, я успевал ходить на детскую Станцию юных техников и натуралистов, где окончил курс киномехаников и трактористов, ходил в радиокружок, паял усилители, радиоприемники. И даже работал летом два месяца на тракторе в колхозе.

Выступает акробат Зацепин!

Большая перемена у нас была тридцать минут. Мы играли в конницу. Садишься друг на друга и едешь. Подо мной был такой здоровенный «конь» Витя Лелеп, латыш… Я катался на нем, мы нападали, стаскивали соперников, те сваливались с «коней». Учителя нас за «конный бой» не ругали, относились с пониманием.

Класс у нас был интернациональный. Русский, еврей, татарин, латыш, украинец… На любой вкус. Вот, к примеру, Ися Израилев. После школы он работал в Челябинске, конструктором на закрытом заводе. Приезжал ко мне не так давно. Сидели, вспоминали… Он был редактором стенгазеты и частенько про меня там писал: «Вот Зацепа опять что-то придумал…» Я со страниц этой стенгазеты, можно сказать, не сходил.

Напротив нашего дома жил парень, года на два-три старше меня. И вот он говорит мне однажды:

– Сейчас в Морфлот набирают. На Дальнем Востоке можно на корабль пойти и в Америку плавать!

Меня это страшно заинтересовало. Ничего себе, думаю, такие дела творятся, а я ничего знать не знаю!.. Начал было собираться, но мама откуда-то узнала и отговорила:

– Тебе надо доучиться. Потом пойдешь куда угодно, хоть в Морфлот.

Погрустил я маленько, и это желание у меня как-то само отпало. К тому же у меня тут еще цирк висел.

В девятом классе я из школы ушел: готовился работать в цирке. Усиленно тренировался и в школу тайно не ходил. Год у меня пропал. Но за девятый-десятый можно было экзамены сдать экстерном. Я нагнал и все сдал вовремя. И друг мой Вадим Миловидов тоже пошел со мной на курсы экстерната, потому что он уже работал на стройке. Впоследствии он, кстати, стал замминистра строительства.

И вот как-то днем пошел я в цирк. Там работали акробаты Милаевы. Евгений Милаев – известный артист. Я – прямо к нему. Там как раз репетиция была.

– Вот, – говорю, – хотел бы у вас работать!

Продемонстрировал свои достижения: сальто заднее, переднее, на руках постоял. А он подошел к римским кольцам, показал сложный элемент и спрашивает:

– А так можешь?

– Нет, – отвечаю, – так пока не могу. Колец дома нет…

В общем, сорвать аплодисменты мне не удалось. Ушел ни с

чем.

А оказалось, мама, зная о моей тяге к цирку, уже побывала у Милаева и провела с ним беседу. Мол, сыну надо учиться. Он согласился и пообещал меня не брать.

А со мной ведь друзья ходили, поклонники моего акробатического таланта. Все надеялись, что меня возьмут… А как могло быть красиво: «Смертельный номер!.. Последний раз в сезоне!.. Выступает акробат Зацепин!..» Цирк, конечно, много потерял!..

Музыка шла параллельно. После Морфлота и цирка я уже больше к музыке тянулся. Играл на танцах в школе. Мы дома репетировали. Приходил трубач, саксофонист, барабанщик, ну и я – на фортепиано. Я уже записывал нотами модные произведения, и мы играли. Тогда появились трофейные фильмы. Мы услышали «Серенаду солнечной долины» Гленна Миллера…

Когда я написал ноты для трубы и трубач начал играть, оказалось, звучит все не так. Труба – инструмент особый. Если напишу «до», звучит «сибемоль». То есть надо написать «ре», тогда будет звучать «до». У саксофона же, наоборот, – надо писать «ля», будет звучать «до». Я этого тогда не знал, в музыкальной школе этого не проходили, но потом понял.

Кроме прочих увлечений, с детства я испытывал неодолимую тягу к машинам. Еще в школе во время войны окончил курсы трактористов на детской технической станции. Чтобы нас не посылали вместе с девчонками травку полоть руками, мы – на тракторы. И вот мы вчетвером окончили курсы и поехали в колхоз. Сначала – на пароходе, потом пешком километров шестьдесят. Дошли поздней ночью – без рук, без ног. Я как упал там, так и проспал двенадцать часов.

Новосибирск, с мамой, 1935 год

Меня представили трактористу, который очень злобно на меня посмотрел: увидел во мне конкурента, решив, что я буду отнимать его кровные трудодни. А мне они были не нужны. Мне бы на тракторе поработать!

Посадил он меня на прицеп. Доводит борозду до конца – я поднимаю лемеха, он разворачивается – опускаю лемеха. Но там же веревка есть, он и сам мог поднимать!

Вижу: не светит мне трактор. Тогда я ему объяснил, что не конкуренты мы с ним. Он с радости запил, а я начал работать на железном коне, получая колоссальное удовольствие.

Так состоялось мое знакомство с двигателем внутреннего сгорания, который я уже изучил на курсах. У меня сохранилось удостоверение, что я тракторист колесных тракторов.

Кормили нас хорошо. Давали военный котелок с супом, там огромный кусок мяса, хлеба буханку и котелок молока. Даже сейчас вспоминаю – слюнки текут…

Мир не без добрых людей…

Однажды отец пришел в форме майора Советской армии. Третий месяц шла война, отца мобилизовали, перевели в военный госпиталь. Новосибирск все-таки далеко от фронта, и в первые месяцы войны жизнь вроде бы особо не изменилась. По крайней мере, мне, подростку, так казалось. Потом вдруг положение резко ухудшилось. Исчезли все продукты, появились пайки, стало трудно.

…В одну из декабрьских ночей сорок первого я спал, как вдруг меня разбудила мама. Слышу – шепчет:

– Приехало НКВД, отца забирают!..

Спросонья ничего не понимаю. Вижу – ходят незнакомые люди в штатском, свет зажигают, из шкафов забирают вещи. Отцовское охотничье ружье, мой фотоаппарат… Отец, бледный, подошел ко мне попрощаться. Сказал:

– Помни, отец твой ни в чем не виноват!

И его увели.

А отца, как рассказывали, посадили вот за что. В начале войны был издан такой указ: за опоздание на работу – судить. И отец как-то сказал:

– Наконец-то за лодырей взялась советская власть!

Сам пунктуальный до педантичности, он не любил лентяев и прогульщиков. А многие опаздывали.

Следователь спрашивает:

– Значит, вы считаете, что наконец-то советская власть взялась за лодырей? Значит, раньше советская власть ничего не делала?..

То есть выходило, что отец критиковал советскую власть! Вот ведь как все было.

– Значит, вы контрреволюционер?!

Отца посадили в камеру, били. Выбили передние зубы. Требовали, чтобы подписал, что он контрреволюционер.

Его приговорили к десяти годам без права переписки. И нам еще очень повезло. Потому что маму не арестовали, и мы остались в городе. Просто случай помог. Дело в том, что в двадцать девятом году, когда мне было три года, у отца вроде был какой-то роман. Мама пошла и с ним развелась. Так, разведенные, они и жили всю жизнь. Ну, потом мама отошла, простила. А может, никакого романа и не было, не знаю. В те времена развестись было просто. Пришел в загс, заплатил три рубля, тебе печать поставили, и все.

Вот именно эта печать и спасла нас. Она вроде разведена, и

мы к контрреволюции отношения не имеем.

В школе, 1940 год

Потом мы узнали, как было дело. Пару раз в месяц отец с приятелями играл в преферанс. Однажды в их компании один человек оказался, можно сказать, случайный. Для отца преферанс был редким отдыхом, отвлечением от дел. И вот как-то за игрой отец и выдал свою фразу про лодырей и советскую власть. А этот, случайный, и капнул. Доносы в ту пору были делом очень распространенным. Мир ведь не без добрых людей…

Отца и двух его приятелей арестовали. Причем все их семьи сослали. Только нам повезло.

Отца осудили и сослали в Тайшет. Врачи были нужны, и ему дали возможность работать по специальности. Он же высококлассный хирург.

Ему было сорок семь лет. И, конечно, вся его жизнь пошла под откос.

Поначалу мы с мамой ничего о нем не знали. Потом через какое-то время правдами и неправдами удалось узнать, что он в Тайшете. Но ни писать, ни поехать туда было нельзя. Враг народа!..

В сорок пятом я пошел в армию. После окончания войны меня, как музыканта, направили служить в ансамбль песни и пляски. Я все-таки списался с отцом и получил разрешение к нему приехать. Он мне тогда все и рассказал.

Он встретил меня на вокзале. Мы обнимались с ним,

целовались, смотрели друг на друга… Когда мы расстались, мне было пятнадцать, сейчас – двадцать. Я смотрел на него уже другими глазами.

Было лето. В каком-то бараке – квартирка. Он там жил. Мы были так рады друг другу!.. Все время говорили и говорили. И не могли наговориться. Так пролетело несколько дней моего отпуска.

Отец сказал:

– Тебе надо учиться.

– Конечно, буду учиться! – согласился я. – Вот отслужу…

Утром в день отъезда я встал и почувствовал, что не могу разогнуться. Страшная боль в животе… Отец пощупал и говорит:

– Это аппендицит. У меня здесь есть хороший доктор Смирнов из Ленинграда. Он тебе сделает операцию.

Такая традиция у врачей: своих детей не оперируют. Мало ли какой случай – себе простить не смогут.

Я говорю:

– Да ладно, пройдет! Будет второй приступ, тогда и прооперируюсь. У меня же билет на поезд, ехать пора.

Но отец сказал:

– Нет, надо сейчас!

Отвезли меня в больницу, положили на операционный стол. Где-то ходики тикают. Отец говорит:

– Минут через двадцать все будет готово.

Сделали местную анестезию. Чувствую, что-то горячее потекло по животу, врачи защелкали инструментами. Наверно, сосуды закрывают, думаю. Смотрю на лампочки и смутно вижу там свое отражение.

Операция затянулась. Прошло больше часа. Оказалось – перитонит, все прорвалось. Если б я уехал и все случилось в поезде – мне конец.

В первую ночь в больнице мне дали обезболивающее. Я видел сон, который до сих пор забыть не могу. Будто я лечу по какой-то трубе или тоннелю, и звучит музыка. Точнее – какой-то красивый аккорд. Впереди вижу какой-то просвет и там что-то красивое. Я вылетаю из тоннеля и вижу голубое-голубое небо. А внизу – зеленая трава. И я летаю над этим чудом. Стоит мне наклониться, и я лечу туда, куда хочу!..

Отец ночевал в больнице, около меня. Наверно, положение мое было опасным. В итоге я пролежал там две недели с дренажем в животе. Тогда ведь антибиотиков не было.

Там, в Тайшете, в конце войны отец женился. Он ведь не знал, что его когда-нибудь освободят… Его жена была очень интеллигентная, приятная женщина. Ее мужа расстреляли, сына

оставили в Саратове, где они раньше жили. Ее сослали в Тайшет. Интересное совпадение: сына звали Юрий Сергеевич. А я ведь – Александр Сергеевич. И мы оба родились 10 марта 1926 года…

В ту пору ей было тридцать восемь, отцу – пятьдесят три.

Освободили отца в 1956 году. У меня есть справка из НКВД, что дело закрыто. Оттуда отец с женой уехал в Саратов. Позднее я бывал у него в Саратове несколько раз. Как-то и он приезжал в Москву. Но с матерью не виделся. И я маме не говорил, что он был в Москве. Мать его очень любила и сильно переживала. Наверное, хотела бы его увидеть. Я ведь после первой встречи с ним ей все рассказал…

А отец приезжал в Москву, когда мои фильмы и песни были уже популярными. Ему льстило, что его сын не стал каким-нибудь шарлатаном. Что не остался в ансамбле песни и пляски всю жизнь таскать аккордеон на горбу. И не играет для подвыпившей публики в ресторане…

Эх, математика, математика!.

После десятого класса я поступил в Новосибирский институт инженеров транспорта. Мне хотелось заниматься радиотехникой, поэтому выбрал технический вуз. В Новосибирске тогда не было института связи. Я думал в будущем перевестись в Москву или Ленинград.

Когда отца забрали, не стало денег. Мама тогда не работала, мне было пятнадцать лет, я учился. Дедушка еще. Бабушки уже не было в живых. Нам где-то дали землю, и мы сажали картошку. Я туда ездил на велосипеде – окучивать. Велосипед был военный, складной, его можно было легко в электричку взять, потом там разложить… Хлеб получали по карточкам. Мама продавала какие-то вещи из того, что у нас не забрали. Кстати, мама написала письмо в НКВД с просьбой вернуть мой фотоаппарат. К великому удивлению, его вернули. Но самое-то ценное забрали. То, что явно женское, оставили.

И вот она потихонечку все это продавала, продавала, продавала… На это мы и жили. Мама старалась кормить меня, чтобы я не голодал и нормально рос. Я еще тогда ничего не мог заработать. А может, мне просто в голову не приходило, как и где заработать… Время было неспокойное. И хулиганство было, и грабежи. Например, рассказывали: подъезжала к дому грузовая машина, за ставень завязывали трос, машина дергала, выламывала окно, и через него пролезали грабители. В общем, всякие случаи бывали…

Солдат, военный ансамбль

И все-таки мы как-то выживали. Спасала картошка. Обед у меня часто состоял из одного блюда: я просто жарил картошку.

Маме удалось устроиться на работу в детскую консультацию. Она вставала в пять утра и приходила вечером. Прямо валилась с ног. Так уставала, что утром не слышала будильник. Тогда я к стенным часам подвел контакты и вывел на автомобильный гудок. Когда стрелка подходила к пяти часам, гудок дико орал на всю квартиру…

На службе мама помогала поварам. Для работников были бесплатные обеды, им раздавали остатки. Мама приносила домой манную кашу, творожок. Платили – гроши, которых едва хватало на хлеб.

Конечно, все это было грустно. Но у меня была постоянная радость – музыка. Мы репетировали с нашим оркестром. Это так увлекало, что бытовые невзгоды уходили на второй план.

В институте я тоже играл. Там был здоровенный саксофон ленинградского производства. В сорок шестом году этот завод музыкальных инструментов разломали. До основанья. Первый секретарь Ленинградского обкома партии Жданов заявил, что джаз – это музыка космополитов, нам она чужда. Соответственно, и инструменты – тоже. На саксофонах играть было нельзя, слово «джаз» под запретом.

Так вот, в институте мне дали саксофон под расписку. И я начал учиться дома. А он же орет, когда играешь. Однажды я пошел с саксофоном к Вадиму Миловидову. Смотрю – он идет с каким-то чемоданчиком.

– Пойдем, – говорю, – поиграем. Ты – на рояле, я – на саксофоне. Я уже выучил одну мелодию!

– Не могу, – отвечает он. – Меня в баню послали…

– Ладно, пошли в баню вместе!..

В бане я заодно и помылся. Потом достал саксофон и в фойе, где все раздеваются, подудел. Все с интересом на меня смотрели…

А когда мы были поменьше, частенько вместе с Вадькой ходили в баню мыться. И, конечно, учиняли разное мелкое хулиганство. К примеру, брали с собой газету. Рвали ее и мочили. Потом подкрадывались к какому-нибудь дядьке, который намыливал голову, и клали ему в таз эту бумагу. Он, как ни в чем не бывало, начинает мыться. А у него газета на голове! Мы же в это время для конспирации усиленно мылим себе головы. И так сидим с намыленными головами и дико потихоньку хохочем. Он негодует:

– Кто кидает бумагу?!

А кто – неизвестно, народу-то много…

Другому дядьке, когда он всласть намылился, мы подсунули таз с холодной водой. Он начал смывать мыло и облил себя ледяной водичкой. Шуму было много!..

Вскоре в институте у меня появились хвосты по математике. Я не особенно-то ею занимался. К тому же, наверное, к математике не очень способный. И меня, хвостатого, через полгода благополучно отчислили.

Поэтому, если б не математика, в институте мне было очень

интересно. Я там и на трубе тренировался, на тромбоне. В общем, уже немного понимал, как играть на духовых инструментах. В будущем мне, как композитору и аранжировщику, все это очень пригодилось.

Ну, а когда из института меня выгнали, тут же, в марте сорок пятого, пришла повестка из военкомата. Мне было велено приехать в Омск, в полковую школу.

Сбежать на войну не сумел…

Мама собрала мне в дорогу котомку с продуктами. Ехать два дня. Но в поезд попасть невозможно! Вагоны – битком, на крышах сидят. Кто в солдатской форме, кто в штатском. Билетов, конечно, никаких я не покупал. Походили мы, походили и ушли… Вернулся домой, а мама удивленно:

– Ты не уехал?!

Штурмовал поезд я несколько раз. И только на третий день мой друг Борис затолкал меня в окно вагона. Я где-то пристроился стоя… В общем, как доехал до Омска, не знаю, но все же в военную школу попал.

В казарме полковой школы – двойные нары, узенький, с полметра, матрац. Выдали нам обмотки: сапог не было. Спишь ночью, вдруг тебя будят: подъем! Все вскакивают. У кого обмотки размотались – мыть туалет. Я, правда, ни разу туалет не чистил: все успевал вовремя. Потом даже приспособился просыпаться за три минуты до побудки. Заранее одеваться нельзя, поэтому у меня уже все было нацелено – как и что буду надевать, как только прокричат команду «Подъем!». Я первым соскакивал и спокойненько одевался. Умывались, завтракали.

Потом нас гнали на улицу. Зима холодная, под тридцать. Старшина у нас был, вредный такой, все его прямо ненавидели. Казалось, он издевается над нами. Позднее мы поняли: он просто старался все делать по правилам, как полагается. Но тогда это казалось пыткой.

Мы маршировали, шли куда-нибудь в лесок. И вдруг старшина командует:

– Ложись на снег! Стреляй!

Ага, не успели вовремя!.. Обязательно находится хотя бы один, кто не успевал. Таких заставляли мыть полы. Из них потом дезертиры получались. У нас два дезертира было. Их нашли и отправили на фронт, в маршевую роту.

Раз не успеваешь – снимай рукавицы! И снова:

– Перезаряжай, пли!

А потом – бегом марш!

На обратном пути:

– Запевай!

А у ребят сил нет, чуть ли не слезы на глазах. Им кажется: старшина издевается!..

– Запевай!

Никто не запевает. Тогда:

– Бежа-ать!

Триста метров бежим.

– Запевай!

Все молчат. Впереди на дороге – куча песка.

– Песок в полу шинели нагружать и бежать!

И опять:

– Запевай!

Наконец кто-то начинает запевать. Остальные подпевают, как могут. Дисциплина!..

Кормили нас плохо, в основном супом с кислой капустой. И вот как-то знакомый солдат мне говорит:

– Что ты здесь мучаешься? Мы завтра на фронт уходим. Давай к нам в роту, с нами пойдешь!

Военный джаз-ансамбль

Я пришел к ним в назначенный срок, встал в строй, стою. Но старшина-то своих всех знает.

– А это, – говорит, – кто?..

Отвечаю:

– Солдат Зацепин!

– А откуда ты?

– Всегда тут был, товарищ старшина!

Как бы не так! Выгнал он меня в мою роту…

А настроение такое не только у меня было. Ребята говорили:

– Зря тут мучаемся, надо бежать на фронт!..

Тут пришел какой-то полковник и стал отбирать солдат с десятилеткой в офицерское училище.

– Ну, солдат Зацепин, – говорит, – доволен, что будешь офицером?

– Никак нет, – отвечаю, – товарищ полковник!

– Как?! Ты не хочешь стать советским офицером?!

– А разве позорно быть советским солдатом?

– Не разговаривать, молчать!

В офицеры попасть я боялся, как огня. Потому что хотел быть гражданским. Я знал, что офицерам уволиться из армии невозможно. Но что делать? Приказ есть приказ.

В училище жизнь уже немного другая, чем в части. Курсантам полагается по двадцать граммов сливочного масла, меню состоит не из одних кислых щей. Кто-то за обедом стал меняться: я тебе – масло, ты мне – компот. Я же не менялся, съедал за милую душу и то, и другое.

С месяц я там послужил.

Там я познакомился и подружился с Эдуардом Сальницким. Он поляк по происхождению, очень милый, интеллигентный человек. Стал потом хорошим саксофонистом, классным аранжировщиком. Я как-то зашел в музвзвод, а Эдик там играл на кларнете. Потом он мне говорит:

– Тебе надо идти к нам в музвзвод! Поговори с капельмейстером прямо сейчас.

Капельмейстер мне сказал, что для этого надо хорошо играть на каком-нибудь духовом инструменте. И ничего не вышло…

А тут и война кончилась. Мы вышли во двор, и нам объявили, что Германия капитулировала. Какой-то особой радости в тот момент не было. Потому что на фронт не попали, долг свой не исполнили!.. Чуть позже мы все-таки осознали, что наступил великий момент, что для всех наших людей это счастье.

Началась демобилизация. Нам, курсантам, дали месячный отпуск, и я поехал в Новосибирск. Там сразу купил маленький аккордеон и кларнет и стал заниматься. Сижу во дворе на завалинке, по шесть часов играю то на кларнете, то на аккордеоне. Ходил и к преподавателю по кларнету. И довольно быстро этот инструмент освоил.

Через месяц вернулся в училище и сразу – в музвзвод.

– Вот, – говорю, – я на кларнете могу!

Что-то поиграл, плоховато, правда, но это устроило. Но я еще пошел к начальнику клуба капитану Барабанову. Докладываю ему:

– Я, товарищ капитан, киномеханик!

Мне было известно, что киномеханик у них демобилизовался.

– Еще, – продолжаю, – на аккордеоне играю, на рояле.

Какой ценный кадр нежданно-негаданно свалися им на

голову!..

Капельмейстер и начклуба пошли к генералу, начальнику училища, и стали решать, куда меня направить. Первый просит: в музвзвод, второй – в клуб. И клуб перетянул. Наверно, потому, что еще Ленин говаривал, мол, важнейшим из искусств для народа, батенька, является кино!

Меня из курсантов перевели обратно в солдаты, и дослуживал я солдатом.

Начальник кинобудки

В моем распоряжении появилась кинобудка. Я даже спать там планировал, но не разрешили. Потом дали добро спать у художника Левы. Он жил в своей мастерской. Там всюду висели плакаты, лозунги, лежали краски и кисти. Имелась и замечательная плита, согревающая душу и тело. Пригодился и белый экран. Вечером я ложился, Лева заворачивал меня в этот экран, и я с наслаждением засыпал на чудесной теплой плите…

В один прекрасный день открывается дверь и в мастерскую входит офицер. Он командует:

– Встать!

Лева-то встал, а я не могу: меня надо предварительно раскатать. Лева подскочил, раскатал. Тут я вижу, что офицер дико смеется про себя, но виду не подает. Этим офицером был Евгений Матвеев, ставший потом знаменитым актером и кинорежиссером. В то время он был командиром взвода.

Так мы с ним познакомились, потом и подружились, участвовали в художественной самодеятельности.

А тут Леве заказали делать барельеф Ленина и Сталина. Потребовалось много глины. Солдаты принесли сколько надо. А чтобы клейстер делать, дали пуд муки и дешевого растительного масла для смазки. Я как-то вечером прихожу, вижу все эти драгоценные запасы и начинаю слюнки глотать.

– Слушай, – говорю, – Лева, масло у нас есть, мука есть, печка имеется. Давай лепешки пожарим!

Достал я вьюшку, отчистил ее, ливанул масла от души, замесил тесто на воде. А топка-то – в коридоре. В итоге мы не уследили и стряпню свою немножечко передержали. Она пригорела, да так, что дым пошел на весь клуб! Зато со второго захода лепешки получились что надо. Правда, немного сыроватые, но улетели все с большим плезиром.

Я, как киномеханик, имел право свободно выходить за территорию училища. Зимой у меня санки были, на них из кинопроката возил банки с фильмами. В основном брал только музыкальные, типа «Серенады солнечной долины». Я из этого фильма все песни повырезал, чтобы ролик получился, а фильм сдал без единой песни. Потом капитан меня вызывает и спрашивает:

– Что ты там нахимичил? Фильм кто-то взял, а в нем – ни одной песни!

Мне слегка попало за эти проказы. Жалко было, что пришлось песни вернуть…

А клуб наш зимой был в буквальном смысле ледяным. Стекол нет, пол ледяной, колотун. Дамы танцевали в шубах, офицеры – в шинелях. А я играл в перчатках.

У нас в заборе одна доска отрывалась, и мы этой лазейкой частенько пользовались. Летом бегали на пруд купаться. А однажды приятель пригласил меня к девочкам на вечеринку. Мы пришли по нужному адресу, там стол накрыт, девушки сидят. А хозяин работал на фанерном комбинате, и все пили древесный спирт, желтый такой, вонючий. Пили стаканами, слегка разбавляя водой. Они привыкли, у них иммунитет. После граненого стакана мы отключились полностью. Какие там девочки!.. Утром проснулись – головы свинцовые, мы с приятелем бледные, как поганки, а девчонкам – хоть бы хны. Мы еле-еле притащились в училище, кое-как отлежались. Но, видно, спирт был все-таки очень добротный, не смертельный…

А как-то я пригласил в гости одну даму. Нелегально, конечно. Но бдительный капитан Барабанов, начальник клуба, нас застукал, начал дико кричать и мою бедную гостью выпроводил за территорию училища. В общем, позор. А меня отправили на две недели в конюшню. Лошадей чистить. Я лошадей, конечно, люблю, как домашних животных, но побаиваюсь. Чищу и думаю: сейчас как даст ногой!.. Имена у них подходящие: Плоскогубцы, Отвертка, Молоток… Потом все видят: от меня проку нет, конюх я неважнецкий, и командир говорит:

– Что ты там чистишь? Ты же художник! Сделай-ка нам дощечки с именами лошадей!

А какой я художник? Живу только в одной мастерской с художником. Но, как и Остап Бендер, огорчать работодателя я не стал. Художник так художник.

Утром напилил фанеры и собрался рисовать. А Лева мне поясняет:

– Ты не торопись! На следующий день будешь рисовать.

Приходит командир, спрашивает:

– Ну, что, сделал?

– Нет, – отвечаю, – работа большая, тонкая! Только еще напилил дощечки нужных размеров.

Назавтра Лева меня инструктирует:

– Так просто рисовать нельзя! Нужно сначала загрунтовать, потом должно просохнуть…

На другой день я начал все это делать, соблюдая технологию. Рисовал примерно как Остап Бендер. Дня через четыре принес художественные творения, торжественно приколотил…

На третьей полке у трубы

Кто-то посоветовал моей маме сходить в ансамбль песни и пляски (им были нужны музыканты) и сказать, мол, у меня сын-музыкант, в тюменском пехотном училище… Она так и сделала.

И в наше училище из ансамбля прислали запрос. А его – хлоп! – под сукно. Самим, дескать, нужен такой ценный кадр: киномеханик-музыкант и по совместительству – конюх и лошадиный художник!..

Тут подоспел смотр военной художественной самодеятельности в Новосибирске. Я готовлюсь, Женя Матвеев готовится. Я репетирую с певцами, с хором. А когда уже надо ехать, вместо меня берут какую-то пианистку! Это чтобы я в Новосибирске нечаянно не остался.

Ребята говорят:

– Давай мы тебя спрячем в вагоне!

Я, конечно, иду в вагон, где-то прячусь, и поезд отправляется. Когда отъехали довольно далеко, появляюсь из укрытия и сталкиваюсь с капитаном Барабановым. Он дико кричит:

– А ты, Зацепин, почему здесь?!.

– Ну, как же, – говорю, – товарищ капитан! Я столько репетировал! Я должен там играть!..

Он поорал, поорал, но куда меня девать теперь? Ссадить с поезда? Поздно! Уже сто километров отмотали.

В общем, приехали в Новосибирск, поучаствовал в смотре самодеятельности. И тогда начальник ансамбля песни и пляски мне говорит:

– Все, Зацепин, назад не поедете, здесь оформляетесь!

Заключительный концерт был в Доме офицеров. И вот я спускаюсь по лестнице с начальником ансамбля, а навстречу – капитан Барабанов. Он говорит:

– Сейчас Зацепин поедет назад, в Тюмень!

А начальник ансамбля:

– Нет, он остается, я его уже оформил! Мы вам три запроса посылали – вы не отвечаете. Все, до свидания!

А я стою и про себя ликую.

Капитан Барабанов по внутреннему своему содержанию был похож на барабан: часто кричал на подчиненных, стучал кулаком, не отдавая отчета в том, что говорит. И вот, наконец, мне удалось избавиться от его опеки!..

Так я остался в этом ансамбле. Жил дома. Получил офицерскую форму с солдатскими погонами, два раза в месяц давали паек. Какое-то время у нас жил Эдик Сальницкий, позже

его тоже взяли в ансамбль. Нам давали паек. Мы приносили домой по мешку с едой. Жить стало лучше. Шел сорок шестой год.

Эдик играл на саксофоне. Место пианиста было занято. За роялем сидел Жора Иванов (впоследствии ставший композитором, ректором Новосибирской консерватории), мы с ним учились вместе в музыкальной школе. Я играл на аккордеоне. У нас был настоящий джазовый оркестр: четыре саксофона, три трубы, три тромбона, певица. Из нас тоже собрали вокальный квартет: я, Эдик Сальницкий, Волвенков и Коля Трусов. На четыре голоса пели…

Студент консерватории

Прекрасно ездили по разным городам, все было замечательно. Потом вышел ждановский указ, и приказали: джаз запретить, оркестр расформировать! Прошлись по музыке Прокофьева, Шостаковича. Называли это космополитизмом музыки. Тогда и фабрику музыкальных инструментов разломали. Все уничтожили, саксофон даже показывать было нельзя!..

У нас был дирижер Гуляев. Он руководил оркестром народных инструментов. В первом отделении – джаз-оркестр, певцы, певицы, танцы, балет, а во втором – советские песни, народная музыка, русские танцы, хор. И вот дирижер говорит мне:

– Ну что, Александр, давай учись на балалайке! Или в армию

пойдешь дослуживать. Другого варианта нет.

И начал я учиться играть на балалайке. Дома стал заниматься. Соло, конечно, не играл. Солистом был бывший скрипач Лева Розин. У нас было две-три балалайки, которые играли аккомпанемент. Потом я, правда, прилично навострился играть. Тогда шел фильм «Джордж из Динки-джаза», и там герой прекрасно играл на банджо. И я в этом стиле играл. Дирижер не слышал, а я играл в свое удовольствие. А ребята рядом слышали…

Однажды приключилась с нами очень интересная история. Мы играли в бильярд. Я взял контрабас Миши Крженевича (у него была такая здоровенная балалайка) и неудачно с ним прыгнул. Гриф и отломился. А до концерта оставался час. Побежали к мастеру:

– Что делать? Сейчас концерт!..

Он говорит:

– Ну, это клеить надо! Сутки сушить.

Тогда мы примотали гриф проволокой и попытались настроить инструмент. Он не держит: струны сильно тянут. А первая вещь в концерте начинается сразу с басов. Слышу: контрабас не играет! Я Сашке Семенову:

– Погромче!

А он на тубе играл. Миша же подтягивает колок, опять слушает… А дирижер Андрей Новиков, к счастью, ничего не замечает. Он так самозабвенно дирижировал, улыбался, где-то в облаках летал!.. И все сошло благополучно.

Ездили мы в поездах. Я выбирал третью полку сбоку. Она, правда, очень узкая. Там проходит теплая труба. Я к ней ремнем пристегивался, чтоб не свалиться, и на одном боку спал.

Наши ребята все были с юмором. Как-то в Омске Жора Иванов и еще трое наших пошли в какой-то ресторан. Они спокойно поднялись на эстраду и начали играть. Жора – на рояле, Коля – танцор прекрасный, танцует… Ну, им по рюмочке подали, закуску. А в это время туда заходит старшина.

– Вот вы где!.. – кричит.

Они – бежать!.. Втроем прячутся за какое-то дерево… Конечно, от старшины не скрыться. Он их привел и посадил в карцер. Их выпускали поработать на концертах, а потом – опять в карцер. Им кто-то туда бутылочку передал, они и там концерт устраивали – пели. А солдаты, которые в то время были свободны, на травке сидели и смотрели. Окно в карцере было открыто. Сашка-тубист изображал обезьяну, танцевал, Коля декламировал что-то…

Им еще добавили срок.

И вот дирижер говорит мне:

– Ну что, Александр, давай учись на балалайке! Или в армию пойдешь дослуживать. Другого варианта нет.

И начал я учиться играть на балалайке.

В шапке с четырьмя ушами

После демобилизации меня взяли в Новосибирскую филармонию и сразу предложили поехать на маленьком пароходике в гастрольное турне по Оби. Я согласился. Платили хорошо. В армии я получал десять рублей, а тут вдруг – четыреста! У людей зарплата была по сто рублей…

Я два отделения аккомпанировал на рояле. Если в клубах рояля не было, то на аккордеоне. И соло играл. Бригада была человек двенадцать. Два певца и певица, иллюзионист, жонглер, танцевальная пара и так далее.

Поездка – на два месяца. Новосибирск – Бийск – Колпашево. Отдельная каюта – одно удовольствие. И вот на нашем колесном пароходике мы с администратором решили на ходу искупаться. Я тайно сел в лодку (она на длинной веревке прицеплена к корме). Администратор должен был прыгнуть с борта, а я – ловить его с лодки. Опасно, конечно! Под колесо можно угодить…

Он нырнул и вынырнул метрах в четырех от меня. Я его поймать никак не могу!.. Он и остался в реке плавать. А Обь в тех краях – не Москва-река, ее не переплюнешь. От одного берега до другого – пара добрых километров. Что делать?

Я лодку отвязал – пуповину с кораблем обрезал. Надо вылавливать администратора. Вдруг человек утонет!.. А весел-то нет. Я доской помахиваю, доплыл до купальщика, втянул его в утлую посудину… Смотрим, а пароход разворачивается. Капитан увидел-таки пловцов, терпящих бедствие… Мы спасены!

Потом мы ездили по Кузбассу с певицей Ушаковой, в то время довольно известной. С нами был и аккомпаниатор Коля Сизов. Мы с ним играли дуэт на аккордеонах. Деньги за концерт платили по тем временам большие. Мне – двести рублей за концерт. Но и нагрузка была – будь здоров! По два полноценных концерта в день, сорок – в месяц.

На аккордеоне я играл очень хорошо. Дня не пропускал, чтобы не позаниматься. Чтобы достичь совершенства, играл «Полет шмеля», «Карусель» (которая была тогда очень модной). И с Колей в дуэте в основном играл я, а он аккомпанировал. У меня был хороший итальянский инструмент.

Девушек, конечно, было много. В каждом городе после концерта они так и льнули. Чего греха таить, погулял немного. Особо не шиковал, по ресторанам не ходил, я человек непьющий. Деньги отдавал маме.

Коля Сизов в начале концерта читал какой-то монолог. Потом мы играли соло на аккордеонах. И однажды я незаметно

распустил ему ремни на аккордеоне. Обычно, когда он дочитывал, вбегал, надевал аккордеон, и мы выходили вместе. И вот он его надел, а инструмент где-то на коленях висит. Он говорит:

– Подожди, я ремни подтяну!

– Некогда, Коля! – отвечаю. – Публика ждет! – И тяну его на сцену.

Куда ему деваться? Сыграли…

…Друзья-гастролеры незаметно пришили мне сзади к пальто пропеллер. И мы пошли гулять по городу. Я, естественно, ничего не знаю и не чувствую. И гуляем мы там, где много народу. А они спрашивают меня:

– Вот ты полетел бы на Луну, если бы тебе предложили?

Спрашивают как-то нарочито громко и серьезно. Вижу: окружающие прислушиваются. Ну, мало ли, думаю, может, хотят меня на геройство проверить.

– Полетел бы, – отвечаю. – Если будет возможность, обязательно полечу!

Они – довольные, я – тоже. Народ ходит, улыбается мне. Все радуются, что я собираюсь в космос.

Возвращаемся домой, смотрю – а у меня пропеллер пришит!..

Так, думаю, надо мстить!.. Нашел за сценой какое-то драное пальто, оторвал дырявую подкладку и приметал ее изнутри к шикарному Колиному пальто. А он одевался прекрасно: у него было особое драповое пальто, страшно дорогое, шапка и воротник – из обезьяньего меха.

Вывернул карман пальто и крепкой ниткой пришил к нему перчатку. А у Коли в том кармане мелочь всегда лежит.

И мы пошли в ресторан обедать. Коля сдал в гардероб пальто (я ему помогал, чтобы он сильно не распахивался), и он ничего не заметил.

– Ты за мной ухаживал, – говорю, – теперь я – за тобой!

Он еще с подозрением оглядел сзади пальто – нет ли пропеллера. Я его успокоил:

– Да ничего там нет! Побаловались, хватит!..

Пообедали мы, выходим одеваться. Гардеробщик ему услужливо распахивает пальто и… Коля мгновенно бледнеет. У него ж действительно было дорогое пальто, сколько надо было на него зарабатывать!..

– Это не мое! – в панике произносит он.

– Ну, как же не ваше? – возражает гардеробщик. – Номерочек-то ваш!..

Я говорю:

– Коля, посмотри, воротник-то твой!

– Да не мое! – отпирается он. – Это же рвань какая-то!

– А ты в карманах посмотри, – советую я. – Может, там что-нибудь твое есть.

Он лезет в карман, вытаскивает перчатку, которую я с любовью пришил. Карман, естественно, выворачивается наизнанку. Мелочь со звоном летит в разные стороны.

– Да твое это! – убеждаю его я. – Ты же всегда пришиваешь перчатки, чтобы не потерять. Твое!.. Просто подкладка немножко устарела, а ты и не заметил раньше. Сменишь подкладку – и будет как новенькое!..

Только тут все и начали понимать, где собака зарыта…

А однажды я взял его драгоценную шапку (он в это время читал монолог на сцене) и начал с ней забавляться. Коля меня видит, а зрители – нет. Ему еще минут пятнадцать читать, и он ничего сделать не сможет.

Я шапку себе на голову надеваю. Он видит боком, но старается не смотреть. Ага!.. Тут под рукой оказалась какая-то старая, драная солдатская шапка. Я отрываю от нее уши и начинаю пришивать их к Колиной. Ну, конечно, не по-настоящему, а лишь наживляю слегка к подкладочке. Одно ухо пришил, надел. Он на меня взглянул – ему смешно, а он патриотический монолог читает!.. В те времена обязательно нужно было иметь «идейный» номер.

Потом я второе ухо пришил. Сижу в такой шапке, его смех разбирает… Но он все-таки выдержал, не рассмеялся.

К тому времени, когда он закончил и ушел за кулисы, я уши успел отпороть, шапку положил на место и сижу как ни в чем не бывало. Он спрашивает:

– Шапку-то мою куда дел?

– Да не трогал я, – говорю. – Тебе померещилось. Я свою надевал!..

Он посмотрел на свою – ничего не порвано, все нормально…

…В 1947–1948 годах мы плавали от верховьев Оби, от Бийска на север, до низовьев, дальше Колпашева. Там огромная, дикая Обь. Километров пять в ширину! Красота потрясающая! На берегах – высоченные корабельные сосны. Там нам показывали дом, где жил Сталин. Сети, которыми он ловил рыбу…

Там было поселение латышей, эстонцев и литовцев, которых репрессировали во время войны. Мужчин расстреляли, поэтому жили там практически одни женщины и дети.

И вот наш певец, баритон Макурин, влюбился там в одну девушку. Мы пробыли в поселке дня два, и он сделал ей предложение. Она согласилась. Целый год он писал письма во всякие «органы». Отвечали: «Нецелесообразно». Но он добился-

таки своего! Разрешили! Он поехал за ней и женился. Потом у них родились дети, и они уехали на Дальний Восток.

На этом корабле у нас был иллюзионист Боря Ковалько, он же одновременно и прекрасный жонглер. Мог жонглировать шестью предметами. Тремя – с закрытыми глазами.

Однажды погода была хорошая, солнце, тридцать градусов. Мы загорали на верхней палубе. Я лежал, надвинув шляпу на глаза. Рядом загорала певица Лисовская. И вот Боря говорит мне:

– Саша, Саша, посмотри, как тут интересно!..

Я открыл глаза и замер от ужаса: надо мной летали топор, полено и какая-то кочерга!.. Боря жонглировал этими тремя предметами прямо над моей головой!..

Потом он проделал то же самое с Лисовской. Когда она открыла лицо, то закричала своим колоратурным сопрано гораздо громче и выше, чем пела на концертах. Сначала она увидела, что на нее падает топор, потом – полено… А уж потом поняла, что это проделки жонглера…

Такие вот безобидные, добрые шутки были в моде на нашем дружном кораблике.

Каждое утро по три часа я занимался на аккордеоне. Там, где в клубах были рояли, помногу играл на рояле. Поездив год на гастроли, я начал готовиться к поступлению в музыкальное училище. Думал, брошу филармонию, поступлю в училище. В то время в Новосибирске еще не было консерватории.

А мог бы стать иллюзионистом!.

В консерваторию принимали только после музучилища. У меня же за плечами была только музыкальная школа, поэтому о консерватории я тогда еще не думал. Хотя уже что-то сочинял, записывал, ходил в Новосибирске к профессору Штейну, брал уроки по фортепино, хотя тот и засыпал во время моей игры, но его мозг продолжал посылать необходимые импульсы ученику. Продолжал заниматься дома. Подготовил программу на фортепиано для вступительных экзаменов и сочинил несколько музыкальных пьес для фортепиано.

И тут мы поехали на гастроли с другой концертной бригадой – восемь опереточных актеров играли «Сильву», «Марицу», «Баядеру» прямо на сцене, без декораций. Нас хорошо принимали, публике очень нравилось. Я аккомпанировал на рояле, все партии знал наизусть.

Мы приехали в Семипалатинск, потом в Алма-Ату. На дворе стоял август, шли приемные экзамены. Сочинения мои были со мной. И я пошел в музыкальное училище. Там послушали и сказали:

– Идите сразу в консерваторию. Вас примут!

И я, собравшись с духом, пошел и подал документы сразу на два факультета – на фортепианный и композиторский. Меня послушал профессор Евгений Григорьевич Брусиловский. Сыграл мне какие-то аккорды, чтобы я их отгадал.

– Это соль, – говорю. – Это до. Это ми.

– О, Шура! – сказал профессор. – Вы хорошо слышите!

1961 год

И после экзаменов меня взяли на фортепианное отделение. Брусиловский объяснил:

– Вы ведь училище не заканчивали, гармонию и полифонию не проходили. На первом курсе будете учиться на фортепианном отделении. Сдадите гармонию, полифонию, а на следующий год я вас приму к себе в класс на композиторское отделение.

Я был вне себя от счастья! Не зря занимался! Приняли-то меня не в училище, а сразу в консерваторию!..

Вскоре наша гастрольная поездка закончилась, и в сентябре я приехал в Алма-Ату. Так началась моя учеба.

Конечно, в Новосибирской филармонии я получал хорошие деньги, можно было не учиться. Я даже хотел освоить еще одну эстрадную специальность.

У Бори-иллюзиониста была классная аппаратура (он привез ее из Германии). Он научил меня некоторым фокусам, и я решил купить у него часть аппаратуры. Думал: буду показывать фокусы и получать еще и как иллюзионист. Заработаю кучу денег! И маме оставлю, и мне хватит. Тогда и поеду учиться.

И я усиленно тренировался с картами, шариками, монетами… Потом во время гастролей два месяца выступал и в качестве иллюзиониста. Мне заплатили хорошо, лишнего человека брать не потребовалось. Да и нравилось мне это. По молодости, по дурости разбазаривал себя. Вместо того чтобы посочинять… А потом привез реквизит в Алма-Ату и продал артистам местного цирка.

Кстати, с другим иллюзионистом Левой Куляджи был у меня забавный случай. Настоящая фамилия его была Кулявский, было ему лет под шестьдесят, и он не умел ни писать, ни читать. А фокусник был замечательный. Так вот, сыгранные концерты он в своей каюте карандашом на стене отмечал черточками. Пройдет выступление – он палочку добавляет. Я для юмора взял и дорисовал ему две палочки…

Он устроил такой скандал с администрацией!.. Требовал оплату за эти два выступления… Ну, потом я признался Леве, что пошутил, и мы вместе посмеялись.

…В Алма-Ате жила моя тетя, мамина сестра, и первое время я жил у нее. Стал получать стипендию сто восемьдесят рублей. Конечно, пришлось работать. Сначала устроился в ресторан. И хотя платили там прилично и времени тратил не так много, только вечером, обстановка меня не устраивала. Посетители все время норовят усадить тебя за столик и угостить:

– Выпей с нами! Пей до дна!..

К этому времени я уже был женат, и вскоре в Алма-Ату ко мне приехала жена.

Я познакомился с ней в одной из гастрольных поездок. Она вела концерты, читала отрывки из «Молодой гвардии». Ее звали Ревмира (революция мира). Мы постоянно с ней сталкивались – на концертах, в гастрольных поездках. Она была красивая, самоуверенная и нагловатая. Через какое-то время стала меня опекать. Я почувствовал, что нравлюсь ей. Потом стал ходить к ней в гости. В итоге сник перед ее красотой…

Тут интересный момент. В то время, когда у нас еще только-

только началось сближение, выяснилось, что она от кого-то беременна. На шестом месяце. Правда, это было как-то незаметно. Она родила дочь и хотела, чтобы я ее удочерил. Я все так и сделал. Однако девочка вскоре умерла.

Потом мы переехали в Алма-Ату.

Ревмире было двадцать четыре года, мне – двадцать три. Я устроил ее в филармонию, но она ничего не хотела делать. Читала только свою «Молодую гвардию». Но сколько же можно было слушать одно и то же!..

Ей предложили подготовить что-нибудь еще, но она ложилась на кровать учить и засыпала… Так ничего и не выучила. Естественно, ей не давали концертов, и она изнывала от лени и безделья.

– Зачем тебе учиться? – говорила мне. – Ты играешь на аккордеоне в филармонии, можешь фокусы показывать. Такие хорошие деньги получаешь. Чего еще надо?

Я же учился и работал. Когда приходил домой обедать, на столе ожидало одинаковое меню: газированная вода, хлеб, масло и сыр.

> Ее звали Ревмира (революция мира). Мы постоянно с ней сталкивались – на концертах, в гастрольных поездках. Она была красивая, самоуверенная и нагловатая. Через какое-то время стала меня опекать. Я почувствовал, что нравлюсь ей. Потом стал ходить к ней в гости. В итоге сник перед ее красотой…

После того как Ревмиру «попросили» из филармонии, я устроил ее в драматический театр. А сам писал музыку к спектаклям. Раньше какое-то время она работала в Новосибирском ТЮЗе, но со всеми там перессорилась. В драмтеатре ей дали маленькую роль. Актрисой она, правда, была посредственной. Вскоре начала конфликтовать с коллективом, и ее попросили на выход.

Мы снимали большую комнату в подвале. Ее хозяин учился в музыкальном училище. У меня там стояло пианино. Комната съедала практически всю мою стипендию.

У нас родился сын. Ревмира частенько оставляла его хозяевам подвального помещения. А у них было двое своих. Жена просила приглядеть за сыном десять минут, сама же уходила в магазин и возвращалась через два часа.

Вскоре с квартиры нас погнали. Потому что хозяевам надоело постоянно нянчиться с нашим ребенком. Нам пришлось временно переехать к моей тете.

В душе копились усталость и напряжение. От неустроенности

быта, от праздной жены, которая ничего не хотела делать, – ни учиться, ни работать, ни ухаживать за сыном. Зато требовала модную одежду и непременно – чернобурку. Каждый день все повторялось заново – неприбранный дом, жена, разгуливающая по магазинам, плачущий ребенок, хлеб и лимонад…

Это не могло продолжаться бесконечно. Говорят, от любви до ненависти один шаг. Наверное, тогда я его и сделал. Я буквально возненавидел Ревмиру! Даже стал ночевать в машине.

Логическая развязка наступила – мы расстались.

К сожалению, у нашего сына обнаружилась редкая болезнь – рассеянный склероз, который практически не лечится. И сын умер двадцатилетним. Было это уже в Москве.

В душе копились усталость и напряжение. От неустроенности быта, от праздной жены, которая ничего не хотела делать, – ни учиться, ни работать, ни ухаживать за сыном.

И сгущенка для полного счастья

Из ресторана я ушел работать в кинотеатр. Надеялся, что между сеансами смогу заниматься на рояле. Оказалось, нельзя: слышно в зале. Пришлось и оттуда уйти. Времени тратишь много, три сеанса сидишь без дела. Марксизм учить? Неохота.

И я устроился в институт физкультуры. Играл на занятиях по художественной гимнастике. Играть можно было что угодно – и свое, и импровизации. Платили два рубля в час. Сколько поиграешь, столько и получишь.

Гимнастки были очень симптичные, стройные и гибкие. Можно было играть и посматривать на них одним глазком…

Но время работы иногда совпадало с лекциями в консерватории. Что делать? Пошел работать в Дом учителя. Там занималась школьная самодеятельность, приходили учительницы, пели, я аккомпанировал. Зарплата – пятьсот рублей.

Год проучился на фортепианном отделении, потом сдал экзамены, и меня взяли на композиторское. Продолжал учиться уже сразу на двух факультетах. Но через два года с фортепианного ушел. Понимал, что пианистом не буду. Чтобы играть по-настоящему, надо ежедневно по шесть часов заниматься на рояле. У меня ведь была только детская музыкальная школа, а не училище. А кто за меня будет заниматься композицией? Двух зайцев ловить не стал. К тому же мне еще и работать надо было.

Тут я устроился на киностудию музыкальным оформителем. Подбирал музыку для киножурналов. Мне сказали так: для тяжелой индустрии – Бетховен, для легкой – Моцарт. Это, конечно, шутка. Потом мне дали самому написать для какого-то киножурнала. Для новогоднего я сочинил песенку и музыку. Потом – музыку для киноочерка. И так добрался до фильма.

В это время я писал песни для радио. У меня была популярная «Песня об Алма-Ате». Говорят, там ее до сих пор исполняют.

Потом меня познакомили с поэтом, и я написал песню «Иртыш, Иртыш…». Пели ее народные артисты – братья Абдуллины.

Какие-то песни у меня покупали, я получал грошовые авторские гонорары. По мелочи, но все-таки что-то шло, и мне, конечно, было приятно.

Все песни я показывал своему профессору: грамотно ли написал клавир. Надо, чтобы все было правильно. Я очень благодарен Евгению Григорьевичу Брусиловскому. Он научил

меня не только профессионализму, сочинению произведений, но и тому, как нужно работать. Он говорил:

– Шура, вы не думайте, что композитор пишет просто и легко! Вот нашло на вас вдохновение, и все получилось… Вдохновение приходит, когда вы работаете каждый день! Вот я, например, работаю ежедневно по четыре часа, с девяти до часу. В это время вдохновение и приходит. Сидеть и ждать его – бесполезно. А если у вас заказ? Когда вы будете ждать вдохновенья? И спортом, Шура, надо заниматься. Нельзя только сидеть за столом и сочинять до двух ночи. Вы себя так быстро израсходуете.

А я как раз именно так и занимался – до двух ночи… Я уже комнатку снимал на окраине Алма-Аты. Там у меня стояло пианино, железная кровать, обрубок дерева – стол, на нем – трехлитровая банка сгущенного молока. Сгущенку раньше там продавали в таких объемах, хватало надолго. На полу на двух кирпичах – электрическая плитка. Это для зимы отопление.

Я занимался в этой комнатушке. Ко мне иногда приходили студентки, в основном певицы. Они пели мои новые песни. С некоторыми студентками у меня были даже романы. Помню, например, Надю Шарипову…

А я что, рыжий?.

В консерватории приходилось много заниматься и работать, но время для веселья всегда оставалось.

Лето в Алма-Ате длинное, осень теплая, окна в аудиториях открыты. Студенты сидят, терпеливо терзают инструменты. Ну, как тут не пошутить над бедолагами?..

Наши классы располагались на третьем этаже. Я заходил в первый класс (там кто-нибудь обязательно занимался без педагога) и выходил через окно на карниз. Он был сантиметров тридцать шириной. По карнизу осторожно продвигался к окну следующего класса. А рояль обычно стоял клавиатурой к окну, и человек сидел к окну спиной, чтобы свет падал на ноты. Мой компаньон предварительно подглядывал в этот класс, чтобы узнать, есть там педагог или нет (в дверях были матовые стекла, но где-нибудь в уголке, конечно, имелся процарапанный кусочек для наблюдений из коридора). И подавал мне знак. Если педагог отсутствовал, то с карниза этого окна я подпрыгивал как можно выше и в момент прыжка дико кричал. Мирно занимающийся студент у рояля страшно вздрагивал, резко поворачивался к окну и, к своему ужасу, видел летящего сверху человека… А так как он смотрел против света, то видел лишь какую-то тень, которая падает на него и орет… Потом он осознавал, что опасность ему не грозит, успокаивался и становился еще одним моим компаньоном. При этом его очень радовала перспектива увидеть очередного испытуемого. Я шел по карнизу к следующему классу, и представление повторялось. К последней аудитории подкрадывалась уже целая толпа студентов-зрителей. Все были очень довольны, особенно первый потерпевший…

Учился я хорошо, хотя на некоторые предметы ходил очень редко. Например, на марксизм-ленинизм. И первоисточников не читал.

– Вот вам пятый том Ленина, второй, шестой, седьмой, восьмой… Проштудируйте! – давал задание преподаватель.

Я думал: кого же из меня делают? Композитора или марксиста-лениниста? Причем на марксизм-ленинизм отводилось четыре часа в неделю, а на специальные предметы – по два. Да еще и политэкономия – два часа!..

И только перед экзаменами по этим дисциплинам мы вчетвером сидели по три дня, пили крепкий чай и до утра читали учебники. Потом, еле-еле проснувшись, шли на экзамен. Нашему курсу повезло: мы сдавали в пятьдесят шестом году после развенчания Сталина, и преподаватели не знали, что спрашивать.

У меня в билете была какая-то работа Сталина. Я бойко говорю:

– Вот работа Сталина…

Хотя я ее не читал.

Но мы уже знали, что спрашивать по таким вопросам не будут.

– Ну, это… это вы знаете! – бормотал преподаватель. – Давайте второй вопрос.

И всем, кто ходил на лекции, читал первоисточники, и тем, кто их, как я, никогда в жизни не видел, – всем поставили по четверке. Пятерку ставить опасно, а тройку вроде нельзя, если первый вопрос я как бы знаю…

Вообще было много лишних предметов, как я тогда считал. Какую-то юртовую архитектуру изучали. Учебника по ней не было, значит, нужно конспектировать…

На «Военное дело» я тоже не ходил. Я-то уже отслужил в армии, а другие – нет. На экзамене педагог у меня что-то спросил, я как-то ответил и сдал. Ну, конечно, ночью-то учил. А рядом со мной сидел Фейгин, студент с композиторского, только ниже курсом. Он был немец, рыжий-рыжий, очень заметный. И педагог говорит, показывая на меня:

– Ну, вот его-то я видел на лекциях. А вас вообще не видел! Как же вы так?..

Фейгин выпучил глаза, на меня смотрит, мол, скажи, что это ты не ходил, а я-то как раз ходил!.. Но как-то все обошлось и без моего вмешательства, он тоже сдал.

А предметы по специальности: полифонию, музыкальную литературу, сочинения, чтение партитур я, конечно, не пропускал и занимался – как следует, даже если что-то было и скучно.

Бизнесмен из меня неважнецкий

В консерватории на первом курсе меня тянуло на какую-нибудь авантюру. Конечно, в хорошем смысле. Как у Остапа Бендера. Я мучительно думал, где бы заработать быстро и много. Чтобы не отвлекаться на заработки и все время отдать учебе.

Шел как-то по Калининскому проспекту Алма-Аты. Это центральная улица. Подошел к стенду, где продают газеты и открытки. На открытках – достопримечательности города: оперный театр, гостиница «Казахстан» и тому подобное. Я вдруг вспомнил, что в детстве мой друг, художник, раскрашивал открытки акварельными красками.

Я купил несколько открыток и дома засел за работу. Берешь ватку, обмакиваешь в голубую краску и проводишь по небу на открытке. Потом протираешь чистой ваткой все лишнее, и небо остается голубым. Зеленой ваткой мажешь траву и так далее. Открытка превращается в цветную!..

Я сделал несколько образцов и отправился к изготовителям открыток.

– Вот, – говорю, – ваши открытки, никто их не покупает! А я могу сделать вам цветные и недорого!..

Им понравилось. Они дали мне двенадцать тысяч штук. За раскраску мне причиталось по две или три копейки за штуку.

Работа была адская!.. Хотя я использовал поточный метод. Сначала – все разукрашивал голубой краской. Двенадцать тысяч движений! Потом – зеленой. Двенадцать тысяч движений!.. И так – для каждого цвета…

Занимался «живописью» в свободное время, в воскресенье. Я же учился. Поэтому в основном – за счет часов марксизма-ленинизма… Мне помогала политика!..

Потом принес открытки изготовителям, они сказали:

– Замечательно! – и отдали мне деньги.

Я заработал триста рублей! А стипендия была сто восемьдесят…

Через месяц снова прихожу к ним и говорю:

– Хочу еще взять у вас открыток!

Мои заказчики посмотрели на меня как-то очень неприветливо.

– Что случилось? – удивился я.

– А вы сходите в киоск и посмотрите!..

Я пошел, спрашиваю:

– Где тут у вас цветные открытки?

Гляжу – мои шедевры снова стали черно-белыми. Они все

выцвели на солнце! Там же такое солнце!..

Остап Бендер из меня не получился. Пришлось переквалифицироваться в музыканты…

«Харлей», «Победа» и аккордеон

В консерватории я бредил машиной. У нас на вокальном отделении училась поповская дочь. Так она приезжала на «Победе». Она была старше меня, хорошенькая, выходила из машины – приятно смотреть!.. Желания завести с ней роман не возникало, а вот «Победа» меня очень трогала…

В первый год я только облизывался, глядя на машины и мотоциклы: денег-то не было. Но потом все-таки накопил и купил подержанный, дешевый мотоцикл К-125. Маленький такой.

Ездил без прав. Потом мне вдруг предложили по случаю трофейный «Харлей Дэвидсон». Огромный, красивый, но английского образца – коляска у него была слева. Я купил его, а свой К-125 решил продать.

Мы с покупателем сели на мой старый, чтобы проверить его. Было утро, первые осенние заморозки, легкий ледок на асфальте. А мотоцикл – как корова на льду, он сразу раз – и на бок. Скорость хоть и небольшая, километров шестьдесят, но мы ехали под горку и остановиться не можем. Один квартал проезжаем, лежа на боку, второй… Однако перед падением я все же успел ему сказать: видишь, мол, какой хороший мотоцикл ты у меня покупаешь, просто зверь!.. И вдруг видим: ишак с тележкой переходит дорогу… Ну, думаю, все, сейчас в него врежемся, ишаку будет несладко и нам достанется!.. Но как-то проскочили…

От «Харлея» я потом люльку отцепил и ездил. Тоже без прав. Носился на нем!.. Милиция меня догнать хочет, но не может. Меня уже знали: ездит такой гонщик в кепке с козырьком…

Я в консерваторию приезжал и во дворе его ставил.

Как-то раз еду, еще с люлькой, мне милиционер дает знак остановиться, я – в сторону, он схватил своего «козлика» и – за мной. Я – по какой-то улице, где нет асфальта, а только кочки да ямы. Сиденье из люльки выпало, я и не заметил. Доехал до асфальта, повернул направо и понесся вверх по улице, он и отстал. Вдруг передо мной – грузовик! Хочу его обогнать слева, а он неожиданно сам резко поворачивает влево. Я дико затормозил, люльку занесло, мотоцикл перевернуло. Я упал на асфальт, мотоцикл перелетел через меня, упал на сиденье, отскочил, снова – на колеса и передним колесом угодил в арык. Вскочил, боли не чувствую, подбежал к мотоциклу, тащу его, а он тяжеленный, двести килограммов весит. Надо было нажать педаль сцепления, чтобы выключить скорость, он на скорости стоит. Забыл впопыхах! Наконец еле-еле вытащил, залез, а тяги, которые

держат люльку, порвались, ехать невозможно.

Тут уже толпа собралась, трамвай остановился. Подошел человек в штатском, спрашивает:

– Вы в порядке?

Смотрю, милиционер мой на «козлике» подъезжает и со свирепым видом идет ко мне. А этот в штатском показывает ему удостоверение (он сам, оказалось, из ГАИ) и говорит:

– Осторожно, осторожно!.. Он упал, я все видел…

> От «Харлея» я потом люльку отцепил и ездил. Тоже без прав. Носился на нем!.. Милиция меня догнать хочет, но не может. Меня уже знали: ездит такой гонщик в кепке с козырьком…

А тот:

– Так он, разбойник, без прав ездит!

Короче, увезли меня в ГАИ. Я такой грустный, иду домой. Зашел к одной знакомой, у нее муж в уголовном розыске работал и погиб. Его хорошо все знали. Она мне говорит:

– Сегодня как раз вечер ГАИ в Доме культуры. Бери аккордеон и – туда!

Я пришел, там действительно милиционеры гуляют. Я где-то сел в углу и начал играть. Все оживились, стали танцевать. Потом моя знакомая подошла к заместителю начальника ГАИ и все про меня рассказала. Он говорит:

– Сейчас сарай закрыт. Пусть завтра утром подходит.

И мне мой любимый мотоцикл вернули. А потом я сдал на права.

Но на втором курсе не выдержал и продал свой аккордеон. Занял у старика, у которого жил, шесть тысяч (через три месяца должен был отдать восемь). Проценты, конечно, огромные. Но слишком велико было желание купить машину!

Мне попалась «Победа» зеленого цвета с пробегом двенадцать тысяч километров. Все бы хорошо, но подошло время возвращать долг, а денег нет. Надо продавать машину.

Продавали – веселились, посчитали – прослезились…

Я узнал, что ее можно было удачно продать в Ташкенте. Тысяч за двадцать пять. Ну, думаю, отдам долг, да еще и куплю себе какую-нибудь машинешку на остаток…

Договорился со своим другом Леонидом Афанасьевым, тоже композитором, ехать в Ташкент вместе. Он постарше меня лет на пять, во время войны был летчиком. Его самолет сбили, самого ранили, у него с тех пор болела спина.

Леня тогда получил Госпремию в Москве за концерт для скрипки с оркестром. Он потом переехал в Москву, два года учился в аспирантуре при Московской консерватории. Кстати, говорил, что наш профессор Брусиловский не жалел для нас времени, а вот своего московского педагога Арама Хачатуряна Леня видел всего пару раз в год. Тот на гастролях или сочиняет. И занимались с аспирантами ассистенты…

Чтобы сделать нашу поездку еще более рентабельной, мы с Леней купили сто килограммов яблок, загрузили в багажник и поехали. Дорога хорошая, погода чудесная, климат изумительный. Если в мае кончились дожди, то до ноября – никакой сырости. Ну, гроза, может, прогремит – и все. Солнышко, горы, снег на вершинах… И два яблочных коммерсанта на зеленой «Победе».

Переезжаем перевал, едем через город Фрунзе. Смеркается. Выезжаем к речке. Надо искать брод, на другой берег перебираться.

– Ты, Леня, – говорю, – в воду не пойдешь: у тебя спина. Пойду я!

А вода – с гор, ледяная!..

– Может, так проедем? – предлагаю я.

Сунулись мы в реку – мотор и заглох…

Есть способ двигать машину с помощью домкрата. Ставлю сбоку, между дверями домкрат, поднимаю машину на максимум, потом сталкиваю вперед. Она на полметра продвигается. Снова на домкрат… И так далее. Сизифов труд.

Вот так с полчасика я кувыркался в ледяной водичке, поленившись найди нормальный брод. Выбрались на сухое место, протерли свечи. Завелась «Победа». Какое счастье!.. И тут вдруг подъезжает грузовик, шофер говорит:

– Видим, мучаетесь. Хотели вас вытащить…

Заночевали в поле. Леня – на заднем сиденье. Я – на

переднем. Въезжаем утром в пригород Ташкента. А в нем все окна смотрят во двор, с улицы видны только стены домов. Раскрыли мы багажник, а там – компот из нашего яблочного бизнеса. Отдали все это свиньям. Их хозяева были очень нам благодарны. Как, впрочем, и сами хрюшки.

Я как в математике, так и в коммерции – ни бум-бум!

Едем дальше. Глядь – колесо лопнуло! Поставили запаску, двинулись к рынку. Видим – вулканизационная мастерская. Поставили мы машину через дорогу напротив, я переоделся. Костюмчик аккуратненько сложил на заднее сиденье, Леня положил туда же свой пиджак.

Когда вернулись из мастерской, машина уже была начисто вычищена добрыми людьми. Ни денег, ни одежды! Вся оставшаяся наличность – пять рублей, что были с собой, из имущества – Лёнин макинтош в багажнике. А надо же и бензин купить, и в гостиницу устроиться…

Кое-как мы доехали до Самарканда и принялись таксовать – возить пассажиров от центра до вокзала. Зарабатывали деньги. Леня сел за руль, а я – сзади с монтировкой, на всякий случай. Вдруг бандиты сядут. Ка-ак дам бандюгану!..

Одна поездка – три-пять рублей. Гоняли два часа без передыху. Наконец, мой друг Леня, лауреат Государственной премии, сел считать барыши. Насчитал около полутора сотен рублей.

Сняли номер в гостинице, умылись, пошли в ресторан. Леня – в своем макинтоше, потому что пиджак украли, а я – вообще как оборвыш.

– Ничего, – говорю. – Как будто я твой шофер.

А утром нашли покупателя, адрес которого мне еще в Алма-Ате дали. Он обещал восемнадцать тысяч, а тут заартачился: мол, плохая резина, тут ее не купишь, а в Алма-Ате она есть.

Он дал пять тысяч задатка, и мы с Леней полетели в Алма-Ату покупать покрышки. Леня там остался, а я с покрышками вернулся в Узбекистан.

Поставили колеса. Все хорошо, и вдруг появился новый покупатель. Обещает двадцать две тысячи, только не сразу, а частями. Вот тут он меня и поймал! Заплатил тринадцать, остальные так и не отдал. Я даже в суд подавал на него. Присудили – платить. Потом туда мама ездила. Он по шестьсот рублей в месяц что-то выплатил, но не все.

А долг старику-ростовщику я отдал вовремя.

Чем отличается рояль от дивана?

Прихожу в консерваторию, а ребята мне говорят:

– Иди, посмотри на доску приказов!

Читаю: «Студент Зацепин исключен за систематические пропуски».

Я – к директору:

– Иван Васильевич, как же так? Я болел, а меня исключили!.. Я вам справку принесу!

– Нет, нет, – говорит директор, – иди к парторгу. Тут вопрос не простой…

Парторг встретил меня, как вражеского шпиона.

– Вот получил я письмо от вашей жены, – сказал он. – Вы – преступник! Вы исключены! Вы вообще учиться в советском вузе не можете!

– А в чем, собственно, дело-то? – робко поинтересовался я.

– Да у вас, во-первых, дед – контрреволюционер! – с присущей ему большевистской прямотой рявкнул парторг. – Во-вторых, вы взяли запчасти из консерваторского мотоцикла, чтобы поставить на свой. В-третьих, вы не платите алименты! Короче, много всего! Вам не место у нас!

– Да не было ничего этого! – говорю. – И я вам докажу.

– Вот и докажите!

На этой оптимистической ноте мы и расстались.

Тут пришла повестка из прокуратуры. Прокурор со мной разговаривал тоже довольно жестко.

– Вас надо в тюрьму сажать, а не в консерватории учить! – подытожил он.

Оказалось, моя бывшая жена-красавица, как только в августе уехала из Алма-Аты, сразу же написала письма в «Комсомольскую правду» и «Огонек». Оттуда пришли рекомендации проверить на месте.

Ревмира писала, что я, мол, такой-сякой, немазаный-сухой, мой дед – политический преступник… Вот тут она не попала! Если бы написала, что отец – враг народа, может, и достигла бы цели. Она жаловалась, что я не плачу алименты. Но за две недели, как она уехала, я даже стипендию еще не успел получить, чтобы ей перечислить. Что касается консерваторского мотоцикла, то это вообще был полный бред. У меня имелся «Харлей Дэвидсон», к которому при всем желании наши запчасти не приделаешь.

Тем не менее меня благополучно исключили из консерватории, и год я не учился.

Мой профессор сказал, что будет со мной заниматься, и предложил приходить в класс. Однако бдительный парторг пресек на корню этот либерализм с вредным элементом.

Мама по моей просьбе прислала мне справку, что родители моего деда действительно политические преступники, выступавшие в конце девятнадцатого века против царизма и сосланные за это в Сибирь.

Когда я принес справку в прокуратуру, политические наезды на меня прекратились.

Физрук написал мне справку, что никаких запчастей для своего «Харлея» я из консерватории не крал, так как американский мотоцикл отличается от нашего примерно так же, как рояль от дивана.

В итоге, насобирав восемь справок, я доказал, что не верблюд и не могу питаться саксаулом. Но восстановили меня лишь на следующий год.

Старик хоттабыч нас заметил…

Я учился на третьем курсе консерватории, когда однажды знакомая студентка как-то сказала мне, что я нравлюсь ее подруге Светлане. Та училась на первом курсе консерватории.

Светлана оказалась симпатичной, скромненькой девочкой, очень чистой и порядочной. Состоялось знакомство. Было лето, и потом все вместе мы пошли на речку. Так вышло случайно – смотрины состоялись на пляже в купальных костюмах.

Светлана мне понравилась. Она была полной противоположностью первой жены. Чудесный характер, доброта, желание к чему-то стремиться!..

С полгода мы с ней встречались, и дело уже шло к женитьбе. И тут меня исключили из консерватории. Я ей сказал:

– Пока не восстановлюсь – жениться не могу!

Дело в том, что ее отчим был проректором консерватории по учебной части. Получалось, будто я собираюсь жениться, чтобы меня восстановили. Позор!..

Через год, когда меня восстановили, мы благополучно поженились и прожили счастливо двадцать восемь лет до ее внезапной смерти.

Светлана была старательной во всем. И за дочкой она, конечно, следила, и за мной. Все успевала! Я чувствовал рядом настоящего друга.

Я работал тогда в Доме учителя. Светлана иногда приходила ко мне вечерами, когда у нее было свободное время, и мне, голодному, приносила мисочку жареной картошки. Она ее во что-то аккуратно заворачивала. Такая теплая картошка с горячими поцелуями…

Когда мы поженились, сняли комнату недалеко от консерватории. У нас родилась дочь Елена. Я уже более или менее стоял на ногах. Мои песни исполнялись в Алма-Ате. Там, кстати, и сейчас некоторые остались популярными. Я написал музыку к восьми спектаклям.

Потом к нам переехала из Новосибирска моя мама. Она продала там дом и купила в Алма-Ате, на улице Репина. Деревянный, хороший дом с садом. И мы стали жить там все вместе.

Наверно, Светлана была идеальной женой. Меня никогда особо не тянуло к другим. Хотя вокруг было много женщин – певиц, актрис. Но блеск их нередко оставался лишь на экране. В жизни они часто оказывались неинтересными и неумными.

В Москве мне нравилась, например, певица Аида Ведищева

(первая исполнительница «Песенки про медведей» из «Кавказской пленницы»). Но Светлана у меня была такая кристально чистая, что я не мог позволить себе никакого флирта!..

Кстати, тогда в Алма-Ате Светлана училась в консерватории сразу на двух факультетах – на фортепьянном и теоретическом. Много читала. И мне с ней было интересно.

Она была и моей первой слушательницей, и критиком. Позднее к ней присоединилась дочь Лена. Дочь – более жесткий критик. Светлана иногда, может, не хотела обидеть. Хотя я просил ее меня не жалеть и выкладывать все как есть. Но она ж добрая!.. Лена же сразу говорила:

– Папа, а вот это мне не нравится!

Сначала в душе немного повозмущаешься, а потом подумаешь: раз кому-то не нравится, значит, надо еще поработать и, может, что-то исправить…

Мы учились со Светланой параллельно. Наконец, пришел пятый курс. Моей дипломной работой стал балет «Старик Хоттабыч». Его решили поставить в Алма-Атинском театре оперы и балета. Невероятное счастье для выпускника!

Я тихо дрожал на худсовете… Там сидели директор, дирижеры, балетмейстер. Я весь балет сыграл на рояле. Балетмейстер говорил очень приятные для меня слова. Мол, это настоящая балетная музыка, что автор хорошо видит спектакль…

В общем, приняли к постановке. Я с удовольствием приходил на репетиции. Работа кипела. Готовили декорации. Дирижер исчеркал мои партитуры. Но не потому, что было неграмотно (ведь Брусиловский тоже смотрел их), а потому, что где-то я не учитывал, как будет звучать оркестр театра. Дирижер хорошо знал свой оркестр и давал конкретные советы. Например, я написал: «Две флейты». А он говорит:

– У нас сейчас только одна!

Или:

– У нас столько скрипачей нет! Значит, нужно эту партию написать так-то и так-то…

Дирижер тоже хотел, чтобы было лучше.

Мы вместе откорректировали партитуры, и, наконец, состоялась генеральная репетиция. А потом – премьера. Она прошла с большим успехом. Под зрительские аплодисменты я выходил на сцену, раскланивался, держась за руки с дирижером и балетмейстером. Вокруг порхали балерины. Казалось, и я вот-вот взлечу над сценой от переполнявших меня чувств!.. Вчерашний студент написал такое большое произведение, которое понравилось публике!.. Было очень приятно…

Под зрительские аплодисменты я выходил на сцену, раскланивался, держась за руки с дирижером и балетмейстером. Вокруг порхали балерины. Казалось, и я вот-вот взлечу над сценой от переполнявших меня чувств!..

Спектакль шел в театре двенадцать лет. Его могли бы ставить и в других городах, но, к сожалению, автор книги Лагин был категорически против. У него имелось собственное либретто, которое он всюду предлагал, в том числе и в Москве. Но балетмейстеры отказывались, потому что это было не балетное либретто. Ведь балет – очень специфический вид искусства, там нет слов, а нужно, чтобы людям было понятно… Лагин, хоть и ругался, все же разрешил постановку балета в Алма-Атинском театре (на тот момент спектакль был практически готов). Но только в этом театре, больше нигде.

В этом же, 1956 году, я получил свой первый полнометражный фильм. «Наш милый доктор». Это был второй подарок судьбы к окончанию учебы.

Я мог бы написать и симфонию, но так сложилась судьба, что именно кино стало главным в моей жизни. Хотя, например, тогда уже у меня была симфоническая поэма на индийские темы, которая исполнялась на смотре композиторов в Москве, и ее похвалил сам Шостакович…

Ползущие фонограммы

Виктор Николаевич Кнушевицкий…

Это был знаменитый дирижер, замечательный человек. Он руководил сначала большим джазовым оркестром, потом – большим эстрадным оркестром Всесоюзного радио. После него туда пришел Юрий Силантьев. Но Кнушевицкий, конечно, был посильнее. У него и брат был прекрасным виолончелистом.

Первый раз я приехал к нему из Алма-Аты записывать музыку к фильму «Наш милый доктор». Ему было пятьдесят с чем-то, мне – около тридцати. Я сделал все аранжировки, что-то показывал профессору Брусиловскому, но тот хорошо знал симфоническую музыку, а джазовую – не очень. Да и я где мог в Новосибирске учиться джазовой музыке?.. Только слушая «вражеское» радио и грампластинки. Так в нашей стране учились все джазовые музыканты.

Поселился в гостинице «Москва», а записывали мы в Доме радио.

Кнушевицкий говорит:

– Я к тебе приду, посмотрим партитуры.

И пришел. Через какое-то время предлагает:

– Пойдем по рюмочке выпьем!

Он был большой любитель. Мне до этого говорили, что если он запьет, то может и вообще на запись не прийти. И я, конечно, очень волновался.

Мне про него интересную историю рассказывали. Раньше на радио государственный гимн каждое утро играли «живьем». Приходил оркестр и играл: «Та-ра-ра ра-ра-ра!..» Магнитофонов не было, они появились в конце сороковых годов. И вот в одно прекрасное утро музыканты приготовились исполнять гимн. Кнушевицкий махнул рукой и упал: пьяный был в дым. А оркестр только первый аккорд успел сыграть! Так Виктор Николаевич лежа дирижировал!.. И ничего, сыграли. Если б не сыграли – Колыма…

Колоссальный был дирижер!

Еще рассказывали: когда он дома сидел, жена Юля прятала его ботинки, чтобы он не ушел в магазин. Но он все равно – в пижаме и в тапочках – за водкой ходил!..

К нему приходил Даниил Покрас, тоже знаменитый композитор, и они вместе в тапочках ходили. Им удавалось достать зелье в любое время. Мастера были!..

Так вот, сидим мы в гостиничном буфете, и Кнушевицкий говорит:

– Давай по рюмочке?

А я:

– Да нет, я не пью…

Взял себе кофе, а он – рюмочку. Потом еще одну.

– Ну, сейчас, – говорит, – еще одну и пойдем!

А работали мы нормально. На первую запись он пришел в форме. Мы как раз записывали песню «Надо мной небо синее». Она стала популярной, долгожительница – из тех моих первых песен. Ее пел народный артист СССР Ермек Серкибаев, она держалась в эфире около двадцати лет.

Когда записали аранжировку, оркестр мне аплодировал. Какое было счастье! Я – еще никому не известный композитор из Алма-Аты, а тут лучший эстрадный оркестр страны!.. И Кнушевицкий мне говорит:

– Ну, что ты живешь в этой дыре? Видишь, как хорошо к тебе относятся музыканты? Найдем тебе работу, все будет замечательно!

А в Алма-Ате оркестра хорошего в то время не было, джазовый – на уровне самодеятельности. И эти слова Мастера стали толчком для меня к переезду в Москву. Я ведь из Алма-Аты уезжать не собирался.

Кнушевицкого обожали музыканты. Он был очень добрый. Я говорю:

– У меня же в Москве квартиры нет.

Он:

– Ничего! У меня поживешь, найдем тебе невесту…

– Так у меня, – говорю, – жена есть…

Мы с ним очень подружились. Я бывал у него в гостях. Рассказывал ему: окончил консерваторию, то-то и то-то написал, учился у хорошего педагога из Ленинграда Евгения Григорьевича Брусиловского. Они были знакомы.

А фильм, благодаря режиссеру Шакену Айманову и с легкой руки Кнушевицкого, действительно стал популярным. Прошел в России, песни все время крутили по радио. Картина послужила для меня трамплином для будущей работы.

Кстати, и тут не обошлось без казусов. Мы привезли пленки с записью музыки на киностудию, а звукооператором оказалась неопытная женщина. Она сделала копию и положила пленку в сейф. Но не переписала с узкой ленты на широкую перфорированную. Пролежав полгода, лента вытянулась, и, когда начали перезаписывать фильм, фонограммы удлинились! Они стали на три-четыре секунды длиннее записанной песни. Слова песен стали постепенно отставать от артикуляции на экране. Катастрофа.

Что делать? Хоть выбрасывай все! А «подвинуть» изображение можно не всегда. Например, «Песня о весне» – сплошная панорама: камера поехала, выезжает из окна, едет, едет… Если вырезать кусок на три секунды, изображение дернется. Мы оказались в сложном положении. И я придумал выход. Переписывая на второй магнитофон, я притормаживал его левую кассету рукой. Тридцать минут на такой скорости мы все это переписывали. Послушали – оказалось, короче на полминуты. Снова начали записывать. Наконец я нашел нужный нажим. В результате все совпало, положение было спасено.

В этом фильме был еще забавный момент. Пел песню Ермек Серкибаев, молодой, красивый. И вот заходит он в белом пиджаке в телефонную будку, кому-то звонит, потом идет перебивка, Ермек выходит из будки… без пиджака!.. Снимали в разное время, и костюмер забыл пиджак на него надеть. Было тепло, лето… Так и осталось в фильме. Зрители, может, и не заметили. На съемках всегда случаются подобные казусы.

В Москву, в Москву!

После окончания консерватории меня оставили там же преподавать. Целый год я вел гармонию. Но я не чувствовал себя полноценным педагогом: это совсем не моя профессия. Мне не хватало строгости…

А мой друг Куддуз Кужамьяров, ставший к тому времени ректором консерватории, построил гигантский концертный зал, вложил массу энергии, чтобы улучшить систему обучения. И когда я стал собираться в столицу, сказал мне:

– Ну, что ты едешь в Москву? Ты там затеряешься среди композиторов, будешь ходить выклянчивать работу!.. Ну, может, у тебя песенку какую-нибудь купят, заплатят пятьсот рублей. Будешь нищенствовать… А здесь ты будешь преподавать по специальности, через годик получишь доцента. Через какое-то время напишешь новое большое произведение, станешь профессором. Звание дадут! Квартиру тебе выделим. Здесь ты все получишь. Оставайся! У меня связи с Министерством культуры, я тебе все сделаю!..

И хоть велик был соблазн, я не остался. И, в общем-то, до сих пор не жалею об этом.

Конечно, я советовался со Светланой (она тогда работала концертмейстером в консерватории). Переезжать было страшновато, но опыт переездов и у меня, и у нее уже был. Светлана раньше жила в Минске. Ее отчима, после того как он отбыл срок по политической пятьдесят восьмой статье, отправили в Алма-Ату (потом он уехал в Новосибирск, стал там ректором консерватории). Бывшего «врага народа» услали подальше от центра.

Света и Саша, 1975 год

Светлана понимала: если я хочу что-то сделать, то обязательно сделаю, на полпути не остановлюсь. И она согласилась.

Но переехать в Москву в то время было делом нелегким. Требовалось или жениться на москвичке, или иметь блат в верхах, чтобы получить разрешение. Вот Леня Афанасьев, мой друг, учился в Московской аспирантуре, за скрипичный концерт получил Государственную премию. Бывшему военному летчику,

имевшему ранение, ему дали две комнаты в коммунальной квартире. Когда я приехал в Москву, первое время жил у него, спал на диване в кабинете.

Прописку получить можно было только в Московской области.

Шел пятьдесят восьмой год. В Перове, тогда еще пригороде Москвы, я нашел деревянный дом, часть которого продавалась. С одной стороны там жили мирные Рабиновичи, с другой – рыжий Вася, который регулярно напивался и дрался с женой. Маленькое крылечко, холодная кухня – метра полтора, с двухконфорочной газовой плитой. Открываешь дверь – там две смежные комнаты, одна – восемь, другая – десять метров. Стена разделяет их до половины. Там, где проход, – печь с газовой горелкой. Отопление газовое, дров не надо.

Стоило все это сокровище не очень дорого. Но надо было оформить документы до 1 января (потом ужесточались правила), а на календаре значилось 29 декабря…

Не хватало каких-то бумаг, я нервничал. Однако перед самым Новым годом успел все оформить. Получив жилплощадь, прописал там жену, дочь и маму. В этих смежных восемнадцати метрах мы начали жить вчетвером. Пятым был рояль, занимающий уйму места.

Зимой на кухне надо было находиться в валенках, чтобы готовить. От плиты – жарища, высота потолка – два метра, дышать нечем, а ноги замерзают…

Примерно через год-два в райисполкоме я добился разрешения пристроить одну комнатку. Это была целая эпопея! Я пришел в райисполком, попал к юристу, очень приятной женщине. А у меня уже вышла «Операция «Ы», пластиночку маленькую выпустили… Перово к тому времени присоединили к Москве. Я советовался с юристом, что надо сделать, чтобы оформить пристройку. И эта милая женщина-юрист пошла к начальнику, доложила ему, что, мол, такой-то композитор пришел с такой-то просьбой… Потом к этому начальнику со своей пластиночкой зашел я. Он говорит:

– Вот как раз сейчас заседает комиссия, которая все и решает! Я там все про вас и расскажу.

И рассказал. И в конце добавил, что надо бы разрешить композитору пристроить комнату, а то четверо – на восемнадцати метрах…

Короче, хороший попался человек. Комиссия его поддержала.

Так наша жилплощадь увеличилась на десять метров, больше не получалось. Мы утеплили кухню и стали там обходиться без валенок. Теперь мы владели как бы трехкомнатной квартирой.

Мы жили там еще несколько лет, пока наш дом не решили сносить. И тут нам дают двухкомнатную квартиру в пятиэтажном панельном доме. Но за нами-то числится трехкомнатная! Я – в райисполком:

– Как же так?

– Так у вас же всего двадцать восемь метров! – говорят.

– Ну и дайте двадцать восемь, но трехкомнатную!

– Но таких нет!

В итоге та же добрая женщина-юрист мне опять помогла. И нам дали трехкомнатную аж тридцать семь квадратных метров! Маленькая квартирка, но все-таки больше прежней. У мамы появилась отдельная восьмиметровая комнатка. В семнадцатиметровом проходном зале поставили рояль, диван, стол.

Поклеили мы обои и счастливо зажили.

В новой квартире и работалось как-то веселее. Старая-то у нас была мрачная. Зато там не было слышно рояля. А в новой, думаю, музыка до соседей доносилась хорошо. Под нами жил учитель, человек интеллигентный, вежливый, никогда не жаловался. Я его спрашивал:

– Извините, как там, слышно?

– Нет-нет! – отвечал он. – Нормально!

Это сейчас можно с компьютером в наушниках заниматься, а тогда… Вот в своей парижской квартире я не играл громко. Надевал наушники, и, хотя это немножко утомительно, работал в них. Просто я людей уважаю, их покой. А слышимость во Франции – с нашими хрущевками не сравнить! Да и в Америке – тоже. Я как-то жил несколько дней у приятеля на Брайтон-Бич. Так вот сидим, разговариваем, слышу: кто-то в верхней квартире ногой постукивает. Потом – ложечкой стучит по блюдцу… Сбоку через стену слышу русскую речь. Спрашиваю у приятеля:

– Там русский живет?

– Да, – отвечает, – русский.

Вот такая слышимость.

Я был в гостях у декана Колумбийского университета. Огромный 80-этажный небоскреб, внизу полицейские сидят, как у нас консьержки. Лифт скоростной. Мы поехали на сороковой этаж, там у этого декана хорошая квартира. Время было около десяти часов вечера. Он включил музыку. Не очень громко, не так, как у нас иногда включают. Тут же – телефонный звонок. Сосед:

– Уже десять часов, не включайте, пожалуйста, музыку!

Декан сразу же выключил. Вот вам и хваленые небоскребы!

В моей парижской квартире я слышу домофон у соседки.

Иногда к своему бегу, думаю: у меня звонит. А это у нее! Внизу, под нами, живет негр, он иногда на барабане играет – тоже превосходно слышно.

Но там люди друг к другу относятся уважительно. Если ты скажешь, что неважно себя чувствуешь, устал, никто не будет шуметь или включать музыку. А позже десяти вечера вообще тихо. Есть специальный закон, охраняющий покой граждан.

Вечный квартирный вопрос

Когда мы несколько лет прожили в перовской хрущевке, я попытался вступить в кооператив, чтобы где-нибудь неподалеку купить однокомнатную квартиру маме. Места для работы уже не хватало. Подрастала дочь, она занималась на пианино. Светлане тоже надо играть на инструменте. И мне надо…

Но в кооператив вступить нельзя. Для этого необходимо десять лет прожить в Москве, потом еще подождать, взятку кому-то дать… А я этого не умею. Поэтому решил меняться с доплатой. Я тогда зарабатывал хорошо и хотел сделать большую квартиру в центре.

Однако никто не хочет ехать жить в Перово, хоть тресни! У меня был огромный талмуд, куда я записывал все варианты. Наконец нашел квартиру в Ржевском переулке. Дом, в котором жили дипломаты и генералы. Квартира принадлежала очень симпатичной вдове. Она вышла замуж за аккордеониста Бориса Тихонова. Мы с ним были немного знакомы.

Бывшей вдове нужно было две квартиры – для себя с мужем и сыну с женой. А я к тому времени кое-как влез в кооператив (десять лет уже прошло, да и заплатил лишних три тысячи рублей) и купил однокомнатную квартиру.

Путем утомительного поиска вариантов, обмена, доплат мы начали оформлять на себя огромную квартиру в Ржевском переулке. Стоило мне это невосстанавливаемых нервов, унижений, массы времени, двух моих квартир, гаража и еще восемнадцати тысяч. Это были большие деньги. «Жигули» тогда стоили пять с половиной.

Но кто же разрешит такой обмен? Я пошел к Але Пахмутовой, она была депутатом. Говорю:

– У меня единственный шанс! Я беспартийный, мне никто ничего не даст. Помоги!

И добрая Аля повела меня в Моссовет. Мы зашли в кабинет к нужному человеку. Аля говорит, вот, мол, это композитор Зацепин, автор музыки к «Операции «Ы», «Кавказской пленнице», «Бриллиантовой руке», ему надо помочь оформить обмен квартир.

Чиновник присел на край своего стола и сказал:

– Я помогу. Сейчас как раз комиссия заседает! У вас бумаги с собой? Тогда подождите немного, вас вызовут.

Надо же, как и десять лет назад, попал прямо с корабля на бал – на комиссию! Ну, господи, благослови!..

Захожу. Длинный стол, человек десять заседателей, все

угрюмые, с презрительными, надменными лицами. Я задрожал. Думаю: «Ну, все, зарежут сейчас, задавят, не видать мне новой квартиры!..»

А чиновник наш стоит спокойно перед ними (все же зависит от него!) и говорит:

– У нас в гостях, друзья, знаменитый композитор Александр Зацепин! Вы, конечно, видели и «Кавказскую пленницу», и «Бриллиантовую руку»…

После этих слов все десять человек повернули головы в мою сторону, но взгляд у них не изменился. Ни улыбки, ни знака уважения – нет ничего!

– Александру Сергеевичу надо помочь, – продолжает их начальник. – Ему рояль некуда поставить. Вот он сейчас обменивает квартиру… Я думаю, ему надо помочь, как вы считаете?..

И все подняли руки, все решилось. Ура! С этого дня в течение месяца я должен был успеть все оформить.

Через пять-шесть дней мы приходим в обменное бюро подписывать бумаги, а Бориса Тихонова – нет. Звоню ему и слышу:

– А я-то что с этого дела имею?..

– Ты же раньше мог об этом сказать! – говорю. – А не ждать последнего момента!..

– Мне нужна однокомнатная квартира, – заявляет Тихонов. – Если ты не заплатишь мне за однокомнатную квартиру, я не приду и весь обмен поломаю!..

По дороге в Рузу (в Дом творчества), 1976 год

Это я потом уже понял, что он и женился-то для того, чтобы кусок себе оторвать. Вскоре он и развелся.

В итоге условия шантажиста-вымогателя я принял. Нам назначили другой день, через неделю. Я дрожу, потому что оставалась мало времени. Написал расписку Борису, что выплачу деньги, когда получу ордер.

Вскоре ордера получили, и деньги я ему отдал. А уже когда мы жили на Ржевском, звонит какая-то женщина и говорит

какими-то намеками:

– Вы вот переехали сюда, а не все довольны!..

Это явно были происки Бори. Он и сам потом звонил, пугал. И пока год не прошел, я жил в постоянном напряжении: какой еще фортель выкинет аккордеонист?.. Обмен можно было расторгнуть в течение года…

Я пригласил главного художника по интерьерам «Мосфильма», чтобы он разработал проект интерьера. У него были хорошие мастера, они приходили вечером после работы и трудились до часу ночи. Сделали все великолепно. Мы жили, медленно передвигаясь на отремонтированное пространство. Это был какой-то ужас!.. Ведь надо было еще и работать…

Ремонт стоил мне много крови. По всей Москве и пригороду я мотался на машине в поисках фанеры, гвоздей, плитки…

Но было приятно, что хоть к пятидесяти годам я обретал хорошую, уютную квартиру, купленную на честно заработанные деньги. Может, нужно было вступать в партию, писать комсомольские песни и получить квартиру от родного государства. Многие мои коллеги так и поступали. И на них сыпались звания, премии, квартиры, машины, ордена… У меня ничего этого не было. И нет до сих пор. Все, что имею, – заработал сам. И я спокоен, потому что никому не должен.

А с Алей Пахмутовой я знаком давно. Мы с ней часто встречались в Доме творчества в Рузе, под Москвой. Аля – отзывчивый, добрый, очень талантливый человек.

Коля Добронравов, ее муж, пишет стихи, она – музыку, многие их песни просто потрясающие! Что интересно, Аля – беспартийная, а написала массу комсомольских песен, которые стали шлягерами. В ней столько молодежного задора и энергии!.. Если б не ее помощь в моем квартирном вопросе, не знаю, что бы и получилось… Когда-то я у нее и деньги занимал на машину…

А в Рузу я ездил раза по два в год, зимой и летом – на месяц. Иногда на два месяца зимой, в каникулы, когда можно было взять дочку и жену. Там хорошо работалось. Общались с друзьями-приятелями. Эшпай, Шнитке, Фляркoвский, Фельцман, Френкель… Все там бывали. Иногда и Новый год в Рузе встречали вместе. Там хорошая бильярдная (а я – любитель поиграть), летом – лодки, Москва-река, купайся…

Может, нужно было вступать в партию, писать комсомольские песни и получить квартиру от родного государства. Многие мои коллеги так и поступали. И на них сыпались звания, премии, квартиры, машины, ордена… У меня ничего этого не было. И нет до сих пор.

Все, что имею, – заработал сам. И я спокоен, потому что никому не должен.

Тихон Николаевич Хренников приезжал. Очень приятный человек, всегда старался помочь. А какие у него песни!.. Чего стоят только его «Московские окна» – прекрасная песня!.. Замечательный организатор, очень много хорошего сделал для Союза композиторов. Всегда откликался на любую просьбу. Я не раз обращался к нему за помощью.

Вот, например, еще в советские времена готовилась поездка работников культуры во Францию. Я ехал от Союза композиторов. Можно было с женами, но в райкоме всем женам отказали под предлогом, что они не работают. А у меня жена преподавала в музыкальной школе. Я пришел к Хренникову и говорю: жена, мол, двадцать лет работает в музыкальной школе, и отказывать ей нечестно!..

Тихон Николаевич позвонил – в райком ли, в горком, не знаю, и нам разрешили.

Случайное знакомство в городе ангелов

Первый раз я поехал за границу в США. У меня получалось по алфавиту: «А» – Америка…

У нас была группа от Союза кинематографистов. Сначала требовалось заполнить анкету на шестнадцати страницах. Отдельно – написать автобиографию, где кто из родителей родился…

Я все заполнил, и анкеты ушли в райком. Потом меня позвали туда на собеседование. Сидит какой-то старичок, видимо, ветеран революции, и спрашивает меня:

– А зачем вы туда едете?

– Ну, как зачем? – говорю. – Чтобы Голливуд посмотреть. Нам обещали все показать.

– Да у вас и тут, в Москве, все неплохо! Ну, да ладно… А что вы думаете по поводу двадцатого съезда партии? Вы в курсе?

– Конечно! – отвечаю. – Я же газеты читаю. Выписываю «Известия», «Правду», «Литературную газету», «Советскую культуру», много журналов…

В итоге я удачно увильнул от ответа. Если бы он спросил про съезд что-то конкретное, выяснилось бы, что речи партийных начальников я не штудировал перед сном…

Все в группе трепетали. Некоторые даже учили материалы съезда. Иначе могли зарубить и не пустить. Политически не подкованным дорога за рубеж была заказана.

Вторая поездка у меня была на букву «Б» – Болгария. Потом – «В» – Венгрия… До Японии пока не дошел. Но какие мои годы!..

Году в восемьдесят третьем в магазине в Лос-Анджелесе я покупал себе синтезатор «Роланд». Когда наконец подобрал все, что нужно, то рассказал молодому продавцу, который помогал мне, о том, что я композитор из Москвы, писал музыку для многих фильмов… У меня было с собой резюме, и я его показал.

– О, вы знаменитый композитор! – сказал он.

– Там, – говорю, – знаменитый, а здесь меня никто не знает.

Я спросил его, не сделает ли он мне скидку. Там это обычное дело. А я, мол, буду приезжать сюда и покупать еще.

– Вы знаете, – говорит он, – я музыкант, сегодня первый день работаю здесь продавцом. Сейчас пойду и узнаю…

И пошел к директору. Вернувшись, меня порадовал:

– Мы сделаем вам скидку на двадцать процентов!

Через несколько дней я пришел в этот же магазин посмотреть

портативную четырехканальную студию для записи. В это время туда зашла полноватая дама с сыном лет пятнадцати покупать синтезатор. Продавец подходит ко мне и говорит:

– Давайте я вас познакомлю?

И знакомит меня с этой дамой.

– Это, – говорит, – знаменитый композитор из Москвы! Он написал музыку почти к сотне фильмов.

– А я продюсер кино, – говорит дама. – Думаю, нам будет интересно встретиться еще.

Я посоветовал им, какой купить синтезатор, она дала мне свою визитную карточку и пообещала показать сценарий.

На следующий день я зашел в ее офис за сценарием. Прочитав, сказал, что мне это интересно и я готов сотрудничать.

– Приходите на ужин, – предложила она, – все обговорим.

Я взял с собой приятеля Джона, и мы поехали.

А жил я в то время у знакомой пианистки, очень милой женщины примерно моего возраста. Она недавно разошлась с мужем-миллионером, и он отдал ей этот дом с бассейном. В моем распоряжении была большая комната и зал, в котором стоял рояль, где я мог работать. За все это я платил триста пятьдесят долларов в месяц, да она меня еще и кормила.

Она дала мне огромную машину. Американцы называют ее обжорой, так как она ест много бензина, но бензин там дешевый. И я со своим приятелем Джоном поехал к продюсерше.

Лос-Анджелес – длинный город, почти сорок километров. Как большая деревня. Едешь, едешь и видишь в основном одноэтажные дома. Только в центре есть небоскребы. Но красоты большой нет, с Нью-Йорком не сравнишь.

Вот мы, наконец, доехали до нужной улицы, где должны повернуть направо. Смотрим – там полицейские, шлагбаум. Называем имя продюсерши и говорим, что едем к ней. И тут подходит она сама.

В Сан-Франциско

– Я вас жду, – говорит она. – Езжайте за мной!

Въехали на какую-то высокую скалу, там стоит огромный дом, который еще и уходит под землю, в скалу на несколько этажей. Там баскетбольная площадка, теннисный корт, огромная комната для сына, где стоит уже этот синтезатор, ударная установка… Оказывается, ее муж – миллионер.

Расположились мы в шикарной гостиной. Выяснилось, что она сопродюсер. И все решает как раз другой продюсер, он же – режиссер-постановщик. Договорились, что она позвонит в Нью-Йорк режиссеру фильма, и я с ним там встречусь.

Я привез ему кассету с музыкой из «Красной палатки», показал резюме.

– Я написал музыку к ста фильмам, – говорю. – Вот диски, отзывы прессы…

Вижу, режиссер на это никак не реагирует. Ему не терпелось о чем-то спросить. Оказалось, его волновал лишь один вопрос: как я познакомился с продюсершей? Если бы меня представил ей Шон Коннери и замолвил словечко, то было бы все в порядке, а так…

Я начал что-то лепетать, мол, у меня есть друг итальянец, а у нее муж – итальянец, мы как-то встретились… То-то и то-то… У режиссера интерес ко мне пропал. На этом все и закончилось, не начавшись.

Вот лишнее подтверждение тому, как сложно там попасть в

«обойму». Хотя и у нас, в общем-то, – похожая ситуация.

Когда я работал с Дербеневым, мне присылали кучу стихов со всего Советского Союза. Может, я напишу песню?.. И кассеты с музыкой присылали: «Александр Сергеевич, скажите, пожалуйста, ваше мнение!» Мне бы пришлось бросить работу, чтобы ответить всем. Так же и там… Пишут – и никто не отвечает. Знакомятся обязательно через кого-то, с чьей-то подачи. А попасть с улицы к известному режиссеру или исполнителю – это безрассудно…

«Нервных просьба не беспокоиться!»

Когда я переехал в Москву, какое-то время еще продолжал писать музыку к фильмам, снятым на киностудиях Средней Азии. Потом пошел на «Мосфильм», в музыкальный отдел, показал им пленки с музыкой. Но, кроме короткометражных одночастевых фильмов, ничего там не получал. Один фильм – с Александром Жаровым. Была там какая-то заздравная, никому не нужная песня, она никуда дальше и не пошла. Вообще не знаю, для чего снимались эти одночастевки. Потом Андрей Смирнов («Белорусский вокзал») и Борис Яшин, тоже известный режиссер, делали трехчастевый фильм «Эй, кто-нибудь!». Они еще совсем молодые были. Я им писал музыку. Но где эта картина – не знаю.

Потом, наконец, повезло. Мне предложили фильм, где я написал песню «Костер на снегу». Ее пела Майя Кристалинская, в то время известная певица. Песня шла за кадром. Героиня то у одной березы постоит, то у другой, никто даже рта не открывал. А песня стала популярной, что довольно редко бывает, когда она идет за кадром.

Вот, например, написал Василий Соловьев-Седой «Подмосковные вечера». Прекрасная песня! Сначала ее записали в фильме, и была она за кадром. Исполняла ее певица. Фильм прошел. Минул год, и никто ее не знал. А как-то Соловьев-Седой позвонил Кнушевицкому. Он, кстати, тоже любил выпить, и они вместе порой выпивали очень крепко. Бывали случаи, когда Соловьев-Седой стучал в окно к себе домой… на третьем этаже. Жена подходила к окну и в ужасе восклицала:

– Вася, ты что? Ты же упадешь!..

А он нанимал пожарную машину, поднимался по лестнице и стучал в окно, прижав нос к стеклу. Такой был заядлый шутник.

Короче, позвонил он Кнушевицкому и насвистел эту песню по телефону. Кнушевицкий сделал прекрасную аранжировку, Володя Трошин спел, и песня стала популярной. А так бы погибли «Подмосковные вечера»…

Ведь что такое хит? Это когда у каждого компонента песни (стихи, музыка, аранжировка, запись и, конечно, вокал) есть виртуальный «крючок», который и цепляет слушателя. И ему хочется еще и еще раз слушать эту песню.

…Вот Майя Кристалинская мне нравилась. У нас даже чуть было не начался роман. Она жила в районе трех вокзалов в какой-то маленькой квартирке, была не замужем. Из бедной семьи. Она спела «Костер на снегу» так красиво и меня это так тронуло, что появилось какое-то нежное чувство к ней… Но потом – беготня,

работа… Да и вообще для меня романы – вещь нехарактерная, я был счастлив дома. Поэтому продолжения не последовало.

Параллельно я работал на «Союзмультфильме», много мультфильмов сделал. Познакомился с Альфредом Шнитке, он там тоже писал музыку. Замечательную!..

На студии документальных фильмов работал. Правда, музыку потом не слышно было. Идет дикторский текст, шумы, пароходы, что-то играет, а что – не ясно…

И тут опять – господин Случай. Нина Гребешкова, жена Гайдая, мне рассказывала: «Я как-то говорю Лёне: «Возьми Зацепина, у него хорошая песня «Надо мной небо синее». А он: «Песня-то хорошая, но я не знаю, как он напишет эксцентрическую музыку…»

К тому времени он как раз поссорился с Богословским, который писал музыку к гайдаевским «Псу Барбосу» и «Самогонщикам».

Гайдай – гениальный режиссер, добрый человек. Но тяжелый, когда не в форме. И как мне рассказывали, в один прекрасный момент на записи музыки после очередного общения с Гайдаем Богословский сломал дирижерскую палочку и сказал:

– Ноги моей больше здесь не будет!

И ушел. Не выдержал. А Гайдай только хихикнул вдогонку: «Нервных просьба не беспокоиться».

У моего друга композитора Евгения Крылатова дома. 2015 г.

И вот у Гайдая образовалась некая пустота. В том месте, где должен быть композитор. И он рискнул пригласить меня.

Состоялось знакомство. Все нормально. Очень приятный, симпатичный человек. Заключили договор, и я пошел домой читать сценарий «Операции «Ы».

Мне нужно было написать музыкальную экспликацию номеров. Первый кадр такой-то, титры, музыка такая-то, в быстром темпе, второй кадр, третий, пятый и так далее. У Гайдая там пятьдесят восемь минут музыки в быстром темпе, это большая работа, и потом, надо попадать точно.

В его режиссерском сценарии – помарки. Например: «Крупный план», «музыка – галоп». В другом месте: «Марш», «вальс». А где у него «галоп», я пишу: «Самба». Где Смирнов бегает закопченный, тут нужна музыка с погремушками, с бубном. В сцене на остановке, где все нервно ждут автобуса, у Гайдая тоже написано: «Галоп», а я пишу: «Аккордеон, ускоренный, записанный на «тридцать восемь», а воспроизведенный на «семьдесят шесть», и на нем уже будут записаны нормальные инструменты». Тогда ведь еще не было компьютеров.

Гайдай потом читает мою экспликацию и говорит:

– Что-то я этого не понимаю…

А я говорю:

– Леня (мы с ним очень быстро перешли на «ты»), вот ты можешь мне по телефону объяснить пантомиму, которую будешь снимать?

– Нет, конечно! Надо хотя бы показать.

– Вот так же и здесь, надо записать и показать. Ты должен мне как-то довериться.

А у него почему-то в первое время было какое-то недоверие, и он иногда с ехидцей спрашивал у меня:

– А эту музычку, поди, взял из другого фильма, где у тебя ее не приняли?..

Потом, когда я ему по два варианта стал показывать, сомнения у него исчезли. Тут уж я ему говорил с ехидцей:

– Ты, Леня, не думай, что это из двух фильмов, где не взяли…

На что он отвечал:

– Все, все, Саша! Забыто!..

А споет ли эту песню народ?.

Гайдай из тех режиссеров, кто не сковывает творчество. Сам, кстати, окончил два факультета: актерский и режиссерский. Он говорил:

– Когда я снимаю какую-то сцену, то сначала ее проигрываю дома за каждого актера. Потом, на съемках, сильно им не докучаю. Но если мне не нравится, как они играют, объясню, что хочу, и покажу.

За Наташу Варлей, тогда еще совсем юную и неопытную, он играл практически всю «Кавказскую пленнницу»:

– Вот давай, идешь отсюда – сюда, тут повернулась, посмотрела, тут испугалась…

И так далее. Озвучивала ее Румянцева, пела Ведищева. А играл Гайдай. Потом она поступила в институт, стала учиться, набираться знаний и опыта… Но первым, лучшим ее учителем был, конечно, Гайдай.

Он все время новых артистов находил, и они у него все блестяще работали.

И композитора он не закрепощал, давал возможность развернуться. В голове-то, может, слышится и галоп, но, пожалуйста, ты – музыкант, фантазируй!..

И когда я написал всю музыку, ему понравилось. Часть я записывал на «Мосфильме», часть – дома. Я тогда жил в Перове, у меня была там крошечная студия, буквально два метра. Но для документальных картин и мультфильмов я уже там записывал, у меня было два магнитофона. Один в музфонде напрокат брал, второй купил. Там я со звуками экспериментировал. И для «Операции «Ы» уже делал вставки.

Например, купил на барахолке в Одессе колокол сантиметров двадцать высотой. Записал дома его звук на магнитофон, а потом воспроизвел этот звук в восемь раз медленнее. Колокол словно стал в восемь раз больше… Он звучит, когда Смирнов замуровывает Шурика в стену. Куда бы я ни ездил, везде покупал всякие «музыкальные инструменты» – манок на уток, на рябчика, свисток, детский барабанчик, шарманку (она, кстати, звучит в конце песни «Этот мир придуман не нами» у Пугачевой). Искал новые звуки, новые тембры. В «Операции «Ы» в сцене, когда идет экзамен, квакал этот манок.

Как-то за рубежом в магазине я увидел рулетку. Потянул ее – возник интересный звук. Приложил рулетку к уху и стал то тянуть, то отпускать. Продавец и покупатели смотрели на меня с интересом… Купил. Когда вышли из магазина, жена засмеялась:

– Подошел русский и слушает голос рулетки! Только что на зуб не стал пробовать!..

Дома я записывал все эти звуковые эффекты. На «Мосфильме» технически все это было очень сложно делать. В Доме звукозаписи (ДЗЗ) или на «Мелодии» – намного лучше, но там не было кинопроекции, чтоб записывать под экран. Не хватало профессиональных звукооператоров. Потом я стал приглашать Виктора Бабушкина, в то время модного и прогрессивного звукорежиссера. Он работал в ДЗЗ, и я у него учился.

…Итак, Гайдаю музыка моя понравилась, худсовет одобрил, и Иван Александрович Пырьев, художественный руководитель комедийного отделения «Мосфильма», сказал Гайдаю:

– Видишь, Леня, ты работаешь с Зацепиным, и у вас замечательно получается! Вам надо вместе и держаться, Саша хорошо чувствует твой зрительный ряд.

Потом была «Кавказская пленница». И там возник момент, когда мы могли расстаться.

– Мне, – говорит, – надо такую песню, чтобы ее потом пел народ. По радио – это ясно, будут петь, а вот чтоб на улице пели!..

– Задача очень сложная, – отвечаю. – Но попробую.

Я написал песню для картины, Леня Дербенев – стихи, назывались они «Первый день календаря». У Гайдая это была первая в его практике песня в фильме, и он очень волновался.

Кстати, в «Операцию «Ы» я ему предлагал сочинить песню для второй новеллы, он не захотел. Я не настоял, а зря. Надо было записать, попробовать. Не понравилось бы – можно выкинуть, оставить одну музыку. Потом он меня все время корил: «Ну почему ты не заставил меня поставить туда песню!..»

Итак, появилась песня «Первый день календаря». Гайдай давал ее слушать разным людям, спрашивал мнение. И правильно делал, в итоге мне помог. Потом говорит:

– Знаешь, Саша, одни считают, что песня хорошая, другие – так себе, на улице петь ее не будут. Надо написать другую!

Что ж, напишу другую! Уезжаю в Иваново, в Дом творчества, и там сижу две недели, работаю во всю ивановскую… Состояние нервное: обычно у меня есть какой-то запас, я впрок пишу мелодии, которые потом могу трансформировать. А тут – ничего нет, считаные дни!.. Вдруг не получится? И эти мысли, конечно, мешают работать.

Но вот среди пяти новых мелодий получилась и мелодия «Песенки про медведей» (ни слов, ни названия тогде еще, естественно, не было). Я наиграл, напел «Ля-ля-ля» и послал

Гайдаю в Алушту. Написал: «Леня, третья (из пяти) песня, мне кажется, подошла бы». А в конце приписал: «Если тебе не понравится, пригласи Арно Бабаджаняна, лучше я сочинить не смогу». У Бабаджаняна тогда были очень популярные песни. Я мог бы остаться композитором картины, а песню написал бы другой. Хотя это, конечно, не лучший вариант для меня. Получается: композитор фильма не в состоянии сам написать песню!..

От Гайдая приходит письмо: «Третья песня, в общем-то, лучше. Может, ее будут петь по радио, но не думаю, что будет петь народ. Наверное, мне придется пригласить Бабаджаняна…»

Иду в музыкальный отдел, к музыкальному редактору картины: так, мол, и так, ухожу с картины. Мне в ответ:

– Ну, может, вы все остальное напишете, а песню – другой?..

А я – на своем:

– Нет!

Музыкальный редактор говорит:

– Пойдемте к Пырьеву.

Пошли. Пырьев выслушал, спрашивает:

– А где Гайдай?

– В Алуште, – отвечаю, – снимает «Кавказкую пленницу».

Пырьев хладнокровно порвал мое заявление и говорит:

– На прошлой картине вы так себя хорошо зарекомендовали, а теперь вдруг уходить!.. Нет, давайте-ка с автором стихов поезжайте в Алушту и там все решайте.

И мы с Леней Дербеневым полетели в Алушту.

Прилетели, заходим в гостиницу, где был штаб съемочной группы, там стоят Никулин, Вицин и Моргунов. Они сразу мне:

– Та ра-ра ра-ра ра-ра!.. – припев напевают из «Медведей».

Юра Никулин говорит:

– Ты знаешь, Саша, мы ее с первого раза поем! И Гайдаю поем. Мы же, говорим, и есть народ! А он отвечает: «Какой вы народ? Вы актеры!» – хлопает дверью и уходит…

Встречаем Гайдая.

– Чего вы, – спрашивает, – сюда приехали?

Я рассказал про Пырьева. А Гайдай:

– А что мне Пырьев! Не он снимает картину! Раз не нравится, напиши другую!

Я говорю:

– Пусть Леня Дербенев напишет стихи, посмотришь, как вместе будет.

Он хлопнул дверью и ушел.

Очень жаль, но придется завтра нам уезжать.

На следующий день приехали соавторы сценария Яков

Костюковский и Морис Слободской. Все собрались у Гайдая, мы поставили музыку. Сценаристы послушали и сразу спели припев. Говорят:

– Леня, смотри, как запоминается мелодия!..

Гайдай махнул рукой:

– Ладно, пусть пишет стихи!..

И опять хлопнул дверью.

Вот отсюда и ясно, почему у Богословского сдали нервы. Но я-то понимал, что на самом деле Гайдай – совсем другой человек!

И вот Леня Дербенев написал слова. Гайдай говорит:

– Ну, а при чем тут медведи? Мы в Крыму снимаем «Кавказскую пленницу», тут жара, а у вас какие-то льды и медведи!..

Дербенев не растерялся.

– Здесь жарко, – отвечает, – студенты мечтают о прохладе! Это ж студенческая песня, иносказательно…

Сценаристы нас поддержали. Кое-какие замечания Дербенев учел и исправил текст. Гайдай почесал затылок, вздохнул:

– Ну, ладно, записывайте!

Записали. Варлей говорит Гайдаю:

– Я бы хотела спеть сама.

– Пожалуйста! – согласился он. – Давай мы тебя запишем. Если ты споешь лучше Ведищевой, оставим тебя. Мы ведь не заинтересованы конкретно в Ведищевой или в ком-то другом. Нам нужно, чтобы было лучше!

Варлей спела. Гайдай говорит:

– Сама видишь – хуже.

И оставил Ведищеву. Он волевой был. Иначе – это не режиссер.

Фильм прошел с огромным успехом, принес в казну страны кучу денег.

А в «Бриллиантовой руке» есть эпизод, когда милиционеры погрузили пьяницу в коляску мотоцикла и тот поет припев из «Медведей»: «Та ра-ра ра-ра ра-ра». Это напел сам Гайдай…

Прошло время, и мне он как-то сказал потом:

– Да, слышал я на улице твою песню!..

Смешной!..

Мне жена рассказывала (она тогда в музыкальной школе работала):

– Мы плачем на приемных экзаменах! Детей спрашивают: «Ну, какую ты песню будешь петь?» А они отвечают: «О медведях!»

Преподаватели ее уже слышать не могли…

Эксцентрика, как и восток, – дело тонкое

Когда Гайдай дал мне сценарий «Бриллиантовой руки», там были запланированы две песни – «Про зайцев» и «Вулкан страстей» (тогда они были еще без названий и слов).

Про зайцев у меня долго не получалось с припевом. А запев уже был. Я утром торопился к Гайдаю, начал бриться. Бреюсь, бреюсь, а у меня в голове: та-ра ра-ра-ра, та-ра ра-ра-ра!.. Я записал это, тут же проиграл на рояле. Приехал, сыграл ему. Он:

– То, что надо!

Потом я этой бритвой брился – ни-че-го!..

А Леня Дербенев принес мне стихи «Остров невезения». И хотя я не пишу музыку на стихи, тут как-то сложилось. Показал песню Гайдаю.

– Смотри, – говорю, – какие хорошие стихи!

Он послушал.

– Да… – согласился. – Но у меня места нет для третьей песни!

– А когда они на корабле плывут? Не возьмешь песню – опять будешь жалеть, как в «Операции «Ы»!..

В общем, я его уговорил.

Записали песню. Миронов колоссально исполнил номер! Из актеров только он мог так сделать. Танцевал блестяще, спел, добавил от себя какие-то нюансы. Но, чего греха таить, если судить по канонам драматургии, номер получился вставной. Однако же и вставные зубы бывают порой получше настоящих…

Пырьев посмотрел фильм и говорит:

– Ну, Леня, у тебя все хорошо, а вот песню «Остров невезения» надо вырезать! Это вставной номер. Она же тормозит, действие останавливается! Герои поехали куда-то и вдруг – тормоз, ничего не происходит!.. Песня эта популярной не будет.

Гайдай послушал, послушал и… не вырезал, конечно.

А я встречал массу режиссеров, которые мгновенно исполняли пожелания худрука или другого начальства. И не важно – улучшали эти пожелания фильм или ухудшали. Как будто режиссера за выполнение рекомендаций руководства потом кто-то по головке погладит. По головке погладят, если он фильм стоящий сделает! Если с начальством спорит, ругается, но фильм получится хорошим, начальство с ним все равно в добрых отношениях.

Когда снимали эпизод, где Никулин с Мироновым выезжают на рыбалку, Гайдай говорит мне:

– Он кайфует, отдыхает, рыбка ловится… Ему приятно, и музыка должна быть приятная.

Этот кусок снят красиво, поэтично, неторопливо. И я написал музыку в среднем темпе. И вот смотрит худсовет.

– Длинно, – говорит Пырьев, – скучно, этот кусок вдвое надо сократить!

Ага, как бы не так! Гайдай мне потом говорит:

– Может, тут и моя промашка есть, что сняли в медленном темпе. Давай, напиши быструю музыку!

Что значит «быструю», если я написал на три минуты и пять секунд?.. Я же не могу быстрей сыграть! Тогда акценты не совпадут. Там, например, Миронов замахивается камнем – у меня акцент (кончается музыкальная фраза и – пауза). Акцент ведь – необязательно удар по барабану.

И я написал совершенно новую музыку, в другом темпе, вроде все торопятся…

Я это потом на публике проверял. Был у меня в Дмитрове на тракторном заводе творческий вечер. Договорился с киномеханиками, чтобы они два раза дали сцену рыбалки. Один раз без музыки – я играл на рояле быстрый вариант, второй раз – включали медленную музыку. А зрителей предупредил: вы сейчас посмотрите и увидите разницу в восприятии с разной музыкой.

И зрители аплодировали. Потому что они поняли секрет.

Через месяц худсовет в том же составе вновь посмотрел ту же сцену. И Пырьев сказал:

– Теперь хорошо! Сократил – совсем другое дело!

Ни Пырьев, ни кто-нибудь их худсовета не заметили, что никто ничего не сокращал. Просто музыка в быстром темпе как бы ускоряет время. Хотя хронометраж остался прежним!

А Гайдай мне заговорщицки подмигнул: мол, знай наших!..

Естественно, я не мог присутствовать на всех гайдаевских съемках. У меня параллельно работа шла и над другими фильмами. Иногда по две-три картины в год. Был очень смешной случай. Как-то я делал три фильма сразу. И вот пришел к одному режиссеру (кажется, это был В. Левин из Одессы, с которым мы делали много фильмов, в частности, «Капитан Немо»), играю ему эскизы. Он слушает, слушает…

– А это, – говорю, – когда герой в конце погибает.

– Какой герой погибает?.. – удивленно спрашивает он.

Оказывается, я играю ему музыку из другого фильма!.. А у меня в один день две встречи уже прошли, за роялем с утра до ночи, в голове все смешалось.

– О, извини! – говорю. – Это, кажется, не из твоей картины!..

Мы посмеялись…

С Никулиным и Вициным у меня были замечательные отношения, Юра и Жора мне очень нравились.

Вицин был очень остроумный, всегда шутил, Никулин – тоже. Однажды мы пошли на какой-то закрытый пляж в Алуште, где снимали «Кавказскую пленницу». Достал контрамарки туда, естественно, Моргунов, он пробивной. Мы прошли, но одной контрамарки не хватило. А Моргунов шел последним. И вот тетка-контролер его не пускает:

– У вас и так лишний человек прошел!

Вицин тут же нашелся.

– Тетенька, – говорит, – а он не купается. Мы на нем плаваем!

…Снимали «Кавказскую пленницу», эпизод с санитарным врачом, который рассказывает про ящур. Всем надо делать уколы. И вот Вицин, Никулин и Моргунов лежат втроем, а за ними на площадке наблюдают человек пятнадцать из съемочной группы. Пока троица репетирует сцену – все умирают со смеху. Гайдай же – не улыбнется! Говорит Никулину:

– Так… Это, Юра, ты в цирке будешь играть…

Вицину:

– Это, когда гости к тебе придут, ты им покажешь… Давайте-ка вот так… Вы забыли, что было до этого эпизода, в каком вы были состоянии?

Он же помнил все!

Троица непрерывно изобретает массу смешного, но Гайдаю не нравится: или не в том стиле, или перебор, или цирк получается, эстрада, в общем, не то. Наконец, находит золотую середину и, не давая им остыть, снимает.

Эксцентрика – тонкая штука. Вот сейчас, сию минуту есть нужное настроение, найден жест, темп, и актер может повторить еще раз для дубля. Но пять раз у него уже не получится, он начинает или что-то другое делать, или скисает. Вот Гайдай до этой стадии не доводил. Всегда держал нужный накал, чтобы и ярко было, и в то же время не перегорело.

Никулин и Вицин все время что-то придумывали. К примеру, когда Никулину делают укол, он носом поводит: «Спирт?» Это он сам придумал.

В «Операции «Ы», когда Моргунов считал деньги, десятка случайно упала на пол. Вицин тут же наступил на нее, – это его экспромт. А Гайдай сказал:

– Снимать, снимать! Давайте придумывайте что-то дальше!

И они придумали:

«Чей туфля?» – «Мое!..»

Гениально работали!

Троица, конечно, уникальная была. Самые мобильные –

Никулин и Вицин. Моргунов – больше как типаж.

Кстати, в «Бриллиантовой руке» у Юры Никулина был и такой «экспромт»: когда в последних кадрах картины крановщик опускал крюк, чтобы перенести Семен Семеныча из катера на берег, то Юра ударился об этот тяжелый крюк по-настоящему. Но даже виду не показал, доиграл сцену с улыбкой. Хотя можно представить, какую он испытывал боль. Две недели потом болела шея…

> Троица, конечно, уникальная была. Самые мобильные – Никулин и Вицин. Моргунов – больше как типаж.

Но самое главное: я видел эту же троицу, когда другие режиссеры ее снимали. Все было не так! Не было режиссера Гайдая, и потому была сплошная импровизация. Режиссер покатывался до слез и говорил оператору:

– Снимай, снимай!

Или режиссер считал, что он не дорос до их уровня и не может ими командовать, или просто такой режиссер. И они резвились на всю катушку. Выходило все что угодно – и цирк, и эстрада, но только не смешное кино. Смирнов снимался в Таджикистане, делал, что хотел, – получался какой-то капустник…

> А Гайдай не смеялся! Все смеялись, он – нет. Не знаю, сдерживался ли он, думал ли все время о фильме – ему нужно было найти именно то, что искал.

А Гайдай не смеялся! Все смеялись, он – нет. Не знаю, сдерживался ли он, думал ли все время о фильме – ему нужно было найти именно то, что искал. Например, если в какой-то сцене актеры должны были смеяться по сюжету, он говорил:

– Захохотали – и прекратите! А то будете дольше зрителей смеяться.

И он прав. Часто смотришь кино, там артисты закатываются. А это не смешно. Ждешь, когда закончат себя веселить…

Но вот когда музыканты приходили записывать музыку к гайдаевским фильмам, всегда были проблемы: никак не могли начать, смеялись… Играли с ошибками и не по руке дирижера, потому что смотрели на экран. Тогда решили один раз показывать, чтобы музыканты посмотрели.

А вообще Гайдай не был жестким человеком. Актеры его любили, верили в него.

И на посошок!.

Потом был «Иван Васильевич». Прекрасный сценарий по Булгакову. И актеры хорошие. Куравлев прекрасен, и Этуш, Яковлев замечательный! И милиционер там хороший! Я его потом в другом фильме видел: так же играет, как будто перешел из «Ивана Васильевича».

Я подумал: зачем писать музыку времен Ивана Грозного, мы же сегодняшними глазами смотрим. Так возникла песня «Кап, кап, кап…» и песня «Теряют люди друг друга», которую прекрасно спела Нина Бродская. И «Разговор со счастьем» блестяще записал Валерий Золотухин.

Мне хотелось придумать что-то необычное. Техника тогда еще не продвинулась, приходилось что-то изобретать. То на другой скорости пишешь, то инструменты необычные находишь. В то время у меня уже появился синтезатор. Я ездил в Муром, где создали наш первый электроорган. Мне сделали по заказу. Инструмент, конечно, был слабый, но это хоть что-то.

В сцене с послом Филипповым я использовал тему «Собачьего вальса». Как символ мещанства, тупости. Кто услышит и узнает, тот поймет.

Никаких эксцессов с Гайдаем не было. Я записывал эскиз какого-нибудь номера на маленький магнитофончик и во второй половине дня приходил к Гайдаю на студию. А с утра я всегда работаю.

Иногда приходишь – видишь: монтажница кивнет мне, мол, не время… Понятно!..

Поначалу я приходил, не зная этой особенности Гайдая. Он послушает музыку и говорит:

– Ну, что это? Все не так! И тема мне не нравится. Переделывай!

– Но ты же недавно говорил, что нравится! – возражаю я.

– Нет! Она у тебя уже другая! Или ты записал не так. Короче, все плохо.

Я уходил. Так повторялось несколько раз. Я понял: надо пожертвовать своим любимым утренним временем и прийти пораньше.

Прихожу в пять вечера, монтажница мне подмигивает. Ясно. Гайдай:

– Ну, принес?

Я – виновато:

– Ты знаешь, Леня, не получилось…

Хотя у меня все с собой!..

– Как это так! Ты же обещал!

– Давай, – предлагаю, – я к тебе завтра приеду с утра?

– Ну, хорошо, только обязательно привози!

Страшно недоволен!.. Ему сейчас выплеснуться бы на эту музыку, а ее нет…

Наступает завтра. Прихожу в десять утра. Он всегда в девять первым приезжает на студию. На съемках «Кавказской пленницы» я был поражен его пунктуальностью. Сидели мы в ресторане, что-то отмечали. И вот уже час ночи. Гайдай встает и громко объявляет:

– Вы можете гулять, но завтра в восемь утра автобус! Кто опоздает, поедет на такси.

И утром без пяти восемь стоит и смотрит на часы. Кричат:

– Помережа, костюмерши еще нет!

Гайдай:

– Ждать не будем. Поехали! Возьмут такси.

И в восемь автобус уходит. Дисциплина!

Гайдай был великим тружеником, профессию свою любил. Единственный недостаток имел. Любил выпить. Но надо снисходительно относиться к чужим недостаткам, прощать. У меня, например, куча недостатков…

И вот я появился у него утром. Он:

– А, Саша! Ты пришел, да?.. Ты меня извини, я вчера, может, что-то не так сказал… Давай послушаем.

Другой человек! Конечно, он скажет, если ему не понравится. Это нормально. Я, допустим, два варианта какой-то темы приношу. Он выбирает: эта лучше…

Вот так мы работали.

Как-то Гайдай пришел ко мне в гости. Я жил еще в Перове. Мы сидели, мило ужинали. А у меня была духовая альтушка. Гайдай же когда-то в духовом оркестре немножко играл. Вот он и попросил:

– Дай мне поиграть!

И дудит: пу-пу-пу-ру-ру! Громко!..

Я говорю:

– Леня, ночь на дворе!..

Он:

– Да, да!

Через некоторое время опять:

– Ну, дай еще! Я потихоньку!..

Пу-пу-пу!..

Сидели мы до пяти утра. Уже все переговорили. Но так как в бутылке еще что-то оставалось, уйти было нельзя. Он:

– Ну, давай еще одну рюмочку на посошок и – все!

Выпили на посошок, поговорили. С виду он – ни в одном глазу. Нина, его жена:

– Леня, ну, может, пойдем? Уже пора ведь…

Два часа ночи. Три, четыре… Он:

– Ну, сейчас еще одну на посошок и – пойдем!..

А когда, наконец, бутылка опустела, спрашивает:

– Саша, а у тебя никакого там коньячку нет случайно?

Нина мне знаки подает: нет!

– Нет, – говорю.

– Ну, давай поищем в шкафах где-нибудь…

Уже знает, что его обманывают!..

– Давай, – говорю, – пойдем, поищем…

…Мы с Гайдаем делали все его картины, кроме «Опасно для жизни». Мне тогда не разрешили. Гайдай был любимым моим режиссером.

Леня Дербенев, друг, поэт и йог

Рассказывали, как однажды с группой известных поэтов куда-то поехал и Володя Высоцкий. И кто-то из мэтров сказал в интервью, мол, едем мы, поэты, и наш меньший (или младший, не помню) брат Высоцкий. Володю это сильно обидело: в писательских кругах его не считали поэтом…

А кто же тогда поэт?

Похожая ситуация была и с Леней Дербеневым. Союз писателей игнорировал «поэта-песенника»: не настоящая, видите ли, поэзия!.. Неправильно, когда говорят: текст песни. Или: слова песни. Конечно, когда речь идет о таких, например, «стихах», как «Раз, два, после пяти, мама, папа, прости! Я сошла с ума, мне нужна она!», то это даже не текст, а обыкновенная «рыба». То есть набор слов в соответствии с размером музыки. А Дербенев писал хорошие стихи.

Мы с ним долго и плодотворно работали и дружили. Но однажды у нас произошла глупая размолвка.

У меня были какие-то три иконы, не представлявшие ценности. Ко мне приходил аранжировщик, который однажды сказал:

– Это просто доски, но, если хотите, я вам помогу достать настоящие.

А Дербенев услышал и потом говорит мне:

– Я хочу иконы купить! Ты этого музыканта хорошо знаешь?

– Ну, как знаю? Приходит записывать, аранжировку делать помогал, вроде нормальный человек…

Леня с ним встретился и купил на приличную сумму иконы. Потом кому-то показал одну, а она оказалась ненастоящей.

Леня скандалил: надо все иконы проверять! Аранжировщик вроде деньги вернул. Но после этого Дербенев на меня очень обиделся.

Я ему говорю:

– Леня, я ж тебе объяснял, что он просто знакомый, сам с ним разбирайся! Я ничего не гарантировал.

Когда я из Франции сюда приехал, он все еще дулся, и я работал с Ильей Резником. Потом позвонил ему, говорю:

– Ну, что, Леня, будем из-за этой ерунды таить обиды?..

И мы помирились и продолжили работать.

Он был очень талантливый человек, прекрасно чувствовал музыку, хотя спеть никакую песню не мог. Но внутренний слух имел замечательный, попадал точно, делал все идеально. Ведь он же писал на готовую музыку. Говорил:

– А, мне все равно, какой размер!

Не помню, кто нас познакомил. Кажется, композитор Александр Фляpковский. И первая наша песня «Костер на снегу» сразу оказалась удачной. Мы подружились. Хотя параллельно он работал со многими композиторами.

Первое время нашей работы он изрядно выпивал и курил. Прошло время – завязал. Специально съездил в Югославию к какому-то гипнотизеру. Тот его лечил от водки и курения. И научил: как только будет тянуть курить – пейте горячую воду. Леня спрашивает:

– Ну, а если сегодня захочу курить, что мне делать?

Тот отвечает:

– А сегодня вы не захотите!

Так и вышло на самом деле.

Потом он ударился в мистику. Какие-то упражнения делал. В ванне с холодной водой – по двести шагов. Потом стал йогой заниматься. Я, кстати, тоже тогда увлекся йогой. Но делал только физические упражнения, а он ударился в духовную часть, в религию. Потом с йоги перешел в христианство, стал в церковь ходить.

Когда он уже бросил пить и курить, говорил мне:

– Саша, теперь представляю, как я тебе надоедал со своим куревом!

С поэтом и другом Леонидом Дербеневым

В «Бриллиантовой руке» сначала он написал другие стихи.

«Пусть я пороха и не выдумал, пусть Америки не открыл вовек, но… я простой советский человек». Что-то в этом роде. В сценарии так и значилось: «Песня простого советского человека».

Я говорю:

– Леня, для кого ты пишешь? Для властей, что ли? Ты будешь петь такую песню?

Он:

– А Гайдай принял! Что ты ломаешься?

– Нам же нужен хит, – отвечаю, – чтобы людям нравилось!

Позвонила мне Вера, его жена:

– Саша, ну, что ты? Гайдай же принял, а ты!..

– Мы что, – спрашиваю, – песню лично для Гайдая делаем?.. Если она потом не будет звучать, Гайдай скажет: «Что же вы песню такую сочинили?» А вы приняли слова! «Так надо было спорить! Надо было доказывать свое!»

Я позвонил Гайдаю:

– Леня, я тогда напишу другую музыку под эти слова. Не хочу эту мелодию отдавать с таким текстом!

Гайдай замялся:

– Ну, хорошо, пусть напишет что-нибудь другое!..

А потом, когда мы записывали уже с «зайцами», я Дербеневу говорю:

– Давай, если хочешь, запишем и с тем текстом!

Он:

– Ну, ладно, ладно!..

Он был очень веселым и остроумным, помнил массу анекдотов. Его, бывало, спросишь:

– Леня, а можешь, к примеру, рассказать про обои?

Он несколько секунд думал и тут же начинал рассказывать анекдот про обои. У него была огромная библиотека, он всю ее перечитал. И читал в два раза быстрее, чем я.

За год до смерти он выиграл автобусную поездку во Францию. По радио разыгрывался приз, надо было ответить на вопрос: в частности, как называется китайская водка? Он позвонил и первым ответил! И с женой поехал на автобусе в Париж. Потом проклинал, как это было мучительно – сидеть в одном положении столько времени, и поспать нормально невозможно! Пытался ложиться на пол… Приехал, позвонил мне. Мы встретились, я повозил его по Парижу.

Получилось почти буквально: «Увидеть Париж и умереть»…

А самолетов он страшно боялся. Мы как-то ездили в Таджикистан (он же писал стихи и к фильму «Отважный Ширак», откуда песня «Волшебник-недоучка»). Так он приезжал поездом! Три дня в пути. Правда, тогда он еще выпивал. И когда он все-

таки решил лететь со мной, я ему говорил:

– Сейчас такие самолеты, уже не разбиваются!

Но потом, когда мы сели, говорю:

– Смотри, Леня, крыло как-то подозрительно болтается!.. Бывает, оно обламывается, самолет начинает крениться, и тогда его уже выровнять невозможно…

Он:

– Ну, хватит, хватит!..

А я продолжаю:

– Чего ты боишься? Я, например, мечтаю умереть в самолете. Мгновенно! И никаких родственников не будет над твоим телом стоять!

– А пока падаешь?..

– Ты же почувствуешь невесомость! Мы же с тобой можем тридцать секунд полетать в невесомости, как космонавты! Это же прекрасно!..

А он опять:

– Хватит, хватит!..

И в иллюминатор на крыло косится…

Посидели, поокали и… записали песню

В начале семидесятых мой приятель Виталий Клейнот, хороший музыкант, помогавший мне тогда делать аранжировки к таджикскому фильму «Отважный Ширак», говорит:

– В ДК Горбунова проходит финал смотра самодеятельности. Там будет певица Алла Пугачева. Послушайте ее, может, она вам понравится.

Я пошел туда. Пугачева, кажется, пела «Посидим-поокаем» и что-то еще. И она мне понравилась. И голос понравился, красивый, и эмоциональность.

Я подошел к ней, поздравил и предложил работать.

– Давайте, – сказал, – запишем одну песню, а потом для кино будем записывать!

Она сразу же согласилась. И мы записали первую песню «И кто виноват». Я был очень доволен, как она спела. Песню крутили по радио.

Работать с ней было приятно. Я ей звонил:

– Зайди, у меня к новому фильму две песни есть!

Сижу за роялем, играю мелодию, напеваю своим противным, скрипучим голосом. Она слушает, очень быстро запоминает, память у нее колоссальная! Потом садится за рояль, тут же сама играет эту песню, находит себе тональность – выше или ниже. Она говорит:

– А можно вот тут в припеве добавить еще что-то, чтобы ярче было?

Бывало, две-три ноты исправлю или показываю другие варианты: есть еще и такой запев, и такой припев. И мы вместе находим лучшее. Потом приходит Леня Дербенев, я записываю ему кассету. Он говорит:

– Ты запиши мне подлинней! Куплетов десять. Я включаю магнитофон, хожу, курю и слушаю. А когда отматываю назад – отвлекаюсь.

Иногда мы «рыбу» составляли. У него было пять слов, из которых он делал «рыбу»: мой милый, дорогой, родной, любимый.

– Эти слова, – объяснял он, – меня не отвлекают. А то ты пишешь: «синее, синее небо, зеленая трава»… Это мешает!

Потом я делал аранжировку, и мы записывали. Иногда аранжировку делал вместе с другими музыкантами. Например, к «31 июня» втроем работали: объем был большой, сроки поджимали, а хотелось сделать как можно лучше. Прекрасный

музыкант Сережа Рудницкий, руководитель ансамбля «Аракс» со своими музыкантами, Виталий Клейнот (он приглашал других музыкантов) и я.

И вот аранжировка есть, тональность подобрана. Тут я звал Аллу. Она приходила уже подготовленная. Мелодию знала, стихи ставила перед собой, чтоб не забыть. Она сначала напевала, за рояль садясь. Потом вставала к микрофону, и я записывал на пленку. Потом приходила в аппаратную, и мы слушали.

– Нет, нет, – говорила она, – мне тут что-то надо найти, манеру другую!..

Она думала, искала. Например, как спеть «Волшебника-недоучку»? Сидела за роялем минут десять, напевала, искала правильное решение. При записи ошиблась в аранжировке, был лишний такт, которого она не ожидала, и вступила раньше. И хихикнула. А я это все оставил. Даже интереснее получилось. Будто так и задумано.

Или вот она записала «До свиданья, лето». Мы слушаем: там три раза повтор последней строчки, и у нее каждый раз эта фраза звучит по-разному. Алла говорит:

– Вот первая – хорошо, а вторую я, может быть, перепою.

Было жалко стирать. Я сказал, что оставлю на всякий случай, мне нравится. И она сделала несколько дублей. Послушали, однако на этот раз оставили первый вариант, он был ярче, проникновеннее.

У нас хватало времени: студия-то была моя. Никто не гнал, мы могли выбрать самое лучшее. Я брал из одного дубля один кусочек, из другого – другой, потом все это сводил. Она слушала и, бывало, говорила:

– Вот этот куплет мне очень не нравится! Я бы его перепела…

И перепевала.

Шлифовать – так до золотого блеска!

Она была худенькая, очень скромно одета. Очень талантливая! Я таких просто не видел.

Алла была в то время в разводе, у нее росла дочь. Потом она вышла замуж за музыканта Павла Слободкина. У нее еще не было пластинок, она была, как сейчас говорят, нераскрученная. Но мне было безразлично, известна певица или нет. Главное – поет прекрасно и к делу серьезно относится. Поэтому работал с ней с большим удовольствием.

Тогда еще не было такой техники, как сейчас. Например, дабл трек – двойное звучание. Раньше надо было спеть два раза, потом делали наложение, получается очень красиво. Так вот, большинство певиц не могли два раза спеть одинаково! То чуть короче, то чуть длиннее. А у Пугачевой с первого раза все точно,

без ошибок.

Обиды приходят и уходят

Однажды, когда мы уже записали с ней примерно песен пятнадцать, произошел такой случай. Она пришла и говорит:

– Александр Сергеевич, у меня, к сожалению, только пятнадцать минут!

А раньше такого не было. Сколько надо, столько и работали. Я говорю:

– Алла, если ты плохо запишешь, будет не только для меня плохо, но и для кино, для песни, да и для тебя ведь тоже не очень хорошо…

В итоге мы просидели полтора часа, хотя никто ее не заставлял.

Вообще, звездность (даже не по отношению к Алле, а абстрактно), как и полагается болезни, подкрадывается к человеку незаметно и начинает его разрушать. Мало кто имеет иммунитет против звездности и остается самим собой. Прививок же против нее пока не изобрели…

Потом Алла спела «Арлекино» (это не моя песня), выпустила пластинку. Потом на фильме «Женщина, которая поет» произошла наша размолвка.

Как-то она пришла и сказала:

– Я написала пять песен. Не можете ли мне помочь их записать?

Я говорю:

– Конечно. Для тебя – пожалуйста!

Хотя ни для кого я не делал записей в своей студии: для меня время дорого. Ведь надо потратить несколько дней! Но для нее – исключение.

А я как раз работал над этим фильмом, где кроме музыки было шесть-восемь песен. Мы записали их с Аллой. А потом она пришла с просьбой записать ее собственные песни.

– Знаете, Александр Сергеевич, – сказала она, – под моей фамилией это никто не возьмет, поэтому я придумала псевдоним – Борис Горбонос. Я тогда песни и на радио протолкну, и пластинку выпущу. А так скажут: «Пугачева – не член Союза композиторов, зачем нам ее песни!»

От членства в Союзе композиторов действительно зависело немало. Я ее понимаю. Но потом она сделала все иначе. Сказала, что автор песен – восемнадцатилетний парализованный мальчик, прикованный к постели. Написал вот эти песни, надо ему помочь. Ведь для него это глоток воздуха, смысл жизни!..

Звучало красиво и душещипательно.

Но эту историю я узнал позднее. А пока записал все фонограммы для Аллы. Она спела. Одну песню – на свои слова. Я сделал сведение, дал ей пленки, и на этом, казалось бы, все должно было закончиться. Но нет! Только начиналось.

На «Мосфильме» она договорилась с режиссером нашей картины, и он пообещал вставить эти песни в фильм.

Я же ничего не ведал! Прихожу как-то на «Мосфильм» и вдруг узнаю, что эти песни уже отсняты и вставлены в картину!

Говорю:

– Я категорически против!

Во-первых, так не принято. Если ты композитор картины, то ты пишешь музыку и песни сам. Если приглашают еще кого-то, то обязательно с твоего согласия.

Во-вторых, тут получается, мягко говоря, не очень честно. Ведь Алла никому не сказала, что это ее песни. Речь шла об инвалиде, несчастном мальчике!..

И по студии поползли слухи, мол, черствый Зацепин не хочет помочь парализованному таланту! А я помалкиваю, что знаю правду, Аллу не выдаю… Она же приклеила себе усы и сделала фотографию, будто это и есть Горбонос. Годы спустя выяснилось, что всю эту авантюру придумал Стефанович, ее муж в тот период (по крайней мере, он так написал в своей книге).

А тем временем литературный редактор почти перестал со мной здороваться: потому что я такой мерзавец, не хочу помочь инвалиду…

Мне было очень обидно. Я ей подарок сделал – записал песни (запись в студии, кстати, – дорогое удовольствие), а она в благодарность обманула меня, да еще и спекулирует на вымышленной чужой беде!..

Пошел к Сизову, директору «Мосфильма», говорю:

– На самом деле ситуация выглядит иначе. Никакого Горбоноса не знаю! Между нами – это псевдоним Пугачевой. Никакого мальчика-инвалида нет! Если нужно, могу работать на фильме, скажем, с Фляркoвским, с Эшпаем, с другим каким-нибудь моим коллегой-композитором, но Горбоноса не знаю и не хочу делить с ним свою музыку. Я ухожу с картины!

– Тогда нам придется закрыть картину, – говорит Сизов. – Ведь все песни уже сняты, переснимать – у нас денег нет…

– Ну, пусть Горбонос и записывает песни! – отвечаю. – Без меня.

– Но мы только что закрыли одну картину. Сейчас – вторую?.. У нас так скоро зарплату будет нечем платить!.. Вы же наш работник, войдите в положение!..

Мне бы, наверное, еще в самом начале этой интриги надо

было стукнуть кулаком по столу и сказать:

– А подайте сюда режиссера! Почему он позволяет такое вытворять на картине при живом-то композиторе?..

Но я, пластилиновая ворона, не стукнул.

А Сизов продолжал меня уговаривать. Пообещал, что Горбоноса не будет в титрах рядом со мной, лишь в самом конце появится: «такие-то песни написаны Горбоносом».

В итоге я согласился. «Мосфильм» мне был дороже.

Хотя в душе еще оставалась обида на Аллу. Почему она не объяснила все нормально?! Конечно, не хотелось бы вставлять в свой фильм четыре чужие песни, но можно же было по-человечески найти компромисс!.. Одна ее песня потом отпала: Пугачева исказила стихи, и поэтесса запретила ей выпускать их в таком виде, и песню вырезали. Кстати, и слова другого поэта она изменила. В оригинале было: «Той женщине, которую люблю», а она переделала и прозвучало – «которая поет». Но автор ей разрешил.

Во время всех этих перипетий мы с Аллой не виделись. И на следующий фильм «31 июня» я ее уже не пригласил. Позвал Таню Анциферову. Хотя некоторые мелодии были написаны для Пугачевой…

После разлада с Аллой я записал несколько песен с Софией Ротару. Соня мне всегда нравилась. Скромная, с прекрасным вкусом, всегда хорошо одевалась, пела очень приятно. На запись приходила всегда абсолютно подготовленная. Я был очень доволен!

Спустя какое-то время мы где-то встретились с Пугачевой. Алла говорит:

– Александр Сергеевич, давайте простим друг друга!

А за что?..

– Ладно, – говорю, – я не злопамятный…

Потом она стала петь в основном свои песни.

В конце девяностых как-то я приехал к Алле. У меня была песня для нее. Встретила меня радушно. Поговорили о жизни, Филипп поставил песню, она послушала.

– Филипп, – говорит Алла, – перепиши, мне нравится! Резник напишет мне стихи.

Я и Филиппу показал одну песню, но ему она не понравилась. Он дал мне три свои кассеты, чтобы я понял, в каком стиле ему нужно.

Через год приехал в Москву и снова зашел к ним, говорю:

– Алла, у тебя песня лежит, ты, наверно, ничего с ней не будешь делать. Я ее заберу.

– Да, да, – говорит, – сейчас не до этого! То одно, то другое…

Потом еще как-то раз принес Киркорову несколько песен. Он поставил, слушает.

– О! – говорит. – Одна лучше другой! Алла, слышишь?!

А она спокойным голосом:

– Нет, Филипп, ты сейчас уже в другом стиле поешь, это тебе не подходит.

Он:

– Ну, смотри, а вот эта?!

– Нет, – отвечает она.

Все, приказ свыше! Тема закрыта.

Больше я ей ничего не показывал.

А отношения у нас остались нормальными. Алла пела на моих юбилейных вечерах. И Филипп тоже очень хорошо там пел.

Франко Кристальди денег не жалел

Мне позвонили из группы Михаила Калатозова и сказали, что хотят пригласить меня писать музыку для фильма «Красная палатка». Картина о трагической экспедиции генерала Нобеля к Северному полюсу. Для меня такое предложение было большим подарком.

Михаил Калатозов – прекрасный режиссер. После фильма «Летят журавли» его знали не только в СССР, но и за рубежом. Кстати, еще в сталинские времена Калатозов в составе группы кинематографистов побывал в Голливуде, где они полгода изучали производство. Вернулись с идеей создать на Кавказе между Сочи и Новороссийском нечно подобное американской «фабрике грез». С аэродромом, десятками павильонов, кварталами домов со сменными фасадами, водопадами… Понятно, что проект предполагал немалые затраты. Сталин долго не отвечал. Месяцев через восемь на проекте появилась его резолюция: «Гигантомания». И советскому Голливуду не суждено было родиться…

Что касается «Красной палатки», тогда еще не шел разговор о том, что это будет совместная советско-итальянская картина. Мне дали сценарий Юрия Нагибина, я познакомился с Михаилом Константиновичем. Он пригласил меня к себе в гости. Это был интеллигентный, располагающий к себе человек. Когда-то он, как и я, работал киномехаником. К тому же оказался меломаном. Дома у него была хорошая аппаратура, на которую, бывая за границей, он тратил кучу денег.

Я приходил к нему со своим хорошим товарищем звукорежиссером Виктором Бабушкиным, одним из лучших в своем деле. Калатозов взял его на запись музыки.

Михаил Константинович включал свою дорогую аппаратуру и спрашивал нас:

– Ну, как звучит?.. А если я вот так колонки поставлю, как вы считаете, так лучше? А если так?..

Он был не женат, к нему приходила домработница, готовила обеды, убирала квартиру. Нас хорошо покормили, было грузинское вино…

…Довольно быстро я написал главную тему, поиграл ему. У меня тогда был орган Муромского производства, у него довольно неприятный звук, но за неимением гербовой пишем на простой!.. Хорошо хоть, что звук тянулся.

Калатозов послушал тему и сказал:

– Замечательно!

Он уже мог представить, как тема будет потом записана (ясно, что с другим тембром).

Вскоре был заключен договор с итальянской фирмой о совместной постановке фильма. Продюсером выступал Франко Кристальди, муж Клаудии Кардинале. Потрясающий человек! Бывший мотогонщик, не окончивший ни ГИТИСов, ни ВГИКов, он прекрасно чувствовал и музыку, и изображение, и операторскую работу. Он давал такие советы, каких не мог дать титулованный профессиональный худсовет!

Он приходил и говорил:

– А вот это у вас плохо! Что за сценарий у Нагибина? Это же документальный фильм, что тут играть артистам?! Убили медведя, поели, поспали, пошли по льду, еще посидели… Нет, это не фильм! Где здесь драматургия? Я беру еще одного сценариста!

И он пригласил итальянца Эннио де Кончини, человека мировой известности. Заплатил ему миллион долларов, и тот сделал новый сценарий. Небо и земля по сравнению с прежним. Худсовет восторгался:

– Вот это сценарий! Как сделано!.. Замечательно!

А до этого они что, не видели сценария?..

Начинаются съемки. Участвуют такие звезды, как Шон Коннери, Клаудия Кардинале, Питер Финч, Харди Крюгер… Им надо платить огромные деньги, но Кристальди берет лучших! Ну, и наши прекрасные актеры – Эдуард Марцевич, Никита Михалков, которые по сравнению с западными получали копейки…

Все вроде идет нормально, и тут итальянцы заявляют, что музыку будет писать, конечно же, их композитор Эннио Морриконе, очень известный. А Калатозов, как порядочный человек, говорит:

– Нет, у нас есть свой композитор!

Он ведь уже пригласил композитора, тема ему понравилась. Не может же он просто так взять и отказаться!

Итальянцы говорят:

– Ну, ладно, посмотрим. Пришлите послушать его музыку.

Наши послали тему. Те звонят:

– Музыка нам понравилась. Но почему она звучит на каком-то скрипучем органе?..

– Ничего страшного! – оправдываются наши. – Это черновая запись. Потом будет симфонический оркестр.

И Кристальди композитора утвердил.

На Западе принято и для чернового варианта делать все качественно. На запись музыки надо было взять, скажем, пять скрипачей, пианиста и записать все красиво, чтоб стыдно не было. Но тут прошло даже и на скрипучем органе Ильи Муромца…

Клаудия кардинале и ширь русской души

На съемках все говорили на английском. Михаил Калатозов свои режиссерские указания тоже давал на английском. Правда, был еще и переводчик. Актеры играли прекрасно, все понимали. Михаил Константинович был доволен.

И наши актеры были на высоте. Кстати, любопытный момент. Когда герой Эдуарда Марцевича умирает, он раздевается, чтобы отдать свою одежду другим, и ложится на лед. Съемки велись на натуре, а не в теплом павильоне. И Марцевич по-настоящему ложился на лед, раздетый… Потом его растирали спиртом и даже давали глотнуть, чтобы не простудиться. Он ведь долго лежал на льду…

Калатозов перезнакомил меня со всеми актерами прямо на съемочной площадке.

Шон Коннери – очень приятный, интеллигентный человек. Своей улыбкой он очарует кого угодно! В нем есть что-то гипнотическое, завораживающее.

Однажды снимали какую-то сцену, и Шон Коннери взял в руку два бокала с какой-то особо изысканной легкостью… Калатозов мне шепнул:

– Видите, как он элегантно берет бокалы? Он ведь когда-то работал официантом!..

Шон нигде не учился, природный талант. У него была одна из самых больших ставок в «Красной палатке». Речь шла не об одном миллионе долларов. Я знаю, в девяностых годах такие актеры получали по пять и более миллионов за фильм!

Меня познакомили и с Клаудией Кардинале. Она была, конечно, божественно красива, но меня ее красота как-то не трогала. Брижит Бардо производила гораздо большее впечатление.

Тем не менее я зачем-то решил удивить ее широтой русской души и подарить дорогую, красивую палехскую шкатулку. Она была в подарочной упаковке, настоящее произведение искусства. Я притащил шкатулку и говорю:

– Клаудия, вот для вас маленький сувенир из Москвы!..

Звезда ослепительно улыбнулась и стала нервно разворачивать бумагу. Когда ей это удалось, она нетерпеливо открыла шкатулку и заглянула вовнутрь. Там, естественно, ничего не было. И только тут, деревянная голова, я вдруг понял свою ошибку! Таким богатым и знаменитым людям не дарят

пустых шкатулок!.. Это может сделать только простофиля из Советского Союза вроде меня. Туда нужно было положить колечко со скромным килограммовым бриллиантом или другую подобную безделушку! Тогда бы подарок оценили.

Кардинале, конечно, поблагодарила меня, а я покраснел и, как китайский божок, кивал в ответ. Чувствовалось, что в душе кинодива была слегка разочарована.

Вот так по своей простоте, которая хуже воровства, я немножко опозорился на международной арене.

Что поделаешь, не каждый день даришь кинозвездам подарки!..

Никита Михалков как обед для медведя

Съемочная группа поехала на двух ледоколах в Северное море, туда, где есть настоящие льды. Михаил Константинович приглашал меня поплыть вместе со всеми, но у меня была параллельная работа, и я отказался. О чем до сих пор безумно жалею.

Там произошел случай, едва не закончившийся трагически. На Никиту Михалкова бросился белый медведь!.. Расторопный Никита успел ухватиться за какой-то трос, подтянулся и ускользнул от длинных медвежьих когтей. В медведя пришлось стрелять.

Михалков, к счастью, уцелел и благодаря этому впоследствии наснимал кучу прекрасных фильмов. А администрации картины пришлось заплатить штраф за убитого медведя в пять тысяч рублей…

Там, во льдах, соорудили красную палатку и продолжали снимать. Потом вернулись в Москву, более или менее смонтировали и показали художественному совету.

Члены худсовета посмотрели и сказали:

– Все замечательно, все прекрасно!

Приезжает Кристальди, смотрит и говорит:

– Ну, это же ужасно! Очень скучно! С такой картиной мы прогорим!

И он берет еще одного сценариста – англичанина Александра Бовта. Платит еще миллион долларов, чтобы тот посмотрел отснятый материал и, учитывая его, переделал сценарий.

И Бовт многое изменил, сделал, к примеру, совершенно иной финал. Люди, погибшие в экспедиции, как будто оказались живыми и пришли, чтобы судить Нобеля…

Худсовет почитал и принялся восторгаться:

– Вот это здорово! Вот это замечательно!

Удивительно, что один человек – Кристальди – трезво оценивал ситуацию и прекрасно понимал, что надо делать, что хорошо, что плохо, все решал и платил свои деньги.

Досняли, монтируют. Началась запись музыки. В Италии параллельно идет свой монтаж фильма. Кристальди пригласил двух известных европейских монтажеров, которые сделали картину на две или три части короче нашей. Она, кстати, от этого явно выиграла, став более динамичной. Итальянцы требуют музыку! А мы ее не можем записать, потому что, как всегда, не

успеваем. Мы все еще монтируем, мы не готовы.

Я говорю Михаилу Константиновичу:

– Может, пока запишем хоть как-то и пошлем? А потом подсократим. Я умею резать, сокращать, добавлять…

– Нет, нет, Саша, пока не надо, – отвечает он. – Пока до конца не смонтируем, записывать не будем! У нас нет столько денег.

Проходит две недели. Итальянцы закидали нас телеграммами, звонками: дайте срочно музыку!

Они уже смонтировали фильм, у них время идет даром. А каждый день – это потерянные деньги! Они не привыкли их терять. Раньше продадут фильм – раньше начнут другую работу. А запись музыки, по договору, делать нам…

Итальянцы обошли на повороте

Прошло еще две недели. И Кристальди сказал:

– Мы больше ждать не можем! Берем своего композитора.

Мы же еще не приступили к записи…

Нам навязывали кинооркестр, Калатозов протестовал. Начали они играть струнную тему под экран – нестройно! Хороших инструментов нет. А струнные инструменты звучат тогда, когда и скрипки хорошей марки, и музыканты хорошие. Если же скрипка сделана неизвестно где, то и звук получится не очень приятный. Вот у скрипачей Большого театра все инструменты дорогие, качественные, музыканты высококлассные, поэтому и звучание совсем другое.

В общем, сколько ни пытался Эмин Хачатурян сделать работу тщательно, – звук все равно не тот!.. Тогда Калатозов сказал:

– Нас это не устраивает!

Оркестр свернулся и ушел. Мы написали письмо в главк Министерства культуры, и нам разрешили взять оркестр Большого театра.

Я сказал Калатозову, что хорошо бы записывать в студии «Мелодия», там прекрасная аппаратура и электроорган «Hamond».

– Но там же нет экрана! – говорит Михаил Константинович.

– Ничего, – отвечаю, – у меня есть кинопроектор с нужными приспособлениями и экран три на четыре метра.

Калатозов был поражен…

Записывали в церкви, где находится студия «Мелодии». Пришел туда Большой оркестр, пришел Виктор Бабушкин, расставили два десятка микрофонов, я принес свой кинопроектор…

А у меня дома был кинопроектор. К нему я сделал специальную кассету, каких на «Мосфильме» нет. В нее можно было зарядить кольцо на сто с лишним метров пленки. У меня и экран имелся. А так как все свое я ношу с собой, то и экран тоже принес. Под него мы спокойненько и писали. Тут я был одновременно и композитором, и киномехаником, и помогал Бабушкину записывать музыку.

Хорошие музыканты, классные инструменты, красиво записали всю музыку. Один номер (сделал его с вокальным квартетом «Аккорд») я переписал. Калатозову очень понравилось. Но потом второй режиссер убедил, что это не совсем то: номер выбивается из общего ряда, он получился немножко эстрадный. Я послушал-послушал и понял, что он прав, и мы переписали…

Но, к моему великому сожалению, моя музыка осталась лишь

в советской версии фильма. В итальянской – записана совсем другая. Мы так и не успели!..

Кристальди обскакал нас и при продаже картины. Начали делить страны, кому СССР будет продавать, кому – Италия. Мы в коммерции ничего не соображали, жаждали заполучить Америку. А нам говорят:

– Подождите, кроме Америки еще много стран!..

В итоге Кристальди поделил все так, как ему хотелось.

– Желаете, – говорит, – Америку? Пожалуйста! Америка – огромная страна, за прокат фильма вы там сразу получите миллионы! Мне взамен дайте пять других стран…

Мы же не учитывали того, что Америка сама выпускает уйму фильмов и не рассчитывает выгодно продать их только в Европе. Сначала ориентируется на своих зрителей, окупает у себя, а Европа остается на десерт. И Америка не рвется брать чужие фильмы. Поэтому Кристальди спокойно отдает нам Америку, а мы ему – европейские страны, куда он хорошо продает фильм.

Америка же, конечно, «Красную палатку» у нас не покупает. Бывший мотогонщик, муж самой красивой женщины Италии и близлежащих стран это прекрасно знал! Как опытный игрок, он козыри держал до конца и выиграл, заработав намного раньше и, наверное, вдвое больше, чем Советский Союз.

Итальянскую версию картины я не видел, но у меня есть пластинка с музыкой. Музыка хорошая, где-то даже у нас перекликается решение фильма, есть что-то общее в концепции. Эннио Морриконе чувствовал Север, льды, трагедию, как и я. Он талантливый и очень известный композитор, живет уже в Америке…

Обожаю выходные!

У меня всегда был одинаковый распорядок дня. Проснулся, пятнадцать минут – зарядка. В девять утра я садился работать. В час-два приходила жена и говорила:

– Обедать, обедать!

Я, конечно, еще часика три посидел бы, меня не остановишь, но раз надо обедать, значит, надо обедать.

Так и сейчас, работа меня очень увлекает, хочется что-то закончить, «еще немного, еще чуть-чуть»!..

После обеда минут пятнадцать отдыхал. Ложился на спину и, как учат йоги, расслаблял все мышцы. При этом пытался увидеть голубое небо и синее море. Это очень трудно, потому как в Москве ни того, ни другого не наблюдается. Но иногда все же удавалось. И тогда возникало ощущение, будто часик поспал.

После этого – опять за работу! Времени на что-то другое не оставалось. Английский учил в машине. Пешком ходить ненавидел, все время на машине. Мама у меня, наоборот, любила ходить пешком. Она и в восемьдесят пять лет говорила:

– Пока не пройду несколько километров, чувствую себя плохо. А ты вечно сидишь, сидишь… Так нельзя! Надо двигаться, ходить!

Наверное, она права. Но времени жалко!..

Руза, с поэтом Николаем Добронравовым

Суббота, воскресенье – для меня все равно что понедельник.

Хотя все же предпочитал выходные: не звонят официальные лица из всяких учреждений, тихо… Можно работать спокойно.

Дачи у меня не было: не хотел. Кто за ней будет ухаживать, где там заниматься? В детские каникулы мы ездили в Дом творчества, в Рузу. Сосновый лес, чистый воздух!.. Я любил там пятнадцатую дачу. Три комнаты, хороший, настроенный рояль, порядок. Приходит уборщица, убирает, зимой топит печи дровами. Хорошая столовая, теннисный корт, волейбольная площадка, где мы играли, купание… Я там, конечно, работал. Да и все композиторы работали. Встречались все за обедом, в пять часов пили традиционный чай.

Светлана работала в музыкальной школе, летом у нее отпуск был два месяца. В июне мы ездили в Рузу, а в июле чаще всего – в Коктебель. Просто дикарями. Нам очень нравилось. На диком пляже у самого моря мы ставили тент от солнца, Жена и дочь спали в машине, я – на раскладушке. Замечательно!

Как-то приехали на море и встретили Людмилу Лядову… Значит, не мы одни любили такой отдых! Единственное, что было плохо, – по полчаса стоять в очереди в столовую. Но мы чередовались – то один шел с судками за обедом, то другой. Иногда шашлыки делали.

Один раз объехали все побережье. С нами были Жора Гаранян с женой Инной. В Новороссийске я снимал своей камерой порт, море. Вдруг подходит милиционер.

– А вы знаете, – спрашивает, – что порт снимать нельзя?

– Я не знал, – отвечаю. – Нигде ничего не написано.

– Тогда пойдете со мной!

– Ну, зачем? – говорю. – Давайте я открою камеру, оторву кусок пленки, на которой все снято, и дело с концом!

Открыл, оторвал полтора метра, отдал ему, и мы поехали дальше. Километров через пятнадцать встретилась нам чебуречная. Мы сели, едим чебуреки. Видим – идет к нам запыхавшийся милиционер, тот самый.

– Нет, – говорит, – вы должны со мной поехать в Новороссийск!

Приехали. Он привел нас в какой-то дом, наверное, КГБ. Вышел человек в штатском, полковник, не меньше. Показываю ему членский билет Союза композиторов, говорю: мол, откуда я знаю, что нельзя снимать, а что можно?..

– Нельзя снимать панорамы, – поясняет он.

– Я снимал вон то судно, – показал я в окно. – Может, конечно, и панораму прихватил, точно не помню…

Этот полковник просто хотел убедиться, что я не какой-нибудь американский шпион. Он понял, что мы вполне

благонадежные, безобидные граждане. Если обидим, так только муху. Контрразведчик извинился, что нас задержали, пожелал хорошего отдыха, и мы уехали.

Иногда мы отдыхали в Доме творчества в Гаграх. Потом, когда уже разрешили, мы ездили на машинах в Болгарию через Венгрию, Чехословакию и Румынию. Загорали на «Золотых песках» и на «Солнечном береге». У нас там завелись хорошие приятели – композитор Ангел Заберский, очень талантливый, который писал для популярной тогда певицы Лили Ивановой, и поэт Димитр Точев с женой. Они работали на иностранном радио в Москве, где мы с ними и познакомились. Я написал две песни, Димитр – слова на болгарском. Замечательно там отдыхали…

«Миг» – в подземном переходе

Режиссеры картины «Земля Санникова» попросили меня прийти на съемочную площадку, где шли пробы. Я увидел там Володю Высоцкого. Спрашиваю его:

– Ты в главной роли?

– Да, – отвечает.

– А зачем же, – говорю, – тогда меня пригласили? Естественно, ты песни будешь писать и петь их сам. Возьмете какого-нибудь композитора или просто аранжировщика, он из какой-нибудь твоей песни сделает тему фильма, аранжировку, и твоя музыка будет по фильму. Зачем тебе я?

– Так я тебе дам одну песню! – говорит Высоцкий. – Ты напишешь, я спою.

Он хотел, чтобы было пять песен в фильме. Известные актеры любят, чтобы делали так, как они хотят.

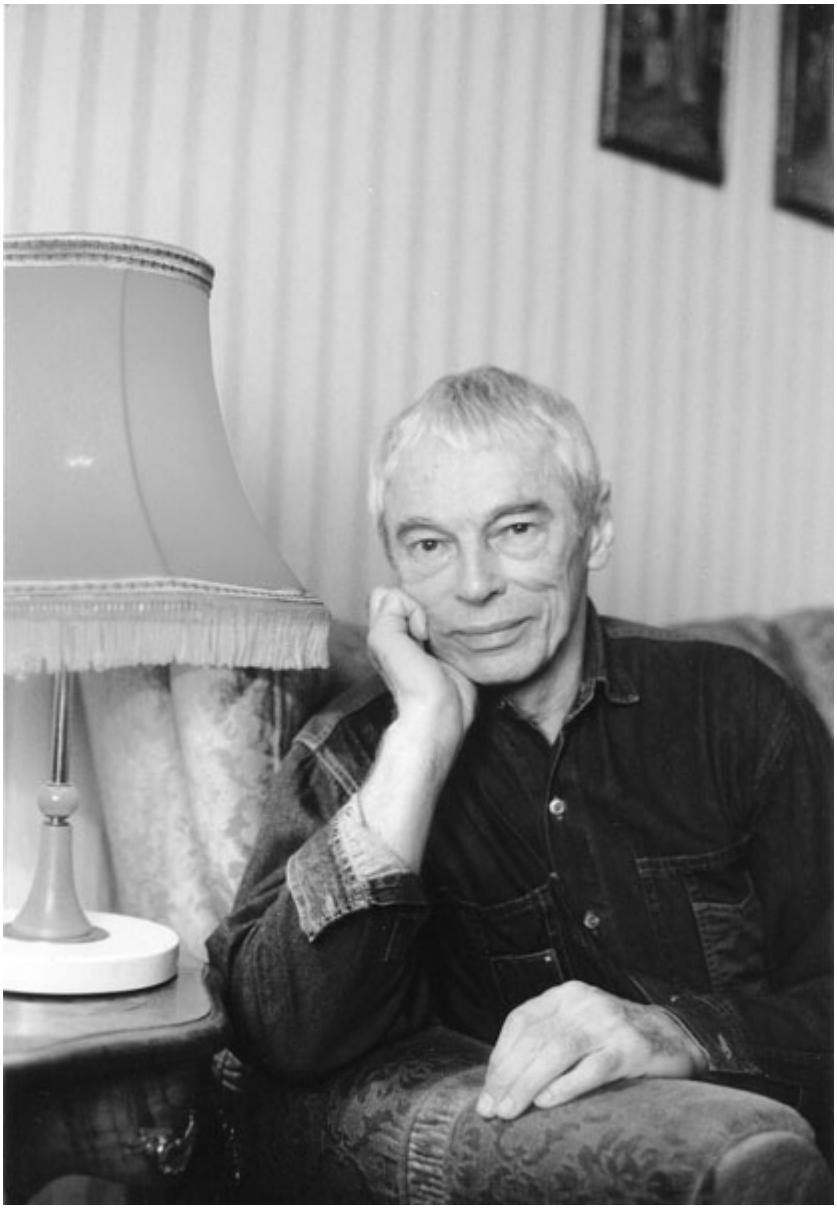
– Ты же сам понимаешь, – говорю, – что это не лучший вариант. Мне так работать неинтересно.

Потом скажут: «О, Зацепин не мог написать песни, Высоцкий спел все свои…»

Я объяснил режиссерам, что такая работа не для меня, и ушел. Однако на пробах Высоцкого почему-то не утвердили и взяли Олега Даля. Меня позвали опять. Сказали, что будет две песни. Я написал одну мелодию, другую… Режиссеры были очень требовательны, я им за это благодарен. Просили: поярче, поярче!..

А у меня до этого была оперетта в московском театре, называлась она «Золотые ключи». Спектакль о колхозе, где человеку, который хорошо работает, дают золотые ключи. Он как бы живет при коммунизме. Все, что ему нужно, может взять, например, телегу мяса. И там была песня с мелодией «Есть только миг» (только с другими словами, естественно). И я решил, что эту музыку в оперетту не отдам. Написал им другую, а эту показал режиссерам. Она им сразу понравилась.

Если бы я ее не вынул из оперетты, наверняка она и погибла бы. Ведь Леня Дербенев написал на нее такие замечательные стихи! Конечно, была бы другая музыка, появились бы другие стихи, все другое…



1987 год

Потом еще сложности были. Когда Даль записывал песни, он был немножечко в запое. Пришел на запись и спрашивает:

– Ну, что тут спеть надо?.. А где этот… микрофон?..

Сам еле на ногах стоит.

Я ему наиграл мелодию, дал слова. Даль послушал, пошатываясь. Правда, запомнил сразу, он музыкальный человек. Но спел, не всегда попадая в такт. В целом это вроде и незаметно. Потом под эти песни снимали какие-то сцены, и артикуляция

должна была совпадать. А когда показали Сизову, директору «Мосфильма», он сказал:

– Голос Даля заменить! Такой пропитой голос идет через весь фильм!.. Надо озвучить его кем-то другим. И песни – тоже. Или песни убрать совсем.

Но убрать – жалко! Значит, нужно переделать.

Я позвал Валеру Золотухина. Мне казалось, это ему должно подойти по фактуре, по всему. Он мучился, мучился, не мог попасть под артикуляцию Даля! То раньше вступит, то позже.

Все в панике. Режиссерам песни нравились, снято хорошо… Тогда я позвал Олега Анофриева. Он человек аккуратный, точный, максимум отдачи. Он как раз жил недалеко, небольшая квартирка на первом этаже, у него там пианино стояло, над ним микрофон висел. Мы выучили «Есть только миг», и Олег… попал! Только в одном месте было в принципе невозможно попасть. Но что-то сделали с кадром (а там тоже панорама была, никуда не сдвинешь), и все закончилось благополучно.

А Даль – мало того, что под музыку пел неточно, он еще и на съемках артикулировал неточно под эту фонограмму. Поэтому Анофриеву было вдвойне труднее. Например, уже музыка пошла, Олег Анофриев слышит: «Есть…» Он начинает: «Есть…», а Даль в кадре еще рот не открыл…

Но Анофриев – великолепный мастер, спас фильм от катастрофы. И спел ее замечательно. Он до сих пор исполняет ее на концертах.

Говорят, где-то есть и запись Даля, вроде ее кто-то переписал с «Мосфильма». Сейчас «Есть только миг» многие поют. Но самое приятное для меня, конечно, что я ее несколько раз слышал в подземном переходе, на Арбате. Маленький оркестрик играл, и кто-то пел.

Мой коллега Женя Крылатов, замечательный композитор, сказал мне как-то:

– Ну, Саша, я тебя поздравляю! Мои песни, конечно, поют по радио, но чтоб вот так на улицах пели!.. В народ у тебя ушла песня, в народ!..

Он тоже слышал «Есть только миг» на улице…

А могло бы этой песни и не быть! Погибла в коммунистической оперетте 1977 года… Ведь ту оперетту разругали в пух и прах! Сказали: «Какой там коммунизм!..» А я старался сделать ее современным мюзиклом, микрофоны поставил, добивался звучания… Это не помогло. Получилось как пародия на мюзиклы. И микрофоны правильно никто не ставил, солистов плохо было слышно, никто за этим не следил. То ли никому не нужно было, то ли не сумели…

– Ну, Саша, я тебя поздравляю! Мои песни, конечно, поют по радио, но чтоб вот так на улицах пели!.. В народ у тебя ушла песня, в народ!..

40 Тысяч кассет и первая премия

Работал я с одним режиссером, фамилию называть не буду. Ну, скажем, Зайчик. Когда-то он был оператором, потом стал снимать фильмы. Рабочее название его картины было «Четвертая комната» (часто фильмы снимают под одним названием, потом его меняют). Бывает, полгода в голове у тебя крутится первый вариант, а новый – и не помнишь, потому что он неяркий, неинтересный.

Зайчик говорит мне:

– Александр Сергеевич, вы зашли бы ко мне домой! Покажу вам пластинку с музыкой, какую я хотел бы иметь.

Это был какой-то инструментальный хит, прекрасная итальянская музыка.

– Ну, точно такую же, – говорю, – не могу сделать. Потому что будет вторично. Вы пригласите тогда этого композитора… К тому же это не совсем в моем стиле. Но я постараюсь характер сделать такой же.

Ладно, работаем дальше. Он мне дает пятьдесят-шестьдесят музыкальных номеров. Для такого фильма это много. Притом номера коротенькие – по двенадцать, пятнадцать, двадцать секунд. Для музыки это очень мало.

Зайчик говорит:

– Александр Сергеевич, вы напишите тему, как у вас было в «Красной палатке»!

– Музыка ведь как стихи, – объясняю я. – Если произнес одну строчку, вторую, то должен их с чем-то срифмовать. А вы мне даете по двенадцать секунд! Какое же развитие я могу сделать? У вас есть лишь одна сцена на шестьдесят четыре секунды. Это хоть половина того, что было в «Красной палатке»! Можно попытаться что-то сделать.

Но эта сцена – около моря. Я чувствую: здесь порт какой-то, корабль стоит, ветер, дождь, шум моря… Как опытный человек, спрашиваю у режиссера:

– А какие у вас здесь будут шумы?

– Пароходные гудки, ветер, шум волн.

Думаю: никакой музыки никто не услышит!..

– А не много ли компонентов? – говорю.

– Нет, – отвечает Зайчик. – Шумы сначала будут, потом я их уберу, оставлю только музыку.

– Точно уберете? – интересуюсь.

Гайдай так и делал. Звукооператор ему говорит:

– Леонид Иович, вот тут они же бегут, надо топот ног!

– Никакого топота, никаких шумов! – отвечает Гайдай. – Здесь только музыка. Убирайте все шумы! Потому что человек не может столько сразу слышать. Он еще должен смотреть, переваривать увиденное…

А тут у Зайчика – четыре или пять компонентов! Одно уничтожает другое. Если бы он предупредил, что будет шум моря, гудки, я бы сделал, например, соло трубы или флейты, которая прорезала бы весь этот шум, придавая эмоциональную окраску происходящему. К примеру, плачущая труба. Это зависит от контекста, от диалога.

С Александрой Пахмутовой, 1972 год

Я сделал тему, звучит симфонический оркестр, развитие, кульминация есть. Все как полагается. Прихожу на перезапись и слышу: шум моря, ветер, гудки. Да еще появился диалог за кадром. Какая там тема! Ее услышать невозможно. А если слушать тему, текст непонятен…

– Тут что-то лишнее!.. – говорю. – Уберите музыку, будет лучше…

– Нет, – отвечает Зайчик. – Так оставляем!

Больше я с ним не работал. Что попусту тратить время и нервы? Ничего не осталось ни от картины, ни от музыки. И никакую пластинку не выпустишь, потому что стыдно.

Бывает, заведомо знаешь, что перед тобой не очень сильный режиссер, но за фильм берешься. Потому что там, скажем, четыре-пять песен. И я делал свою работу хорошо. Меня, например, часто спрашивают:

– Из какого фильма песня «Волшебник-недоучка»? Из

«Отважного Ширака»?..

Никто этой картины не знает!

Порой мне и сценарий не очень нравился, но я видел, что здесь можно написать хорошую музыку и песни. Кстати, одним из сценаристов «Отважного Ширака» был хороший писатель Аркадий Инин. Он мне говорил:

– Кому нужна эта песня – «Волшебник-недоучка»?!. Никто ее не запомнит!

И предсказывал успех совсем другой.

Но та песня осталась незамеченной, а «Волшебник-недоучка» звучит до сих пор.

Все непредсказуемо!

На съемках «Бриллиантовой руки» Миронов с грустью говорил Никулину:

– Твоя песня лучше!

– Нет, Андрюша, – возражал Юра, – твоя лучше!..

Миронов был очень находчив. Мне всегда нравилось, как он работал, как пел. Быстренько запомнил «Остров невезения», поработал дома. А как сделал танец!.. Придумал эти «Ба-ба-ба-ба», которые очень к месту!.. И Юра Никулин был очень музыкальным человеком, запомнил «Зайцев» мгновенно…

А какая песня – Андрея или Юры – стала популярнее, я даже не знаю. Может, примерно одинаковы и оба их прогноза не оправдались?..

Вот еще пример непредсказуемости. В конце семидесятых годов на международном песенном фестивале в Америке неожиданно для себя я получил премию за песню «До свиданья, лето». Получил по двум категориям – Folk-musik и Easy listening (легкослушаемая музыка).

Премия была небольшая, чисто символическая (около четырехсот долларов). Песни посылал ВААП. Посылал много. Первый раз – не помню, сколько. А второй раз – песен двадцать разных советских композиторов.

А премии достались мне и Але Пахмутовой. Второй раз я получил за песню «Куда уходит детство».

Потом от СССР перестали посылать. Говорят: неинтересно, только Зацепину и Пахмутовой дают!..

А я как раз был в Лос-Анджелесе, где проходил этот фестиваль, и мне удалось пообщаться с председателем жюри. Его звали Тэд, фамилию не помню.

– Вот, – говорю, – я композитор Зацепин из Советского Союза…

– А-а!.. – обрадовался он. – Как там у вас в Москве?

Ему было интересно, как там у нас медведи белые ходят по

снегу…

– А сколько кассет вы получили на конкурс? – спросил я.

Условия были таковы: посылаешь кассету и девять долларов (это ВААП платил). На кассете – только одна песня. Если хочешь три, то отправляют три кассеты и двадцать семь долларов.

Он говорит:

– Пришло больше сорока тысяч песен.

> Миронов был очень находчив. Мне всегда нравилось, как он работал, как пел. Быстренько запомнил «Остров невезения», поработал дома. А как сделал танец!.. Придумал эти «Ба-ба-ба-ба», которые очень к месту!.. И Юра Никулин был очень музыкальным человеком, запомнил «Зайцев» мгновенно…

– И вы их все слушали?!

– Да, – отвечает Тэд. – У меня здесь магнитофон, а слева и справа от стола – по здоровенной корзине. Мне подавали уже открытые кассеты, и я их ставил. Если через десять секунд не слышал ничего хорошего, – кидал кассету в левую корзину и больше уже к ней не возвращался. Если доходил до припева, но в припеве не было ничего яркого, – туда же ее, в левую корзину. Если слышал что-то вразумительное, – кидал в правую. С первого раза отсеялось сорок тысяч. Оставшиеся десять тысяч слушал второй раз. Из них выделил триста. Слушал их еще раз. Оставил тридцать. И уже эти тридцать слушало жюри и определяло победителей…

Это были гигантские фестивали! Вот почему по одной песне на кассете. Если перематывать и искать нужную, можно сто лет мотать и слушать. Мотать и слушать. Тэд же тратил всего несколько дней.

Кстати, первый раз нам премию в Союзе кое-как выплатили. А когда мы с Алей пошли получать второй раз, нам сказали:

– Теперь с премии государственный налог восемьдесят процентов!

Мы с Алей посмотрели друг на друга, и Аля говорит:

– Может, откажемся?..

– Конечно, откажемся! – согласился я. – Пусть дома в рамке висит этот чек!..

И мы отказались. Правда, рамки для чеков так и не сделали…

Гаишники проявляют лояльность. Иногда

После выхода «Операции «Ы», а особенно – после «Кавказской пленницы» меня уже знали. В те времена выпускали гибкие пластинки, и у меня была такая с музыкой и песнями из «Кавказской пленницы». Я возил в машине штук десять на всякий случай. Для творческих встреч с инспекторами ГАИ. Я же не актер, меня в лицо не знают!.. Юру Никулина останавливают и сразу:

– О!.. Юрий Владимирович, вы мне подпишите автограф? Езжайте, езжайте! Это не красный свет был, а зеленый, мне просто показалось!..

А моя физиономия неузнаваемая. Значит, нужно применять иные средства!

Свисток, мелькает волшебная полосатая палочка…

– Здрасте!

– Здрасте! Вот, вы тут нарушили! Сделали разворот. А видите: знак тут справа?

Это, например, было на Сущевском Валу. Там четырехрядное движение, я становлюсь в левый ряд, чтобы развернуться, а в правом ряду вверху, на столбе – запрещающий знак. Рядом стоит троллейбус, из-за которого этот знак не виден.

– Я знак не видел, – говорю. – Троллейбус мешает. Почему бы вам не повесить знак по центру, чтоб всем было видно?

– А там столба нет! – отвечает инспектор.

– Может, растяжку повесить какую-нибудь? – предлагаю. – Хотите я вам помогу?

Шучу так. Иногда юмор принимают, иногда – нет.

– Вы тут не разговаривайте, я вот вам сейчас дырку сделаю!..

Раньше в водительском талоне дырки делали в качестве предупреждений. Тут уж приходится козыри открывать:

– Ну, за что же вы бедного композитора наказать хотите?.. Вы «Кавказскую пленницу» смотрели? Вот я вам пластиночку подарю…

– Да?.. – смягчается инспектор. – А напишите там, что это мне…

Пишу: «Дорогому Васе…» Ставлю автограф.

– Спасибо. Езжайте!

Редко кто говорил:

– А какая мне разница, композитор вы или нет? Вы нарушили!..

И он в принципе прав…

А однажды моя французская жена приезжала в Россию, и мы в Петербурге пошли в какой-то музей. И кто-то меня узнал. Иногда я все-таки по телевизору выступал. Редко, правда. Никогда туда не рвался. Можно было и часто мелькать на экране, но для этого нужно было куда-то бегать, кому-то звонить, дружить с теми, с кем не хочу. Зачем мне все это?

И вот в музее дает мне кто-то бумажку, чтобы я подписал автограф. А моя жена удивленно и восторженно:

– О, значит, ты такой знаменитый, что тебя узнают!..

Ей было даже приятнее, чем мне.

Но такое случается нечасто. Правда, летел недавно из Парижа в Москву, и молодая пара меня узнала. Спрашивают:

– Над чем работаете, Александр Сергеевич?

На самом деле не главное в жизни, чтобы тебя узнавали на улице. Хотя, чего греха таить, это не лишено приятности…

Но вот если искренно похвалит коллега и расшифрует: как я сделал это, как – то, и все действительно совпадет с тем, что я нашел, открыл, – это особенно приятно! Но самое дорогое, если произведение живет.

Хинди, музыка и лень

Моя дочь Лена, любимая и единственная, тоже окончила музыкальную школу. Можно было идти в музыкальное училище, но она не захотела.

– Я, конечно, готова учиться музыке, – сказала она, – если вы будете настаивать. Но мне бы хотелось поступить в МГИМО, стать переводчицей…

Вся семья, 2012 год

Поступила. Хотела на японский язык, взяли на хинди. Окончила институт, поехала на год на практику в Индию. Объехала всю страну.

Мой внук Саша тоже учился музыке. Очень способный, но настолько же и ленивый. Благодаря его лени мы и познакомились со Светланой Григорьевной… А так бы я, наверное, уже не женился. Можно сказать, это прекрасный подарок внука, о котором я и не мечтал.

Саша и прадедушка

Лена сейчас работает в ВОЗ, заведует русской секцией. Внук учился в консерватории, сейчас у него строительный бизнес.

Трудно быть по пояс деревянным…

Семья – это лучшие твои друзья, самые близкие люди. Когда после смерти Светланы я женился на француженке, было очень трудно: у нас совершенно разный менталитет. Кроме того, сковывал язык. Она неважно знала английский, я тоже не очень. Поэтому мы общались на примитивном уровне. Я говорю – она не понимает!.. И это не способствовало укреплению семьи. Наверно, постепенно я выучил бы французский язык, и дело пошло лучше, если бы не то, что произошло…

Она привыкла к своему укладу. Помню, первый раз в Париже мы сели вместе завтракать на кухне. Играет радио. Я говорю:

– Женевьева, смотри, погода хорошая! Может, сходим куда-нибудь?

Она резко выключает радио:

– Я привыкла утром слушать радио!

– Ну, я же не знал… – мямлю. – Ты объясни мне…

Ладно, молчу.

На следующее утро она опять включает радио. Я молчу. Разговаривать же нельзя!.. Она вдруг резко выключает радио:

– Почему ты не говоришь со мной?!

– Ты же сказала, что привыкла слушать радио…

Постепенно, конечно, это сглаживалось. В общем-то, она была очень добрая женщина. Но знания языка нам очень не хватало. И теперь, когда меня иногда спрашивают, о чем я жалею, могу сказать точно. Что не учил в юности языков! Но в мое время не очень-то приветствовалось знание языков. Напишешь в анкете, что хорошо знаешь, так за тобой будет присматривать КГБ: а вдруг станешь шпионом!..

А без языка очень трудно. Хочешь что-то сказать, пошутить – и не можешь. И понять шутку не можешь…

А я же без юмора жить не люблю! Наверное, иногда мои шутки плоские, как рыба камбала, но я все равно пытаюсь… Светланка-то привыкла к этому. Мы еще с молодости что-то постоянно изобретали типа: «Дареному коню очки не помогут!» Смеялись, нам это нравилось, она тоже постоянно шутила. А с француженкой этого не было.

После смерти Светланы и моей неудачной женитьбы на Женевьеве вокруг меня образовался какой-то вакуум. Я же семь лет был холостяком. Правда, тогда я жил с семьей дочери и не ощущал одиночества. Со Светланой Григорьевной тоже, конечно, пришлось притираться… Она очень добрая, порядочная, прекрасный кулинар, любила готовить. Когда уезжала куда-нибудь, всегда готовила мне всего впрок, чтобы, говорит, ты спокойно жил. Очень заботливая!..

Мы старались ездить повсюду вместе. Но у нас иногда бывали разлуки. На месяц, а то и больше. Она – в России, а я во Франции работаю на даче. Или наоборот: я – тут, она – там. Самому надо что-то приготовить, куда-то съездить, купить… Я покупаю себе продуктов сразу на неделю, чтобы раз-два – поджарил, съел и побежал к роялю. Сначала работаешь, вроде все хорошо, но потом начинаешь ощущать, что не хватает Светланы Григорьевны…

А я же без юмора жить не люблю! Наверное, иногда мои шутки плоские, как рыба камбала, но я все равно пытаюсь…

У нее во Франции были ученики. Светлана хорошая пианистка, работала в Гнесинском институте. Она крепко, по-мужски играла сложные вещи Скрябина, Рахманинова… Французы были просто поражены! Известно же, что русская фортепьянная школа – одна из самых сильных в мире.

Недалеко от нашей церкви жил местный мэр. Он – учитель, очень хороший человек, мы с ним в дружеских отношениях. У него дома инструментальное ателье, там у него есть все: от пилы

до сварочного аппарата. Мэр, как и я, все делает себе сам. Как-то мне нужно было приварить что-то на велосипеде, так я к нему… Для жителей округа раз в год он организует в церкви концерты местными силами. Там и Светлана со своим учеником выступала, и внук Саша. Все бесплатно, все делают сами жители. Во Франции вообще многое делается на общественных началах. Прошел ураган, повалились деревья или нефть разлилась – люди приходят и работают бескорыстно.

И вот каждый год Светлана готовила программу. Этот концерт – праздник, событие в жизни нашего округа. Слушателей собирается человек двести…

…Конечно, моим женам всегда было нелегко со мной. Моя первая Светланка прекрасно сознавала, что для меня вся жизнь – это музыка, работа. Иногда где-то проскальзывало: мол, я, конечно, все понимаю, но порой такая тоска берет!.. Я же в гости ходить не любил: только время теряешь!.. Ну, ходили мы на день рождения, предположим, к Лене Дербеневу, еще к кому-нибудь. И Светланка была такая радостная, что мы наконец-то идем куда-то в люди!..

Я, несомненно, полный истукан. Такая каменная башка с острова Пасхи. Очень виноват перед Светланкой. Я ее любил, но посвятил жизнь музыке. А она посвятила жизнь мне, сознательно лишая себя многих мирских радостей. Когда еще работала в музыкальной школе, это была хоть какая-то отдушина для нее. А все время дома сидеть – конечно, тяжело…

То же самое и с моей последней Светланой. Она жаловалась порой:

– В театры не ходим, в гости не ходим, гулять не ходим!..

Конечно, она права! Но если человек – истукан, как я, то это надолго. Скорее всего, навсегда. Правда, порой она меня все-таки куда-нибудь вытаскивала. То в гости, то в США, Испанию, Гваделупу…

Я, несомненно, полный истукан. Такая каменная башка с острова Пасхи. Очень виноват перед Светланкой. Я ее любил, но посвятил жизнь музыке. А она посвятила жизнь мне, сознательно лишая себя многих мирских радостей.

Гениям легче. А нам… работать!

Для меня звук у рояля представляется нейтральным, черно-белым. Закрыв глаза, могу представить: это скрипка, это кларнет, вот здесь виолончель… Когда купил себе муромский электроорган «Юность», хотел работать на нем с наушниками, чтоб не докучать своим близким и соседям. Но у него такой назойливый тембр!.. Он уже изначально как будто ярко-красный, и из него невозможно сделать голубенький или желтенький. Сейчас на синтезаторе чаще всего включаю рояль, иногда электропиано, у него более продолжительный звук, приятный тембр.

Как рождается музыка? Как складывается образ?.. У каждого по-разному. Такой гений, как Моцарт, например, мог просто закрыть глаза и сочинить полностью все произведение, мысленно аранжировать его и только потом записать. Но это – гении!.. Мне же приходится трудиться. Сначала сочиняется какая-то тема. Один знакомый музыкант делает так: сначала – гармонию, аккорды, а потом – мелодию. Я ему говорю:

– Ты же себя сковываешь! Создаешь какой-то размер, как в стихах, ямб там или хорей, а потом пытаешься в него уложиться! Пиши мелодию, какую хочешь, а какой потом получится размер – не важно.

Я делаю наоборот. Сначала рождается тема. Это автоматически приходит. Если сажусь за рояль и начинаю играть – складывается мелодия. С гармонией, аккордами. Плохая она или хорошая, сразу определить не могу. Но благодаря уже большому опыту понимаю, например, что она средняя. Ищу варианты. На какое-то время откладываю, чтобы потом представить, будто я слушатель, а не автор. И тогда сразу слышу все недостатки: тут плохо, там плохо, это вообще надо все выбросить! Так тоже часто бывает. Иногда, если пишу песню, прилягу и мелодию пою про себя. Когда она более или менее сложится, иду к инструменту и играю. Иногда сыграю в другой тональности. А то привыкаешь к одной окраске, а сделаешь выше или ниже – звучит уже по-другому.

Если это, например, пьеса для фортепиано, то, конечно, играю ее на рояле. Хотя какая-то тема может прийти и без фортепиано. Потом сажусь к инструменту, и идет импровизация. Потом могу это изменять, шлифовать.

Бывает, как, наверное, и у поэтов, когда напишутся две хорошие строчки или четверостишие, а дальше – ну никак! И у меня случается: получится запев или припев, а дальше не идет.

Тогда откладываю в сторону, пусть полежит. Потом что-нибудь придумается. Или нет.

Практически все время делаешь на конкретного исполнителя. Если у Гайдая, то я знал, например, что будет Юра Никулин петь. Или в «Иване Васильевиче» пела Нина Бродская «Теряют люди друг друга». Это не значит, что требуется нечто особенное. Хотя, конечно, учитываешь возможности, диапазон исполнителя. Некоторые могут, например, субтоном петь, таким снятым голосом, но у них драматических красок мало. А Пугачева может и субтоном петь, и красивым ярким голосом.

Однажды она пришла ко мне на запись, а фонограмма песни не была готова. Я говорю:

– Извини, не пришли музыканты… Записан только бас и барабан.

– А давайте я попробую спеть? – предложила Алла.

И блестяще записала песню…

Вот, к примеру, Исаак Дунаевский. Я всегда считал его у нас композитором номер один. К сожалению, его музыку сейчас редко играют, она незаслуженно забыта, хотя можно было бы современную аранжировку сделать… Когда он писал музыку для фильма, то приносил режиссеру по три-пять (а то и больше) вариантов песни! Потом находил лучший из них, и тогда песня попадала в фильм.

У меня тоже бывает несколько вариантов одной вещи.

Мой консерваторский педагог Евгений Григорьевич Брусиловский говорил мне, когда я на первом курсе приносил ему свое новое произведение:

С Раймондом Паулсом, Юрмала, 2010 год

– Шура, ну, скучная тут мелодия!.. Вот смотрите: тут нота «ре», потом дальше опять «ре». У вас за короткое время шесть раз повторяется «ре». Это создает статичность. Вы все долбите ее, долбите!.. Может, она отдельно и не слышна, но в целом получается не очень…

Я говорю:

– Да, но у меня здесь гармония изменяется, аккорды!..

– Шура, – улыбался он, – народ гармонию не слышит! Народу надо мелодию!..

Я это тогда хорошо запомнил.

Короче, пилите, Шура! Шлифуйте мелодию!..

Ах, этот неувядаемый бах!.

В детстве мне очень нравились Глинка и Чайковский. Прокофьева поначалу не понимал. Мой приятель Жора Иванов, впоследствии ставший ректором Новосибирской консерватории, с которым мы вместе в музыкальной школе учились, говорил:

– Посмотри, какая музыка у Прокофьева! Ты послушай, вот «Петя и волк»… Как здорово сделано вот это, это!..

Он меня просвещал. И потом мне Прокофьев действительно понравился. Ведь человеку не нравится потому, что он не понимает. Ему надо объяснить, несколько раз послушать, и он поймет. Так – в любом искусстве.

У Жоры Иванова отец – музыкант. А у меня музыкантов в семье не было. Родители любили музыку, но, наверное, не могли объяснить мне, чем, например, отличается Прокофьев от Рахманинова.

Неувядаемый Бах!.. Сам я в такой манере не играю. Но иногда какие-то вещи слышишь, видишь их полифоническое гармоническое построение и думаешь: Бах это уже давным-давно открыл, все это было!..

Вот возьмем песню «Осенние листья» французского композитора Владимира Косма, ее во всем мире играют. По этой гармонической сетке очень много песен написано. И все идет от Баха, хотя мы и не задумываемся об этом.

Я воспитывался не только на классике, но и на джазе. Правда, нот джазовых никаких не было, только радиоприемник. Когда сам научился паять приемники и мог уже слушать Би-би-си, мне очень нравилась певица Элла Фицджеральд. Она пела прекрасные песни композиторов Портера, Гершвина.

Нравились Мусоргский, Рахманинов, Стравинский. Из современных композиторов – Губайдулина, Шнитке. Я как-то партитуру Губайдулиной смотрел, как она это делает. Очень интересный талант!

Что касается кино и эстрады, то для меня все началось с фильма «Серенада солнечной долины». Там звучат мелодии Гленна Миллера. В разных аранжировках они живут до сих пор. Это классика.

Конечно, «Битлз». Группа «Кровь, пот и слезы». Это рок-музыка шестидесятых годов. Я ее сначала не понял. В то время я писал «Есть только миг». Как-то приходит дочь и говорит:

– Папа, все это хорошие песни. Наши ребята их знают. Но они говорят, что ты пишешь для своего поколения!

Наверно, так и было. Да, подумал я, мне надо понять эту

новую музыку. После джаза с его сложными гармониями она казалась очень простой, даже примитивной. А Лена говорит:

– Ну, что ты, папа! Вот послушай, например, «Битлз» – «Мишель»…

И я стал слушать. Один альбом, другой…

Я мысленно представил, что плыву по реке и от реки отходит в сторону протока, куда плывут молодые. А я плыву и в протоку не сворачиваю. Но если сейчас поплыву против течения, то еще успею в эту протоку. Пусть даже окажусь там не в авангарде, но все-таки попаду в новое русло. А чем дальше буду плыть по течению, тем труднее будет вернуться в протоку…

И я бросился изучать новые направления в эстраде. Купил пластинки, ребята дали. Наконец стал что-то понимать в этой музыке. Надо не просто сравнивать, например, с джазом, а понять, почему именно так сделано, а не по-другому.

И мне стало нравиться! Я начал сочинять в этом стиле. Ко мне приходили музыканты, слушали и потихоньку улыбались: все-таки это было еще не совсем то…

Я понаписал массу произведений, экспериментировал, но песен еще в таком ключе не было. Все это выплеснулось в фильме «31 июня». Там уже все музыканты сказали:

– Это как раз то, что надо!

А в те времена и музыкантов-то, играющих в новом направлении, трудно было найти. Когда я был в Италии с фильмом «Красная палатка», меня водили в студию, где они записывают музыку для кино. В тот момент там шла запись какого-то рок-произведения. И мне говорили:

– У нас сплошные мученья! Обычных музыкантов сыграть эту музыку мы пригласить не можем: они не умеют. Приходится работать с рок-музыкантами. А они и нот-то не знают, но играют в нужном стиле.

В России было так же. А теперь все научились и ноты знают…

Раньше, когда я записывал джазовую музыку, то работал с Жорой Гараняном, саксофонистом Лешей Зубовым, пианистом Борей Фрумкиным. Был отличный джаз-оркестр Людвиковского. Прекрасные музыканты, но рок тоже не чувствуют, потому что это совсем другое.

Во Франции два звездных композитора – Гинзбург и Легран. У кого ни спросишь в России про Гинзбурга – никто не знает. А там он – номер один! Сам играл на гитаре, пел рок– и поп-музыку. Был очень популярен среди молодежи. Ему было за шестьдесят, а молодежь пела его песни. К сожалению, он спился.

Гинзбург был евреем из России. Правда, точно не знаю, может, он родился во Франции, но корни – из России. А

знаменитый американский джаз-оркестр Бени Гутмана! Он тоже из России. Очень много наших талантливых музыкантов разбросано по всему миру.

Конечно, не могу не упомянуть Элтона Джона, Стинга.

…Вот пришла ко мне девочка за песней, говорит:

– Не хочу петь попсу! Это музыка для детей младшего школьного возраста…

А у нас же идет погоня за деньгами! Видимо, должно пройти какое-то время, чтобы люди, которые хотят слушать более сложную музыку, стали зарабатывать больше. Тогда они смогут пойти на концерт, купить диск. Сейчас это невозможно! Должен подняться уровень жизни в стране. Вот моя племянница Наташа преподает в московской школе. Кандидат наук, имеет 15-й разряд (всего 18). Зарплата – мизерная. А мой друг Ален, тоже преподаватель, получает в Париже три тысячи долларов. А цены в Москве и Париже примерно одинаковые. Некоторые товары даже в Москве дороже.

«Есть только миг!..»

Любимые фильмы – как любимые женщины. Их помнишь и любишь всю жизнь. Даже спустя многие годы. Они не меняются и не стареют…

Мои самые любимые фильмы – гайдаевские. «Операция «Ы», «Кавказская пленница», «Бриллиантовая рука», «Иван Васильевич меняет профессию», «Двенадцать стульев»…

На этих фильмах я работал с огромным удовольствием.

Из «Двенадцати стульев» почему-то вырезали песню «Зебра» («И не надо зря тратить нервы, вроде зебры жизнь, вроде зебры…»). Тема идет, а песню вырезали. Было очень обидно. Песня по радио крутилась, на пластинке вышла, а в фильм не попала. Вот уж где нет ничего «криминального»!.. Хотя… Если быть по-настоящему бдительным, то, конечно, есть «криминал»! Сегодня – черный цвет, завтра – белый… Так это ж белая армия! Песня явно попахивает контрреволюцией!.. Не заметить этого может только глухой… А там сидели не глухие!..

Конечно, я люблю и «Красную палатку» Михаила Калатозова. Это, пожалуй, самый интересный из серьезных фильмов, в котором мне предложили работать…

…Я не философ и не берусь точно определить, что такое счастье. Иногда что-то глобальное не получается из-за какой-нибудь ерунды. Ну, не состоялся, к примеру, у меня контракт с американцами!.. Ну, не успели наши записать мою музыку к итальянской версии «Красной палатки»!.. Кажется, все могло бы круто измениться! Но по большому счету от этих досадных неудач жизнь моя особо не ухудшилась. Ну, заработал бы кучу денег, выпустил бы больше пластинок!.. Ну раз так вышло… Не судьба! Я на это закрываю глаза, будто ничего и не было.

Я оптимист. Можно, конечно, зацикливаться на неудачах, все время их вспоминать, переживать… Фантазировать: был бы я уже миллионером, ездил бы на «Роллс-Ройсе», носил бы часы «Ролекс» ценою в «шестисотый» «Мерседес»!..

Но меня и мои недорогие часики вполне устраивают. Главное ведь – ходят!

И я счастлив.

Если имеются в запасе какие-то болезни, то у кого их нет? Особенно в мои годы. Ну, поболит спина, если рояль передвину. Так он добрых полтонны весит!.. Я себе тогда говорю:

– Чего ты переживаешь? Завтра все пройдет! А как же парализованный человек живет? Или без ноги?.. Выходит, им впору вообще в петлю лезть?.. Нет, у тебя все нормально, ты

счастливый!..

Хочешь быть счастливым – будь!

А переживать по пустякам стараюсь поменьше. Хотя, конечно, бывают и обидные пустяки. Вот, к примеру, такой. Несколько раз встречался я с моим коллегой, замечательным французским композитором Франсисом Лэем (Francis Lai). Все знают его прекрасную музыку к фильмам «Мужчина и женщина», «История любви»… У него много и другой замечательной музыки. Кстати, в молодости он был вторым аккордеонистом у Эдит Пиаф. У него чудесная квартира на Трокадеро, два последних этажа. На последнем – студия отличная, а ниже – сама квартира. Таким образом, соседи его не слышат.

Мы говорили с ним о работе, пили кофе. Он очень простой, открытый, доброжелательный, с ним интересно общаться. Как-то говорили о контрактах в кино и авторских правах. Когда я ему рассказал, что у меня диск был выпущен после «Кавказской пленницы» тиражом в пять миллионов, а с Пугачевой был восемь миллионов, брови у него взлетели вверх.

– Если б у тебя тут были такие тиражи, – сказал он, – ты был бы миллионером!..

В советское время я получал очень приличные деньги. Каждый ресторанчик отчислял авторские – композитору и поэту – за исполнение их песен; понемногу, понемногу, но набиралось немало. А сейчас певцы чаще всего получают гонорар в конвертах и про авторов, естественно, забывают…

Помню, как однажды после благотворительного концерта во французской деревне, где у меня была дача и где Светлана играла и я играл, на следующий день организатор получил письмо из авторского общества с просьбой прислать подтверждение, что это был именно благотворительный, а не коммерческий концерт. Вот как там отслеживают авторские права! А в России!.. Артисты, исполняя наши произведения, строят себе дачи, покупают дорогие машины, а нам из их конвертов ничего не перепадает… Приходят только небольшие отчисления с радиостанций и телевидения. Но я не жалуюсь, просто немного обидно…

…Леня Дербенев, блистательный поэт и мой друг-соавтор, когда-то написал гениальные строки:

Есть только миг между прошлым и будущим,
Именно он называется жизнь!..

Кое-что вместить в этот миг мне удалось. Много это или

мало? Не знаю. Наверно, не мне судить. Главным в жизни для меня всегда была и остается работа. Поэтому – не планируя (что толку, если прошлого уже нет, а будущего еще нет!), просто работаю.

> Я оптимист. Можно, конечно, зацикливаться на неудачах, все время их вспоминать, переживать… Фантазировать: был бы я уже миллионером, ездил бы на «Роллс-Ройсе», носил бы часы «Ролекс» ценою в «шестисотый» «Мерседес»!..

Хорошо бы, конечно, написать еще пару-тройку мюзиклов, один-два балета, музыку к десятку-другому фильмов (здорово, если бы с песнями!). Это минимум. А там – видно будет! Миг – ведь он длинный, его и растянуть можно!..

Итоги подводить рано, и все-таки…

…Я решил составить список своих произведений. «Вспомнить все» не удалось, процентов восемьдесят-девяносто. Сочинять надо было поменьше. Был бы красивый, короткий списочек.

Вот что получилось.

Сюиты, симфонии и прочее

1. «Пионерская сюита» для фортепиано, 1950.
2. Фортепианное трио, 1951.
3. Струнный квартет, 1954.
4. Индийская сюита для симфонического оркестра, Симфонический оркестр Московского радио, 1955.
5. Токатта для фортепиано, 1957.
6. Сюита из балета «Старик Хоттабыч», Симф. оркестр Моск. радио, 1957.
7. Балет «Старик Хоттабыч» (по одноименной книге Л. Лагина, либретто Абирова) в трех действиях, 1957. Поставлен в Театре оперы и балета города Алма-Аты в 1962 году.
8. Две прелюдии для фортепиано, 1958.
9. Сюита на темы народов Азии и Африки для симф. оркестра, Симф. оркестр Моск. радио, 1964.
10. Африканский танец для симф. оркестра, Симф. оркестр Моск. радио, 1966.
11. Восемь романсов («Память солнцу» на стихи А. Ахматовой, «Ищу спасения» на стихи А. Блока, и другие на стихи В. Маяковского, О. Мандельштама, Б. Пастернака, Б. Ахмадулиной), 1990.

Музыка к спектаклям

(Алма-Атинский русский драматический театр):
1. «Изобретательная влюбленная» (Лопе де Вега), 1952.
2. «Слуга двух господ» (К. Гольдони), 1953.
3. «Доктор философии» (Б. Нушич), 1954.
4. «Джордано Бруно», 1954.
5. «Любовь Ани Березко» (О. Пистоленко), 1955.
6. «Испанцы» (М. Лермонтов), 1955.
7. «Наследники» (Н. Анов), 1956.
8. «Дама-невидимка» (Кальдерон), 1956.
9. «Чудак» (Н. Хикмет), 1957.
10. «Битва в пути» (Г. Николаева), 1957.

Музыка к кинофильмам

1. «Карьера Жакипова», Казахфильм, 1956.
2. «Мы здесь живем», Казахфильм, 1956.
3. «Наш милый доктор», Казахфильм, 1957.
4. «Признание», Киргизфильм, 1957.
5. «Шквал», Казахфильм, 1958.
6. «Дорога жизни», Казахфильм, 1959.
7. «Песня зовет», Казахфильм, 1960.
8. «Совершенно серьезно», Мосфильм, 1961.
9. «Чужой бумажник», Мосфильм, 1961.
10. «Эй, кто-нибудь!», Мосфильм, 1962.
11. «Как рождаются тосты», Мосфильм, 1962.
12. «Мальчик мой», Казахфильм, 1962.
13. «На старте миллионы», ЦСДФ, Москва. 1963.
14. «Ты не один», Мосфильм, 1963.
15. «Любит, не любит». Таджикфильм, 1963.
16. «Четыре песни о Таджикистане», Таджикфильм, 1963.
17. «Эстрадная фантазия», Мосфильм, 1964.
18. «Ситцевая улица», Союзмультфильм, 1964.
19. «Теория относительности», Научпоп, 1964.
20. «Латуня», Научпоп, 1964.
21. «На завтрашней улице», Мосфильм, 1965.
22. «Операция «Ы» и другие приключения Шурика», Мосфильм, 1965.
23. «Петух», Туркменфильм, 1965.
24. «Дельфин и люди», ЦКДС, 1965.
25. «Медвежий цирк, ЦКДС, 1965.
26. «Буквы из ящичка радиста», Союзмультфильм, 1965.
27. «Почему скачет мяч?», Научпоп, 1965.
28. «Слон Хортон», Союзмультфильм, 1966.
29. «Человек без паспорта», Мосфильм, 1966.
30. «Формула радуги», Одесская киностудия, 1966.
31. «Растрепанный воробей», Киевмультфильм, 1966.
32. «Нужный человек», Таджикфильм, 1966.
33. «Честное крокодильское», Союзмультфильм, 1966.
34. «Фильм, фильм, фильм», Союзмультфильм, 1967.
35. «Кавказская пленница», Мосфильм, 1967.
36. «Лето», Таджикфильм, 1967.
37. «От снега до снега», Одесская киностудия, 1967.
38. «Белый рояль», Таджикфильм, 1968.
39. «Ангел в тюбетейке», Казахфильм, 1968.
40. «Чайки над волнами», Казахфильм, 1969.

41. «Красная палатка», Мосфильм – Италия, 1969.
42. «Бриллиантовая рука», Мосфильм, 1969.
43. «Золотой мальчик», Союзмультфильм, 1969.
44. «Последнее дело комиссара Берлаха», Одесская киностудия, 1970.
45. «Свистать всех наверх!», Киностудия им. Горького, 1970.
46. «Тахир и Зухра», Таджикфильм, 1970.
47. «Ну, погоди!», 2-я серия, Союзмультфильм, 1971.
48. «Двенадцать стульев», Мосфильм, 1971.
49. «Тайник у красных камней», Киностудия им. Довженко, 1972.
50. «Земля Санникова», Мосфильм, 1973.
51. «Иван Васильевич меняет профессию», Мосфильм, 1973.
52. «Ни слова о футболе», Киностудия им. Горького, 1973.
53. «Застава «Красные камни», Киностудия им. Горького, 1973.
54. «Между небом и землей», Молдовафильм, 1974.
55. «Не может быть», Мосфильм, 1975.
56. «Капитан Немо», 1-я серия, Одесская киностудия, 1974.
57. «Капитан Немо», 2–3-я серии, Одесская киностудия, 1975.
58. «Центровой из поднебесья», Киностудия им. Горького, 1975.
59. «Командир счастливой «Щуки», Мосфильм, 1975.
60. «Повесть о человеческом сердце», 1-я серия, Мосфильм, 1975.
61. «Повесть о человеческом сердце», 2-я серия, 1976.
62. «Отважный Ширак», Таджикфильм, 1976.
63. «Бросок, или Это все началось в субботу», Мосфильм, 1976.
64. «Фантазии Веснухина», Одесская киностудия, 1976.
65. «Красные дипкурьеры», Одесская киностудия, 1977.
66. «Инкогнито из Петербурга», Мосфильм, 1977.
67. «Повар и певица», Таджикфильм, 1977.
68. «Женщина, которая поет», Мосфильм. 1978.
69. «31 июня», 2 серии, Мосфильм, 1978.
70. «Узнай меня», Киностудия им. Довженко,1979.
71. «За спичками», Мосфильм – Суомифильм (Финляндия), 1979.
72. «Петля Ориона», Одесская киностудия, 1980.
73. «Тайна третьей планеты», Союзмультфильм, 1980.
74. «Душа», Мосфильм, 1980.
75. «Спортлото-82», Мосфильм, 1981.
76. «Красиво жить не запретишь», Киностудия им. Горького, 1982.

77. «Самоубийца», Neve deutsce filmgesellschaft MBM, Германия, 1983.

78. «Она с метлой, он в черной шляпе», Киностудия им. Горького, 1987.

79. «Сабля без ножен», Одесская киностудия, 1987.

80. «Девушки из Согдианы», Таджикфильм, 1987.

81. «Остров погибших кораблей», Ленфильм, 1987.

82. «Приключения Арслана», Узбекфильм, 1988.

83. «Где находится нофелет?», Мосфильм, 1988.

84. «Артистка из Грибова», 1-я серия, Мосфильм, 1988.

85. «Артистка из Грибова», 2-я серия, Мосфильм, 1989.

86. «Продавец снов», Узбекфильм, 1989.

87. «Частный детектив, или Операция «Кооперация», Мосфильм, 1989.

88. «Остров», 1-я серия, Мосфильм, 1989.

89. «Остров», 2-я серия, Мосфильм, 1990.

90. «Восточный коридор, или Рэкет по…», Казахфильм, 1990.

91. «Болотная стрит, или Средство против секса», Ялтинская киностудия, 1991.

92. «В Одессе хорошая погода, а на Брайтон-бич опять идут дожди», Мосфильм, 1992.

93. «Казус белли», Студия «12 А» и студия «Угол», 2002.

94. «Красная капелла», телесериал, ВГТРК, Рижская киностудия, Рекун-ТВ, 2004.

Песни

1. «В пути», 1950.
2. «Ах, нету, нету…», слова народные, 1951.
3. «Город юности», стихи Л. Кривощекова, 1952.
4. «Комсомольская дорожная», стихи Л. Кривощекова, 1952.
5. «Урожайная», 1952.
6. «Над Иртышом», стихи Л. Скалковского, 1953.
7. «Мерседес», стихи О. Атаянц, 1954.
8. «В час вечерний», стихи О. Атаянц, 1954.
9. «Новогодний вальс», стихи О. Атаянц, 1954.
10. «Песня юннатов», стихи Л. Кривощекова, 1954.
11. «Песня юных путешественников», стихи В. Бычко.
12. «Здравица», стихи И. Неходы, 1955.
13. «Фестивальный вальс», стихи О. Атаянц, 1955.
14. «Моя любовь», стихи О. Атаянц, 1955.
15. «Приходи, мой ласковый», стихи Д. Рябухи, 1955.
16. «Пионеры Казахстана», стихи Л. Кривощекова, 1956.
17. «Комсомольская целинная», стихи М. Маркова, 1956.
18. «Через тысячи полей», стихи М. Маркова, 1956.
19. «Маляр», стихи Д. Дятеловской, 1956.
20. «Сердце, успокойся», стихи Я. Зискинда, 1956.
21. «На коне», стихи Я. Зискинда, 1956.
22. «Колыбельная», стихи Я. Зискинда, 1956.
23. «Надо мною небо синее», стихи Я. Зискинда, 1956.
24. «Песня о весне», стихи Я. Зискинда, 1956.
25. «Золотые шумят хлеба», стихи Л. Кривощекова, 1958.
26. «Колыбельная», стихи О. Атаянц, 1958.
27. «Догорела зорька ясная», стихи Л. Кривощекова, 1958.
28. «Лирическая песня», стихи Л. Кривощекова, 1958.
29. «Пионерская походная», стихи Ю. Полухина, 1960.
30. «Умелые руки», стихи М. Садовского, 1960.
31. «Телефон», стихи Ю. Полухина и Б. Гайковича, 1960.
32. «Синий вечер подари», стихи Ю. Полухина и Б. Гайковича, 1960.
33. «Дружные ребята», стихи Ю. Полухина и Б. Гайковича, 1960.
34. «Песня лучшая моя», стихи Ю. Полухина и Б. Гайковича, 1960.
35. «Я тринадцатая дочь», стихи Ю. Полухина и Б. Гайковича. 1960.
36. «Четверо девчат», стихи Ю. Полухина, 1961.
37. «Здравствуй, новая Африка», стихи В. Фельдмана, 1962.

38. «Я ждала любимого», стихи А. Галиева, 1962.
39. «Позови меня», стихи А. Галиева, 1962.
40. «Расстаться нам нельзя», 1962.
41. «Звучи, наш праздничный тост!», стихи М. Матусовского, 1962.
42. «Зовут неведомые дали», стихи А. Дитриха, 1962.
43. «Звездочка на льду», стихи К. Ибряева, 1962.
44. «Песня Деда Мороза», стихи А. Рождественской, 1962.
45. «Песня заводных кукол», стихи А. Рождественской, 1962.
46. «Песня петрушек», стихи А. Рождественской, 1962.
47. «Нет покоя мне», стихи Ю. Цейтлина, 1963.
48. «Марш юности», стихи А. Галича, 1963.
49. «Песня о Душанбе», стихи Е. Долматовского, 1963.
50. «Дочери Таджикистана», стихи Е. Долматовского, 1963.
51. «Лирическая песня», стихи Е. Долматовского, 1963.
52. Четвертая песня из к/ф «Четыре песни о Таджикистане», стихи Е. Долматовского, 1963.
53. «Гордая девушка», стихи Л. Куксо, 1963.
54. «Мишка», стихи О. Фадеевой, 1964.
55. «Незадачливый турист», стихи О. Фадеевой, 1964.
56. «Конь», стихи О. Фадеевой, 1964.
57. «Застава в горах», стихи Вал. и А. Днепровых, 1964.
58. «Первое признание», стихи Г. Регистана, 1964.
59. «Гульнара», стихи Г. Регистана, 1964.
60. «Ах, весна!», стихи Г. Регистана, 1964.
61. «Ну и пусть», стихи Г. Регистана, 1964.
62. «Огни Москвы», стихи Г. Регистана, 1964,
63. «Город родной», стихи Г. Регистана, 1964.
64. «Тебе, любимая», стихи Л. Куксо, 1964.
65. «Сын Килиманжаро», стихи В. Фельдмана, 1964.
66. «Наш воробышек», стихи А. Зацепина, 1964.
67. «Зимняя песенка», стихи В. Фельдмана, 1964.
68. «Самая хорошая», стихи Г. Регистана, 1964.
69. «Эта песня о тебе и обо мне», стихи Л. Дербенева, 1964.
70. «Костер на снегу», стихи Л. Дербенева, 1964.
71. «Вышли в небо звезд горошины», стихи Л. Дербенева, 1964.
72. «Великий, он же Тихий океан», стихи Л. Дербенева, 1964.
73. «Улетают к теплу соловьи», стихи В. Фельдмана и Н. Серова, 1964.
74. «Стюардесса», стихи Д. Точева, 1964.
75. «Просто был мороз», стихи Л. Дербенева, 1964.
76. «Лето прошло», стихи Л. Дербенева, 1964.
77. «Солнечный берег», стихи Л. Дербенева. 1965.

78. «Песенка ни о чем», стихи Л. Дербенева, 1965.
79. «Горизонт», стихи Л. Дербенева, 1965.
80. «Московские такси», стихи Д. Точева, 1965.
81. «Бакинский снег», стихи Д. Точева, 1965.
82. «Легенда о Варне», стихи Д. Точева, 1966.
83. «А человек остался человеком», стихи Л. Дербенева, 1966.
84. «Первый день календаря», стихи Л. Дербенева, 1966.
85. «Песенка о медведях», стихи Л. Дербенева, 1967.
86. «Иду за счастьем», стихи А. Горохова, 1967.
87. «Одиссей», стихи Л. Дербенева, 1968.
88. «Гололед», стихи Л. Дербенева, 1968.
89. «Все равно ты будешь мой», стихи Л. Дербенева, 1968.
90. «Слушай», стихи Л. Дербенева, 1968.
91. «Песня об Алма-Ате», стихи Л. Дербенева, 1968.
92. «Песня о матери», стихи Л. Дербенева, 1968.
93. «Айт-Чу», стихи Л. Дербенева, 1968.
94. «Танго алкоголика», стихи Л. Дербенева, 1968.
95. «Песня про зайцев», стихи Л. Дербенева, 1969.
96. «Лунная серенада», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
97. «Горная дорога», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
98. «Я буду ждать тебя», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
99. «Песня четырех друзей», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
100. «Песня о Душанбе», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
101. «Первая весна», стихи О. Гаджикасимова, 1968.
102. «Остров невезения», стихи Л. Дербенева, 1969.
103. «Помоги мне», стихи Л. Дербенева, 1969.
104. «Ты слышишь, море», стихи М. Пляцковского, 1970.
105. «Полосатая жизнь», стихи Л. Дербенева, 1971.
106. «Танго Остапа», стихи Л. Дербенева, 1971.
107. «Мираж», стихи Л. Дербенева, 1972.
108. «А любовь одна», стихи Л. Дербенева, 1972.
109. «Есть только миг», стихи Л. Дербенева, 1973.
110. «Все было», стихи Л. Дербенева, 1973.
111. «Кап-кап-кап», стихи Л. Дербенева, 1973.
112. «С любовью встретиться», стихи Л. Дербенева, 1973.
113. «Разговор со счастьем», стихи Л. Дербенева, 1973.
114. «Давным-давно была война», стихи Л. Дербенева, 1975.
115. «Совсем как на Земле», стихи Л. Дербенева, 1973.
116. «Волки гонят оленя», стихи Л. Дербенева, 1974.
117. «Небо мое», стихи Л. Дербенева, 1974.
118. «Первый прыжок», стихи Л. Дербенева, 1974.
119. «Если девчонка…», стихи Л. Дербенева, 1974.
120. «Песня о наряде», стихи Л. Дербенева, 1974.
121. «Уходишь ты», стихи Л. Дербенева, 1974.

122. «И кто виноват», стихи Л. Дербенева, 1974.
123. «Марш десантника», стихи Л. Дербенева, 1974.
124. «Куплеты старшины», стихи Л. Дербенева, 1974.
125. «Жил на свете толстый рыцарь», стихи Л. Дербенева, 1974.
126. «Чудовище», стихи Л. Дербенева, 1974.
127. «Песня Жаклин», стихи Л. Дербенева, 1974.
128. «Женщина с зелеными глазами», стихи Л. Дербенева, 1974.
129. «Куплеты о пиве», стихи Л. Дербенева, 1975.
130. «Купидон», стихи Л. Дербенева, 1975.
131. «До свиданья, лето», стихи Л. Дербенева, 1975.
132. «Бубен шамана», стихи Л. Дербенева, 1975.
133. «У-гу-гу», стихи Л. Дербенева, 1975.
134. «Любовь одна виновата», стихи Л. Дербенева, 1975.
135. «Песня Грозняка», стихи Л. Дербенева, 1975.
136. «Песня о кошке», стихи Л. Дербенева, 1975.
137. «Город огромный», стихи Л. Дербенева, 1975.
138. «Когда зовет любовь», стихи Л. Дербенева, 1975.
139. «Верблюд», стихи Л. Дербенева, 1975.
140. «Друг друга мы нашли», стихи Л. Дербенева, 1976.
141. «Волшебник-недоучка», стихи Л. Дербенева, 1976.
142. «Песня разбойников», стихи Л. Дербенева, 1976.
143. «Восточный базар», стихи Л. Дербенева, 1976.
144. «Разве, скажи мне…», стихи Л. Дербенева, 1976.
145. «У меня голова своя», стихи Л. Дербенева, 1976.
146. «Песня Ширака», стихи Л. Дербенева, 1976.
147. «Мы папу с мамой не слушали», стихи Л. Дербенева, 1976.
148. «Колыбельная», стихи Л. Дербенева, 1976.
149. «О коте», стихи Л. Дербенева, 1976.
150. «Куда уходит детство», стихи Л. Дербенева, 1976.
151. «Найди себе друга», стихи Л. Дербенева, 1976.
152. «Рисуйте, рисуйте», стихи Л. Дербенева, 1976.
153. «Парусиновый балаган», стихи Л. Дербенева, 1976.
154. «Верю в тебя», стихи О. Гаджикасимова, 1977.
155. «Сказки», стихи О. Гаджикасимова, 1977.
156. Третья песня из к/ф «Бросок, или Это все началось в субботу», стихи О. Гаджикасимова, 1977.
157. Четвертая песня из к/ф «Бросок…», стихи О. Гаджикасимова, 1977.
158. «Костры», стихи В. Луговского, 1977.
159. Песня из к/ф «Красные дипкурьеры», стихи В. Луговского, 1977.

160. Песня из к/ф «Инкогнито из Петербурга», стихи Л. Дербенева, 1977.
161. «Ах, Петербург», стихи Л. Дербенева, 1977.
162. «Песня о барашках», стихи Ю. Энтина, 1977.
163. «Покаяние», стихи Ю. Энтина, 1977.
164. «Бармалей», стихи Ю. Энтина, 1977.
165. «Верьте, не верьте», стихи Ю. Энтина, 1977.
166. «Лунная вода», стихи Ю. Энтина, 1977.
167. «Тахир и Зухра», стихи Ю. Энтина, 1977.
168. «Мама», стихи Л. Дербенева, 1977.
169. «Дорожная», стихи Л. Дербенева, 1977.
170. «А я уезжаю», стихи Л. Дербенева, 1977.
171. «Если долго мучиться», стихи Л. Дербенева, 1977.
172. «А любовь вечно молода», стихи Л. Дербенева, 1977.
173. «Песенка про меня», стихи Л. Дербенева, 1978.
174. «Да…», стихи Л. Дербенева, 1978.
175. «Этот мир придуман не нами», стихи Л. Дербенева, 1978.
176. «Ты не стал судьбой», стихи Л. Дербенева, 1978.
177. «Веселая песенка», стихи Л. Дербенева.
178. «Хеппи-энд», стихи Ю. Энтина, 1978.
179. «Золота слышен звон», стихи Ю. Энтина, 1978.
180. «Мир без любимого», стихи Ю. Энтина, 1978.
181. «Драконография», стихи Ю. Энтина, 1978.
182. «Чарльстон», стихи Ю. Энтина, 1978.
183. «Буду я королевой», стихи Ю. Энтина, 1978.
184. «Дуэт», стихи Ю. Энтина, 1978.
185. «Храбрый рыцарь», стихи Ю. Энтина, 1978.
186. «Ищу тебя», стихи Л. Дербенева, 1978.
187. «Он пришел», стихи Л. Дербенева, 1978.
188. «Что было однажды», стихи Л. Дербенева, 1978.
189. «Хочу жениться на принцессе», стихи Л. Дербенева, 1978.
190. «Звездный мост», стихи Л. Дербенева, 1978.
191. «Любовь нас выбирает», стихи Л. Дербенева, 1978.
192. «Песенка привидений», стихи Л. Дербенева, 1978.
193. «Лунный день», стихи Л. Дербенева, 1978.
194. «Летка-енка», стихи Ю. Энтина, 1979.
195. «Было и прошло», стихи Ю. Энтина, 1979.
196. «Узнай меня», стихи Л. Дербенева, 1979.
197. «Колесо судьбы», стихи Л. Дербенева, 1979.
198. «Мода», стихи Л. Дербенева, 1979.
199. «Надо спешить», стихи Л. Дербенева, 1979.
200. «Ты поверь, поверь», стихи Л. Дербенева, 1979.
201. «Молодость», стихи Л. Дербенева, 1979.
202. «Знаю, что ты придешь», стихи Л. Дербенева, 1979.

203. «Только до сердца дотронься», стихи Р. Рождественского, 1979.
204. «Первый дождь», стихи Л. Завальнюка, 1980.
205. «Облако-письмо», стихи Р. Рождественского, 1980.
206. «Только мы с тобой», стихи В. Крюкова, 1980.
207. «Немного удачи», стихи И. Кохановского, 1980.
208. «Ушел твой поезд», стихи Вл. Асмолова, 1980.
209. «Забывать нелегко», стихи И. Кохановского, 1981.
210. «Твои ладони», стихи И. Кохановского, 1981.
211. «Я убеждена», стихи И. Кохановского, 1981.
212. «Живу надеждой», стихи И. Кохановского, 1981.
213. «Только любовь», стихи И. Шаферана, 1981.
214. «В стране удач», стихи И. Шаферана, 1981.
215. «Лабиринт», стихи Вл. Асмолова, 1981.
216. «Мы родом из детства», стихи И. Кохановского, 1982.
217. «Дело не в погоде», стихи И. Кохановского, 1982.
218. «Опустевший дом», стихи И. Кохановского, 1982.
219. «У моря», стихи И. Кохановского, 1982.
220. «Дни летят», стихи И. Кохановского, 1982.
221. «Телефон», стихи И. Кохановского, 1982.
222. «Река мечты», стихи Вл. Асмолова, 1982.
223. «Добрая фея», стихи Ю. Энтина, 1982.
224. «Журавли», стихи А. Зацепина, 1983.
225. «Река», стихи А. Зацепина, 1983.
226. «Сгинь, тоска, со света!», стихи А. Зацепина, 1983.
227. «А я тебя все жду», стихи А. Зацепина, 1983.
228. «Под сенью акаций», стихи А. Зацепина, 1983.
229. «Эй, гитара», стихи А. Зацепина, 1983.
230. «На тропинке», стихи А. Смирнова, 1983.
231. «Акула», стихи Ю. Ряшенцева, 1987.
232. «Я тебя отыщу», стихи И. Резника, 1987.
233. «Дождемся завтрашнего дня», стихи И. Резника, 1987.
234. «Гипноз», стихи И. Резника, 1987.
235. «Джин», стихи И. Резника, 1987.
236. «А я не хочу летать», стихи И. Резника, 1987.
237. «И все возможное», стихи И. Резника, 1987.
238. «Мир начинается с надежды», стихи И. Резника, 1987.
239. «Норд-ост», стихи И. Резника, 1987.
240. «Черный ворон», стихи И. Резника, 1987.
241. «Я-я, мечта моя», стихи Ю. Энтина, 1987.
242. «Пусть услышат все вокруг», стихи Ю. Энтина, 1987.
243. «Зачем нужны нам чудеса», стихи Ю. Энтина, 1987.
244. «Солнечный бубен», стихи Ю. Энтина, 1987.
245. «Ты позови меня», стихи Ю. Энтина, 1987.

246. «Сад надежд», стихи Б. Дубровина,1987.
247. «Свет души», стихи В. Левина, 1987.
248. «Песня об ушедшем друге», стихи В. Левина, 1987.
249. «Ты жди, не надо торопиться», стихи А. Смирнова, 1988.
250. «Ночь», стихи А. Зацепина, 1988.
251. «Пассаж», стихи А. Зацепина, 1988.
252. «Прогулка», стихи А. Зацепина, 1988.
253. «Дождь пошел», стихи Л. Дербенева, 1989.
254. «Остров разлуки», стихи Л. Дербенева. 1989.
255. «Категоричным быть не стоит», стихи Л. Дербенева, 1989.
256. «Куплеты кооператоров», стихи Л. Дербенева, 1989.
257. «Мой поезд уехал», стихи Л. Дербенева, 1991.
258. «Кто знал», стихи Л. Дербенева, 1991.
259. «Мне от Брайтон-Бич», стихи Л. Дербенева, 1991.
260. «Чужие», стихи А. Костерова, 1991.
261. «Рождество», стихи А. Костерова, 1991.
262. «Поздно», стихи А. Костерова, 1991.
263. «Крещенские морозы», стихи А. Лойм, 1991.
264. «Париж», стихи А. Костерова, 1991.
265. «Проводи меня», стихи А. Костерова, 1991.
266. «Медленный вальс», стихи А. Лойм, 1991.
267. «Сумасшедшая комета», стихи Л. Дербенева, 1991.
268. «Песня Бабы-яги», стихи Л. Дербенева, 1991.
269. «Песня Ивана-царевича», стихи Л. Дербенева, 1991.
270. «Песня Наташи», стихи Л. Дербенева, 1991.
271. «Песня Деда Мороза», стихи Л. Дербенева, 1991.
272. «Гимн любви», стихи Л. Дербенева, 1991.
273. «Дорога счастья», стихи Л. Дербенева, 1991.
274. «Саночки», стихи А. Зацепина, 1998.
275. «Дожди, косые дожди», стихи М. Хлебниковой, 1999.
276. «Черный шоколад», стихи Ю. Рогозина, 2001.
277. «Ты опоздал», стихи Ю. Рогозина, 2001.
278. «Не позову», стихи Ю. Рогозина, 2001.
279. «Виртуальная любовь», стихи Ю. Рогозина, 2001.
280. «Одинокий волк», стихи Ю. Рогозина, 2001.
281. «Игра в любовь», стихи Ю. Рогозина, 2001.
282. «Мое чудовище», стихи Ю. Рогозина, 2001.
283. «Мы были вместе», стихи Ю. Рогозина, 2001.
284. «Дон Жуан», стихи Ю. Рогозина, 2001.
285. «Белая ночь», стихи Ю. Рогозина, 2001.
286. «В лабиринте дней», стихи Ю. Рогозина, 2001.
287. «Шут и царица», стихи Ю. Рогозина, 2001.
288. «Фиолетовые сумерки», стихи Ю. Рогозина.

289. «Белая сирень», стихи Ю. Рогозина, 2001.
290. «Часы пошли», стихи Ю. Рогозина. 2001.
291. «Крокодил», стихи Ю. Рогозина, 2001.
292. «Чудо-талисман», стихи Ю. Рогозина, 2001.
293. «Прощальный танец», стихи Ю. Рогозина, 2001.
294. «Любовь придет потом», стихи Ю. Рогозина, 2001.
295. «Замок на песке», стихи Ю. Рогозина, 2001.
296. «Одолень-трава», стихи Ю. Рогозина, 2001.
297. «Ветер белый», стихи Ю. Рогозина, 2002.

Мюзиклы

1. «Золотые ключи» в двух актах (либретто А. Шайкевича, Н. Олева, А. Рохлина), Моск. театр оперетты, режиссер-постановщик Г. Ансимов, 1973.

2. «Две женщины и зависть» в двух актах (либретто Н. Доризо), 1974, театр «Нова сцена», г. Братислава (Чехословакия), реж. Б. Крамосил, 1975.

3. «Русское Рождество в Париже» (либретто Е. Хорошевцева), Большой театр-шапито Ile Saint-Germain, Париж, 1992.

4. «Айвенго», 2015.

5. «Тайна третьей планеты», 2015, Новосибирский театр музыкальной комедии.

Вместо послесловия

…Не так давно Зацепин в очередной раз был в Москве и пригласил меня отпраздновать мой день рождения во французском ресторанчике.

Я зашел за ним, он, как всегда, весело улыбался.

– Барин, из Парижа!.. – воскликнул я.

– И вовсе не из Парижа! – сказал Александр Сергеевич. – Я приехал из Астаны!

Мы отправились пировать. С рестораном нас разделяла улица 1905 года, кишащая машинами.

– На светофор не пойдем, – предупредил маэстро, – идти долго. Я всегда тут перехожу, не бойся!..

Мы дождались, пока вдалеке зажегся красный свет и дорога почти опустела.

– Бежим! – скомандовал Зацепин.

И мы, да простят нас гаишники, побежали. А ведь зима, скользко!.. Одна машина упрямо ехала прямо на нас. В самый последний момент она все-таки свернула на боковую улочку.

– Видишь, – сказал Александр Сергеевич, – как водитель нас уважает!..

– Думаете?

– Конечно. Нам уступил, а сам поехал дворами объезжать! Вон там он снова выйдет на дорогу!..

– Может быть, пиво? – голосом Юрия Никулина спросил маэстро меня в ресторане.

– Нет! – голосом Светланы Светличной ответил я. – Только вино!

Мы пригубили молодого красного вина.

– Александр Сергеевич, вы отпускаете кудри до плеч? – поинтересовался я, заметив его удлиненную стрижку.

– Нет, – сказал он, – это я просто весь постепенно обрастаю!..

После того как мы плотно взялись за салаты, пошел легкий разговор о жизни. Александр Сергеевич только что вернулся из Казахстана. В Астане, в оперном театре, начинают постановку его нового балета. Когда-то Зацепин окончил Алма-Атинскую консерваторию, там вышел его первый музыкальный фильм, был поставлен балет. Там его считают своим.

– Президент Нурсултан Назарбаев пригласил меня в Астану, – рассказал он, – на большой концерт по случаю двадцатипятилетия независимости Казахстана. С большим симфоническим оркестром были исполнены три мои песни. «Этот мир придуман не нами» пел весь зал. Нурсултан Назарбаев встал

и тоже пел.

– Приятно, когда президент поет вашу песню!.. Ну, а как вам вообще сейчас живется? – спросил я.

После смерти жены Александр Сергеевич живет вместе с дочерью Леной и ее семьей.

– Живу я в маленьком французском городе Туари в пяти километрах от границы со Швейцарией. До Женевы – рукой подать, всего десять километров. Лена работает в Женеве и каждый день пересекает границу… Я обитаю на первом этаже трехэтажного дома дочери, дверь выходит прямо в сад. На втором этаже, в гостиной, мы обедаем, наверху – три спальни. Я могу играть громко, никому не мешая! Не то что в Москве или Париже, где через стенку все слышно. Там приходится работать в наушниках. А когда работаешь по восемь-десять часов, то уши немножко устают и вянут… А тут звук идет через колонки.

– Как ваши внуки?

– Александр имеет свою фирму, занимается строительством. Его жена Юля – из России. Их сыну Саше – три года. Моей внучке Свете восемнадцать лет, она учится, осваивает два иностранных языка.

Нам принесли горячее. Зацепин заказывал рыбу.

Встреча с президентом Казахстана Нурсултаном Назарбаевым, Астана, ноябрь 2016 год

– У меня есть ласковая кошка, – продолжал он, – я ее зову Кисой, но не Воробьяниновым. По паспорту она Джорджия. Во входной двери для нее есть дырочка, она головой нажимает на специальную закрывашку и выходит в сад. Киса встает рано, но меня не будит. Стоит мне лишь пошевелиться, тут же тычется холодным носом мне в ногу, смотрит в глаза и терпеливо ждет, когда я сделаю зарядку. Раньше она сразу просила поесть, но я ей объяснил, что кошки не едят так рано. Она отнеслась к моим разъяснениям с пониманием. Но только произнесешь волшебное слово «Кушать!» – бежит к своей миске. Иногда она ходит на охоту, потом приносит мне мышь…

– Ваше утро, как обычно, начинается…

– …с зарядки! Встаю в районе восьми, двадцать минут – на

зарядку. Иногда не хочется, но надо, даже через силу! День пропустишь – можешь привыкнуть отлынивать, станешь лениться, а этого допустить нельзя! Потом душ и завтрак.

– Яичница с беконом, конечно?..

– Почти. Два кусочка хлеба с сыром, йогурт, кофе. В половине первого зять Борис зовет меня наверх обедать. Лена варит большую вкусную кастрюлю, нам на несколько дней хватает. Не отказываюсь и от второго блюда. Сладкого стараюсь есть поменьше. Потом иду вниз к себе, расслабляюсь по-йоговски, отдыхаю пятнадцать минут. Глаза сами открываются, встаю бодрый и – за работу. В четыре пью чашку кофе, до этого, бывает, фрукты какие-нибудь съем и опять за работу. Часов в шесть приходит дочь. Около восьми меня зовут ужинать. Чаще всего – рыба с овощами. И снова за работу, до девяти – половины десятого. Хотелось бы, конечно, подольше, но мне уже не тридцать лет… Для меня работа – это кислород!.. Ложусь, читаю с часок. Около одиннадцати засыпаю. Во сне иногда сочиняю что-то, слышу даже, как это звучит уже в чьем-то исполнении. Ночью кажется: гениальная песня!.. А утром посмотрю: такая ерунда!.. Но бывает, какое-то место мне нравится, тогда сохраняю его или дописываю, получается что-то целое. Когда мне хочется получить заряд энергии и красоты, я поднимаюсь на третий этаж, там с балкона видны горы, Монблан…

С другом, писателем Юрием Рогозиным, Москва, декабрь 2016 года

– Александр Сергеевич, а ведь люди ждут новых песен!..

– К сожалению, песни не пишу. Раньше в основном мои песни были из фильмов. Оттуда они прямым ходом шли в народ, их везде играли, в ресторанах, на радио. А сейчас как раскрутить песню? Чтобы песня звучала, надо платить бешеные деньги. Как-то пытался поставить песню в телесериале, для которого писал музыку. А в договоре прочитал: титры могут быть сжаты, то есть их пустят быстро-быстро, и песню, естественно, никто не услышит…

– И вы взялись за мюзиклы?

– Да. Один – по мультфильму «Тайна третьей планеты». Спектакль поставили в Новосибирском театре музкомедии. Собираются и в Москве. По мотивам опять же «Тайны третьей планеты» написал балет. Большая, трудная работа. Либретто уже готово. Послал все партитуры в Астану, там прекрасный театр, самое современное оборудование. Мой мюзикл «Тридцать первое июня» три года идет в петербургском театре «Карамболь», мне очень нравится постановка. К одноименному фильму он имеет косвенное отношение, сюжет там тоже уже другой. Написал мюзикл «Айвенго», скоро тоже пойдет в «Карамболе». Хочу еще один мюзикл, трагедию…

…После ресторана мы с маэстро опять взялись перебегать улицу в неустановленном месте. Дождались красного света с двух сторон вдалеке и – вперед!

– А хорошо бы тут светофор поставить, – сказал Александр Сергеевич.

– Я напишу мэру, чтобы устранили эту досадную неприятность! – пообещал я.

Мы посидели в московской квартире композитора, он дал мне послушать фрагменты своего нового мюзикла «Айвенго», сфотографировал меня на своем рабочем месте. Для удачи я подержал в руках его очки.

За работой, 2012 год, Париж

А на следующий день он улетел во Францию. Но обещал вернуться!

Я ехал домой и думал: за что я люблю Зацепина? За его музыку? За это его все любят. За нашу дружбу, которая началась еще в мезозойском периоде? За то, что мне посчастливилось написать с ним двадцать с лишним песен? За его неиссякаемый юмор? Он ведь из тех, кто мимо тещиного дома без шутки не пройдет…

И тут я понял. А просто! За то, что он есть.